

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI  
TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

765

О РОЛИ ЮРИДИЧЕСКОЙ  
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ  
УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-  
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Труды по правоведению



TARTU 1987

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED  
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ  
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА  
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS  
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 765 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

О РОЛИ ЮРИДИЧЕСКОЙ  
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ  
УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-  
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Труды по правоведению

ТАРТУ 1987

Redaktsioonikolleegiumid: P. Kask (esimees),  
I. Koolmeister, H. Lindmäe, E. Salumaa, P. Järvelaid;  
I. Gräzin (esimees), V. Kelder, I. Kull, R. Maruste,  
I. Orgo, E. Ploom, I. Rebane, E. Salumaa  
Vastutavad toimetajad: I. Rebane ja P. Varul.

Редакционные коллегии: П. Каск (председатель),  
И. Коолмейстер, Х. Линдмэ, Э. Салумаа, П. Ярвелейд;  
И. Грязин (председатель), В. Кельдер, И. Куль,  
Р. Марусте, И. Орго, Э. Плом, И. Ребане, Э. Салумаа  
Ответственные редакторы: И. Ребане и П. Варул

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из существенных компонентов разработанной Коммунистической партией Советского Союза и проводимой в настоящее время в нашей стране политики социально-экономического ускорения является повышение ответственности каждого члена общества и коллектива за выполнение доверенных им задач.<sup>1</sup> Центральное место здесь занимает юридическая ответственность. Выдвинутые на XVII съезде КПСС требования об укреплении социалистической законности и правопорядка, совершенствовании законодательства, более полном обеспечении социальной справедливости<sup>2</sup> предполагают улучшение самих норм, устанавливающих юридическую ответственность, порядок их применения, а также более основательную разработку теории юридической ответственности. Эти цели послужили основой для составления данного сборника научных статей. Авторами предпринята попытка рассмотреть юридическую ответственность как средство, с помощью которого можно более эффективно воздействовать в желаемом направлении на регулируемые в правовом порядке общественные отношения. В сборнике проанализированы как общетеоретические вопросы, так и отдельные виды юридической ответственности — уголовная ответственность, гражданско-правовая ответственность, материальная ответственность рабочих, служащих и колхозников, дисциплинарная ответственность должностных лиц. Большая часть статей посвящена гражданско-правовой ответственности. Именно в этой отрасли возник ряд спорных вопросов, существенно влияющих на теорию юридической ответственности в целом. Назовем здесь хотя бы проблему возможности существования безвиновной юридической ответственности, проблему различения мер ответственности от других мер правовой защиты и т.д.

Многие точки зрения, представленные в сборнике, имеют спорный характер. Составители сборника не стремились к тому,

---

<sup>1</sup> См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. — М.: Политиздат, 1986. — С. 36, 41, 47, 48 и др.

<sup>2</sup> См.: Горбачев М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. — С. 77-78.

чтобы все статьи пронизывала единая концепция юридической ответственности. Наоборот, они усматривают развитие научной мысли прежде всего в открытой дискуссии. Таким образом, хотя авторы содержащихся в сборнике статей порой и придерживаются прямо противоположных точек зрения по многим вопросам, мы видим в этом фактор, способствующий развитию теории юридической ответственности. Отправной точкой здесь служит выраженный в Программе КПСС принцип, согласно которому "... партия поддерживает смелый поиск, соревнование идей и направлений в науке, плодотворные дискуссии. Науке противопоказаны как схоластические рассуждения, так и пассивная регистрация фактов, чужающаяся смелых теоретических обобщений, конъюнктурщина, отрыв от реальности"<sup>1</sup>.

Среди авторов статей, входящих в настоящий сборник, — корифей советской гражданско-правовой науки, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, проф. С.Н. Братусь, а также известные правоведы разных научных центров нашей страны. Поэтому сборник по существу межвузовский, но прежде всего — это первый теоретический межкафедральный сборник научных работ юридического факультета Тартуского государственного университета.

Ответственные редакторы:

докт. юрид. наук, проф. И.А. Ребане,  
канд. юрид. наук П.А. Варул

---

<sup>1</sup> Программа КПСС, с. 58.

## МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ГРАЖДАНСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

С.Н. Братусь  
Москва

На протяжении многих лет вопрос о природе юридической ответственности, о ее существенных чертах привлекает внимание советских правоведов. Большинство характеризует юридическую ответственность тремя признаками: государственным принуждением, применяемым по отношению к правонарушителю, осуждением правонарушения и его субъектов, наличием неблагоприятных последствий — личных и имущественных — для правонарушителя "... ответственность в ее подлинном и единственном юридическом смысле есть реакция на правонарушение" /1, с. 134/1.

Эта традиционная трактовка юридической ответственности за последние 10-15 лет подвергалась критике сторонниками так называемой позитивной юридической ответственности. Не отрицая негативной ответственности как реакции на правонарушение, эти сторонники расширяют понятие ответственности, считая, что позитивная юридическая ответственность лежит на обязанном лице и в процессе выполнения его обязанности, при отсутствии правонарушения. Она выражается, по мнению представителей этой концепции, в осознании обязаным лицом необходимости неуклонного и добросовестного исполнения своей обязанности, как осознание чувства долга перед обществом, коллективом, членом которого является указанное лицо, перед уполномоченной стороной в правоотношении, перед самим собой. Одним из первых, если не первым, в советской правовой лите-

1 Развернутое определение гражданско-правовой ответственности, учитывающее согласно традиционному ее пониманию названные компоненты, содержится в последнем по времени издании учебнике гражданского права под редакцией О.А. Красавчикова: "Сущность гражданско-правовой ответственности кратко может быть определена как установленная законом неотвратимая реакция государства на гражданское правонарушение, выражающаяся в лишении определенных гражданских прав или возложении неэквивалентных обязанностей имущественного характера" /2, с. 502/.

ратуре, инициатором этой концепции был профессор П.Е. Недбайло /3, с. 52/<sup>1</sup>.

Эта концепция сторонниками традиционной теории юридической ответственности была подвергнута критическому анализу и отвергнута ими. Справедливо было отмечено, что позитивная ответственность дублирует понятие юридической обязанности, что чувство долга, лежащее в основе сознательного выполнения обязанности, разумеется, способствует укреплению законности, уменьшению правонарушений. Но само по себе чувство долга — это существенный элемент правосознания, а не юридическая ответственность. Теория позитивной ответственности социальную ответственность членов общества компетентных должностных лиц, коллективов, понимаемую как сознательное отношение к своему долгу, смешивает с юридической ответственностью как реакцией на противоправные действия. В содержание понятия позитивной ответственности включается также и то, что именуют моральной, нравственной ответственностью. Такое расширение рамок юридической ответственности ведет за собой утрату ее качественной определенности, растворение в иных общественных явлениях<sup>2</sup>.

Но и среди сторонников традиционного понимания юридической ответственности как реакции на правонарушение существуют разногласия в характеристике существенных черт этой ответственности. Большинство представителей этой теории полагают, что самой существенной чертой (признаком) ответственности является наступление и претерпевание добавочных неблагоприятных последствий для нарушителя обязанности. Поэтому отрицается наступление юридической ответственности в том случае, когда обязанность исполняется под воздействием государственного принуждения, но никаких дополнительных имущественных и личных обременений у нарушителя обязанности не возникает.

Автор настоящей статьи не согласен с таким пониманием юридической ответственности. Его взгляды изложены в ранее опубликованных работах /5; 8/. Основная черта юридической

<sup>1</sup> Дальнейшее развитие теория позитивной ответственности получила в работах Назарова Г.Л., Строговича М.С., Кудрявцева В.Н., Матузова Н.И. и других авторов.

<sup>2</sup> См. критические соображения, высказанные по поводу теории позитивной ответственности в работах Самощенко И.С. и Фарукшина М.Х. (4), Братуся С.Н. (5), Лейста О.Э. (6), Денисова Ю.А. (7), Малеина Н.С. (1).

ответственности в сфере положительного правового регулирования общественных отношений, т.е. такого регулирования, которое способствует их закреплению и развитию в соответствии с требованиями объективных законов в социалистическом обществе, социально-экономической политике Коммунистической партии и Советского государства состоит в том, чтобы ответственность способствовала реальному выполнению обязанностей граждан, трудовых коллективов, должностных лиц как по отношению к государству, так и в их взаимоотношениях, опосредуемых правами и обязанностями, т.е. в правоотношениях. В настоящее время в свете решений XXVII съезда КПСС особенно остро встали вопросы трудовой дисциплины, выполнения каждым работником, предприятиями, организациями, учреждениями, иными организованными трудовыми коллективами возложенных на них обязанностей и осуществления имеющихся у них прав реально. Что касается дополнительных обременений личного и имущественного характера за нарушение обязанностей, то они должны играть подлинную стимулирующую роль, быть средством возмещения (компенсации) причиненного имущественного вреда, включать в себя и имеющие "наказательное" значение меры в виде иных невыгодных последствий за неисполнение договорных и внедоговорных обязанностей.

Но не это главное. Главное — это подлинное реальное, предусмотренное законом и волей сторон, исполнение обязанностей. Поэтому при их нарушении необходимо государственное принуждение к такому исполнению. Известно, что в период, предшествующий решительной перестройке хозяйственного механизма, важнейшей целью которого является такая система управления народным хозяйством, которая всемерно способствовала бы интенсификации социалистического производства на основе достижений научно-технического прогресса, имущественные санкции, взимаемые за невыполнение договорных и иных обязательств, не играли или весьма мало играли стимулирующую для выполнения этих обязательств роль. Принцип реального исполнения, провозглашенный в ст. 36 Основ гражданского законодательства, нарушался в договорных обязательствах по поставкам продукции материально-технического назначения и товаров народного потребления. В силу многих обстоятельств объективного и субъективного порядка, на которых нет необходимости здесь останавливаться (о них было много сказано на XXVII съезде КПСС, в экономической и юридической литературе, в широкой печати), государственное принуждение к исполнению должника в натуре фактически не применялось.

Поэтому положение, что юридическая ответственность — это состояние государственного (или общественного в рамках, установленных законом) принуждения к реальному исполнению нарушенной обязанности более чем когда-либо соответствует требованиям нашего времени. Разумеется тогда, когда такое принуждение невозможно, гражданско-правовая ответственность выражается в тех неблагоприятных для правонарушителя последствиях, в которых и усматривают ее суть и назначение.

На наш взгляд, основной методологический недостаток господствующей теории юридической ответственности состоит в том, что гипертрофируется категория ответственности и недооценивается категория обязанности. Между тем, обязанность — это важнейшая категория права, через нее (так же как и субъективное право) лицо связано с государством, с другими лицами в конкретных правоотношениях. Истоки ответственности как состояния принуждения к исполнению обязанности надо искать не в процессуальном, а в материальном праве. Следует прежде всего обратиться к анализу и характеристике правоотношения, поскольку ответственность одного участника правонарушения перед другим его участником — это наиболее распространенное явление.

Норма права — масштаб определенного возможного и необходимого поведения. Конкретное правоотношение — это определенные рамки поведения управомоченного и обязанного лиц — сторон в этом правоотношении. Это граница, установленная для данного общественного отношения (экономического, социально-культурного и других видов отношений одаренных волей и сознанием участников), которую нельзя преступить, не разрушая правоотношение. Выход за эту границу (рамки) вызывает реакцию, предусмотренную санкцией, содержащейся в норме материального права. Первое и самое важное — это восстановление нарушенных прав и обязанностей. Поэтому угроза принуждения заложена через норму права в правоотношении. В одинаковой мере такая угроза распространяется на участников правоотношения, возникающего в силу предписаний как императивных, так и диспозитивных норм. Последние представляют участникам гражданского правоотношения самим определять свои права и обязанности. Но с того момента, когда они определены, эти участники связаны государственным принуждением к исполнению установленной обязанности, если она не исполняется добровольно. Угрозу принуждения и при добровольном исполнении обя-

занности признают и те авторы<sup>I</sup>, которые считают, что ответственность — лишь дополнительное обременение, ущемляющее личные и имущественные блага нарушителя обязанности.

Следовательно, угроза принуждения, являющаяся необходимым структурным элементом нормы материального права и присутствующая в материально-правовом отношении, из потенции становится реальным принуждением, обеспечивающим исполнение обязанности. Здесь происходит определенный скачок — переход от потенции к действительности — к реальному исполнению под воздействием принуждения. Без этого невозможно при уклонении от обязанностей существование и действие права. В этом суть ответственности как необходимой стороны категории обязанности.

Известно, что в историческом прошлом, в условиях неразвившегося еще права и его регулирующей роли в общественных отношениях различались долг (обязанность) и ответственность, как два различных правоотношения, имевшие своим основанием различные юридические факты. Но в дальнейшем такое разделение стало затруднительным для развивавшегося имущественного оборота, и долг и ответственность в обязательстве слились. Следовательно, то, что именуется ответственностью, не что иное как выступающая вследствие нарушения обязанности ее необходимая сторона, ее существенное свойство. Это — опосредованное государственным принуждением исполнение обязанности. Поэтому еще в 1940 г. М.М. Агарков пришел к выводу, имея в виду гражданско-правовое обязательство, что "вопрос разграничения долга и ответственности не имеет значения для советского права" /9, с. 45/.

Сторонники понимания ответственности как претерпевания неблагоприятных последствий для правонарушителя не учитывают, что эти неблагоприятные последствия основываются на юридических фактах, порождающих иное, хотя и связанное с основным, правоотношение — обязанности и права сторон. Это особенно ярко подтверждается в гражданском праве так называемыми обеспечительными обязательствами. Ведь соглашение о неустойке — это договор, порождающий обязательство выплатить

<sup>I</sup> Так, Малеин Н.С. признает, что поскольку правонарушитель сознает, что причитающиеся с него суммы будут взысканы по решению суда или арбитража, и не ожидая этого, производит исполнение под давлением угрозы принуждения (добровольно-принудительное "исполнение"), то "фактор" принуждения выступает в потенциальной, психической форме" /1, с. 140/.

определенную денежную сумму за неисполнение условий другого договора. Невозможность исполнения в натуре трансформируется в силу закона в обязательства возмещения убытков и т.д.

Следует прийти к выводу, что государственное принуждение к исполнению обязанности — это не приводящее извне воздействие, а элемент, необходимая сторона материального правомочия, созревшего для осуществления, когда условием такого осуществления является исполнение обязанности другим лицом. Этот элемент заложен в самом правоотношении, но превращающийся из потенции в действительность при неисполнении корреспондирующей субъективному праву обязанности. Возникающие вследствие нарушенной обязанности процессуальные отношения — это форма, средство, инструмент подтверждения в случае спора существующих прав и обязанностей, средство, обеспечивающее принуждение к реальному исполнению обязанности и охватывающее возможность осуществления субъективного права. Поэтому юридическая ответственность — это не самый акт принуждения (юрисдикционный акт), а опосредованное им исполнение обязанности.

Ошибка сторонников традиционного понимания юридической ответственности как последствий неправомерного поведения, выражающихся в неблагоприятных имущественных и иных последствиях для нарушителя, состоит в том, что они отождествляют санкции с этими последствиями и полагают, что если нет последствий, нет и ответственности.

Ярким примером такой логики обоснования и отсутствия ответственности является утверждение, что исполнение нарушенной гражданско-правовой обязанности в принудительном порядке не является ответственностью, потому что "никакой ответственности здесь нет, и имеется лишь особая форма осуществления права кредитором путем принуждения должника к исполнению обязанности. Ответственность всегда связана с применением санкции. В данном же случае ничего иного кроме прав и обязанностей, составляющих содержание правоотношений, не возникает. Принуждение лишь вынужденная форма их реализации" /Ю, с. 510-511/.

Из этого высказывания вытекает, что санкция за нарушение гражданско-правовой обязанности находится вне данного гражданско-правового обязательства, а стало быть и вне соответствующей юридической нормы. Ответственность как реализация санкции — дополнительный по отношению к обязательству, но самостоятельный феномен. Такой вывод, возможно, приемлем для

тех, кто считает, что структура правовой нормы исчерпывается гипотезой и диспозицией, и санкцию выносят за пределы нормы. Мы же исходим из того, что правовая норма имеет три элемента - гипотезу, диспозицию и санкцию. Санкция в ее потенциальном состоянии находится внутри нормы и внутри конкретного правоотношения. Будучи угрозой принуждения при неисполнении обязанности, она становится принуждением к его исполнению. В этом суть ответственности, а не в том, что исполнение обязательства может быть обеспечено добавочными обязательствами, стимулирующими надлежащее исполнение.

В гражданских кодексах союзных республик содержатся главы, посвященные обеспечению исполнения обязательств, и отдельно - главы об ответственности за нарушение обязательств. Ответственность за нарушение обязательства возникает и тогда, когда последнее не сопровождается иными обеспечительными обязательствами - неустойкой, залогом, поручательством, задатком, гарантией. У кредитора всегда сохраняется возможность и при отсутствии обеспечительных правоотношений при неисполнении или при ненадлежащем исполнении обязательства должником привести в действие аппарат государственного принуждения, обеспечивающий исполнение в натуре, и при невозможности сделать это, - взыскать в том же порядке убыток. Обязанность в этих случаях выполняется против воли должника. Вот это обстоятельство и характеризует ответственность в отличие от добровольного исполнения. Автор приведенного выше высказывания хотя и утверждает, что при принуждении к возврату денежной суммы, данной займа, или к передаче вещи покупателю нет никакой ответственности, но признает, что это "особая форма осуществления права кредитором путем принуждения должника к исполнению обязанности" (подчеркнуто мною - С.В.). Вот эта особая форма и есть ответственность для должника.

Н.С. Малеин, исходя из понимания ответственности как неблагоприятных последствий правонарушения, упрекает "концепцию принуждения" в том, что она, "отождествляя различные по существу категории - ответственность и охраняемую ею обязанность - и различая их исключительно по форме (принудительная или добровольная форма исполнения), приводит к упразднению ответственности, поскольку она ничем не обременяет правонарушителя, кроме принудительного исполнения той обязанности, которая существовала независимо от (без) правонарушения" /I, с. 145/. Он утверждает, что эта концепция "противоречит

неотвратимости ответственности. объективно способствует освобождению от ответственности за совершение правонарушения", что "концепция принуждения" неубедительна теоретически и практически /I, с. 139/. Обоснование этого критического вывода все то же: "Если нет изъятия имущества, принадлежащего правонарушителю, значит, нет неблагоприятных имущественных последствий и нет имущественной ответственности" /I, с.141/.

В этих суждениях весьма выпукло проявляется существенное различие двух подходов к пониманию юридической ответственности. Первый, традиционный подход исходит из признания двух самостоятельных явлений - обязанности и ответственности. Второй - из того, что ответственность - необходимая и существенная сторона неисполненной обязанности, реализация находящегося в потенциальном состоянии принуждения. К сожалению, первый подход, игнорируя различие между добровольным исполнением обязанности должником и государственным к этому принуждением, не учитывает то состояние обязанности, в которое она переходит, когда она нарушается. А в этом ее состоянии для субъекта правомочия обеспечивается возможность принудительно его осуществить против нарушившего обязанность лица в точном соответствии с содержанием правомочия и обязанности, независимо от того, связано это или не связано с отрицательными имущественными последствиями для правонарушителя.

Поэтому безосновательным и недоказанным надо признать упрек Н.С. Малеина в несостоятельности "концепции принуждения", якобы способствующей освобождению от ответственности за совершение правонарушения. Этот упрек исходит все из той же позиции: ответственность - обязательные неблагоприятные имущественные последствия правонарушения и ничего более. Во-первых, ответственность по гражданскому праву наступает и тогда, когда неблагоприятные имущественные последствия, возлагаемые на сторону, нарушившую обязанность, неэквивалентны причиненному вреду (например, выплата исключительной неустойки кредитору, заменяющей возмещение убытков), а также и тогда, когда кредитору ненадлежащим исполнением фактически вовсе не причинен какой-либо вред (см. об этом: II, с. 85-86).

Во-вторых, и это самое важное, если к обязанности должника, выполняемой под государственным принуждением, не добавляется никаких имущественных обременений, его ответственность в силу ранее высказанных соображений наступает. Налицо, снова подчеркнем, государственное осуждение на основе

соответствующего юрисдикционного акта, что связано и с общим и специальным предупреждением, с обеспечением правопорядка, а такое осуждение - важный элемент ответственности. Если же исходить из позиции Н.С. Малеина, то упрек в том, что "концепция принуждения" объективно способствует освобождению от ответственности за совершенное правонарушение, совершенно неоснователен. Наоборот, этот упрек с большей убедительностью надо адресовать традиционной теории ответственности, поскольку ее сторонники не усматривают никакой разницы в том, исполняется ли обязанность добровольно или под воздействием государственного принуждения, если на должника не возложены дополнительные имущественные обременения.

Из сказанного, на наш взгляд, необходимо сделать и тот вывод, что ответственность не образует особого правонарушения, отличного от обеспечиваемого его правоотношения. Исполнение обязанности в добровольном порядке прекращает правоотношение. Но и исполнение, опосредуемое принуждением помимо воли обязанного лица, заканчивается тем же. Ответственность - это исполняемая под принуждением та же или трансформируемая вследствие невозможности исполнения в натуре обязанность. Те же отношения, которые возникают в процессе исполнительного производства между юрисдикционным органом, конкретным должностным лицом, реализующим его решение, принуждаемым к исполнению обязанности и потерпевшим (кредитором), как уже было сказано выше, - это область процессуального права. При наличии спора в связи с необходимостью выяснения вопроса, существовала ли обязанность, исполнена ли она или не исполнена, имеется ли корреспондирующее право у лица, обращающегося в суд за защитой, также возникает до вынесения решения соответствующие процессуальные правоотношения. Юридическая же ответственность неотделима от материально-правового отношения, ибо это определенная стадия развития содержащейся в нем обязанности.

Таковы те краткие обоснования взглядов автора настоящей статьи, поддерживающего так называемую концепцию принуждения по поводу существования ответственности. Эти взгляды были изложены им в ранее опубликованных работах (в той их части, которая относится к характеристике ответственности по гражданскому праву) /5, с. 103-111/. Речь идет о главной проблеме в связи с содержащейся критикой этой концепции в литературе, а именно, о проблеме соотношения юридической ответственности и гражданско-правовых норм (под действие которых подпадают и

конкретные гражданско-правовые отношения).

К сожалению, критики указанной концепции упрощают аргументы ее сторонников, усматривая в них лишь поверхностную констатацию того, что ответственность связана с государственным принуждением, и игнорируют, как правило, те аргументы, характеризующие возникновение юридической ответственности как необходимого компонента самого содержания и действия правовых норм и соответствующих им гражданско-правовых отношений, отражающие требования жизни. Приходится вновь напомнить известное положение В.И. Ленина, что право — ничто без аппарата, способного принуждать к выполнению норм права.

#### Использованные материалы

1. Малеин Н.С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. — М.: Юрид. лит. 1985.
2. Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова — 3-е изд. — М.: Высш. шк., 1985. — Т. I.
3. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. — 1973. — № 3.
4. Самошенко И.С., Фарушкин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. — М.: Юрид. лит., 1971.
5. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. — М.: Юрид. лит., 1976.
6. Дейст. О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
7. Денисов Д.А. Общая теория правонарушения и ответственности. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
8. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и сознание долга // Вопросы теории государства и права: Межвуз. науч. сб.: Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983.
9. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. — М., 1940.
10. Советское гражданское право / Под ред. В.П. Грибанова, С.М. Корнеева. — М.: Юрид. лит., 1979. — Т. I.
11. Басин Д.Г. Основания гражданско-правовой ответственности за хозяйственные правонарушения // Изв. АН Казахской ССР: Серия общественных наук. I — 1986.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ  
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ УСКОРЕНИЯ  
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

П.А. Варул, И.Н. Грязин  
Тарту

Стратегия ускорения социально-экономического развития социалистического общества предполагает полную мобилизацию всех материальных, духовных, социально-организационных и личностных ресурсов для решения основной задачи — повышения уровня благосостояния народа /1, с. 32/. Тем самым речь идет не только о привлечении новых средств, но и, в первую очередь, о более эффективном и рациональном использовании того, что уже создано и имеется, в том числе и наличного опыта, и устоявшихся и оправдавших себя организационных форм. Относительно последних, однако, требованием времени можно считать их неустанное совершенствование и более полное использование заключенных в них возможностей. Среди прочих факторов ускорения социально-экономического развития страны можно выделить и область нормативно-правовой регуляции и формирования правовых отношений как область, в которой личное участие каждого гражданина и должностного лица в решении общественно-значимых задач непосредственно соприкасается с государственной оценкой его деятельности. При этом нами допускается, что одной из основных юридических форм объединения личного и общественного, частного и общего, субъективного и объективного является феномен юридической ответственности, нашедший свое категориальное отражение в правовой теории.

Юридическая литература последних десятилетий со всей очевидностью обнаружила всю сложность проблематики, связанной как с понятием юридической ответственности, так и с самим этим явлением. Положение усугубляется рядом обстоятельств. Среди них можно отметить трудности эмпирического восприятия феномена ответственности (при наличии каких эмпирических фактов мы вообще можем назвать данные явления ответственностью?), наличие целого ряда явлений, относительно которых трудно ответить — являются ли они разновидностью от-

ответственности, его проявления или представляют собой все же нечто другое, многозначность самого термина "ответственность" и его использование в различных значениях, обширность законодательной, правоприменительной и научно-правовой литературы, пользующейся понятием ответственности, но не поясняющей его смысла и т.п. Наряду со сказанным следует подчеркнуть, что вопросы, связанные с юридической ответственностью, не являются с точки зрения как юридической практики, так и теории периферийными, а относятся к ядру правового регулирования. Все эти моменты вместе взяты приводят нас к выводу о том, что концепция ответственности в современной теории права подошла к состоянию своего кризиса. Такое положение дел, которое до определенного времени можно было рассматривать в качестве лишь академических трудностей, становится крайне серьезной проблемой в условиях, когда на правовые науки возложены новые, особые задачи по обеспечению устойчивого развития всего общества.

Речь, таким образом, уже не может идти о "подправлении" отдельных дефиниций юридической ответственности, о попытках теоретического обоснования случайных словоупотреблений в законодательных текстах, о дискуссиях по частным вопросам, а лишь о новом пересмотре всей проблематики, связанной с юридической ответственностью, об определении методологических основ ее исследования и теоретического отражения. Ни в коей мере не полагая, что эти вопросы могут быть решены в рамках одной статьи, мы ставим, в данном случае, перед собой цель обратить внимание читателей лишь на некоторые, на наш взгляд, довольно важные моменты, связанные с методологическим аспектом исследования феномена юридической ответственности.

История развития науки и различные философские концепции, отражающие этот процесс, обнаружили обстоятельство, что постепенная "подгонка" уже существующей теории ко все новым и новым фактам имеет разумные пределы: начиная с определенного момента всевозможные дополнения, оговорки, уточнения, поправки и исключения теории приходят с ней в определенное противоречие. Проблема возникает даже не из-за того, что теория при этом значительно усложняется (простота не является критерием истинности!), а в силу того, что ее дополнения по существу начинают отрицать ее изначальный смысл. В такой ситуации, как свидетельствует история науки, существуют две стратегии: во-первых, создание новой теории (Т2), охватывающей область старой теории (Т1), плюс новые факты, причем

T1 оказывается в определенном смысле частным (например, экстремальным) случаем T2 (таково, например, соотношение релятивистской и классической механики) и, во-вторых, отброс "наслоения" новых фактов и развитие изначальной теории (T1) в ином направлении с целью покрыть и область новых фактов (например, процесс создания гелиоцентрической системы).

Эти схемы, относительно чисто обнаруживающиеся в естественных науках, отражают в целом и положение в области проблематики, которой посвящена данная статья.

Общепризнанно, что юридическая ответственность, включенная в общий механизм социальной регуляции, является видом или частью социальной ответственности вообще. Опыт проведенного в ТГУ крупномасштабного социологического исследования<sup>I</sup> показал, что в определенных отношениях понятие ответственности вообще (социальной ответственности) может быть представлено в качестве единой основы для определения целого ряда иных социологических категорий, отражающих механизм социальной регуляции в его функционировании. Так, например, в указанном исследовании в целях преодоления тупиков бесконечных споров относительно дефиниций было установлено определение понятий заинтересованности, компетентности, нормированности, стимуляции и др. через понятие социальной ответственности. При всей условности такого подхода им было выявлено обстоятельство, что, по крайней мере, в некоторых исследовательских целях понятие социальной ответственности может быть интерпретировано как категория, то есть как предельное понятийное обобщение определенной области социального бытия. Таким образом, путь создания более общей теории, включающей в себя понятие социальной ответственности и остающейся в рамках исследования механизма социальной регуляции, оказывается перекрытым. Рассматривая понятие социальной ответственности как философскую категорию, остается вторая возможность — раскрытие его внутренних определений, т.е. пробление этой общей категории на более частные понятия.

Первым итогом такого подхода является обнаружение двоичной направленности, валентности социальной ответственности, которое нашло свое выражение в общепринятых понятиях позитивной и негативной ответственности. Если иметь в виду, что ответственность выражает оценку (или говоря менее определен-

<sup>I</sup> Основные теоретические выводы этого исследования опубликованы в сборнике "Принцип ответственности в социальном управлении" 73/.

но - взаимосвязана с оценкой), т.е. является выражением определенной активности и не может быть, тем самым, нейтральным явлением, то вполне очевидно, что эта оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Отсюда следует правомерность разделения социальной ответственности на положительную и отрицательную. Но из этого отнюдь не следует, что все виды социальной ответственности несут в себе аналогичную двоякую направленность. Иными словами - рассмотрение юридической ответственности как частного случая социальной ответственности не означает автоматического переноса на нее всех качеств последней. Из того обстоятельства, что не все качества социальной ответственности присутствуют в юридической ответственности в равной степени, не вытекает "дефективный" или "ущемленный" характер ответственности вообще, а лишь то, что вся полнота бытия этого явления раскрывается лишь в совокупности существования всех его составных.

Указанные соображения приводят нас к двум выводам. Во-первых. Из наличия позитивной социальной ответственности не следует однозначно наличие позитивной правовой ответственности. Во-вторых. Наличие позитивной социальной ответственности не служит аргументом в пользу наличия позитивной правовой ответственности.

Уже чисто терминологически видно, что понятие юридической ответственности относится к области, регулируемой юридическими средствами, т.е. правом. Имея в виду, что право не является регулятором абсолютно всех отношений и всех их аспектов в обществе, логично предположить, что и юридическая ответственность не обладает всеми качествами социальной ответственности вообще. Следуя второй стратегии "преодоления кризиса концепции юридической ответственности" нам придется решить задачу некоего минимального определения понятия юридической ответственности, то есть выявления тех признаков, отсутствие которых ведет за собой отрицание данного явления как ответственности. Полагаем, что таковым качеством можно считать юридический характер даваемой оценки, то есть обстоятельство, что оценка дается с точки зрения действующего позитивного права. Лаконичность такого понимания юридической ответственности освобождает это понятие от, по существу, случайных наслоений, выражающихся в многословности определений и варьируемых от дефиниции к дефиниции. Признавая в качестве основных составных феномена права нормы, санкционированные публичной властью, гарантирующей их выполнение, сле-

дует признать и отрицательную модальность юридической ответственности. Дело в том, что любая норма как проявление меры в философском смысле этого слова служит определением качественных границ, пределов, но не детерминантов конкретного состояния явления. Иными словами — в пределах единой меры, нормы, возможны различные состояния, конкретный характер которых не зависит от наличия самой нормы. Это общеправовое положение находит свое выражение и в психологической теории, рассматривающей поведение человека как определенное границами социальных норм и стимулированное ценностями, ориентациями, потребностями и т.п. В силу нормативного характера права, с которым и связана юридическая ответственность, она как определенная реакция может появиться лишь в случаях, когда норма нарушена и происходит выход за установленную правом меру. В философском смысле нарушение меры влечет за собой изменение качества, которое в принципе может быть оценено как отрицательно, так и положительно. Но, принимая во внимание социальную функцию права (обеспечение меры данного общества), выход за его пределы означает в любом случае (как со стороны самого права, так и общества в целом) наступление негативной реакции.

Таким образом, мы считаем, что сущность юридической ответственности заключается именно в осуждающей оценке со стороны государства такой деятельности, которая не совпадает с требованиями правовых норм<sup>I</sup>.

В последнее время в нашей литературе довольно широко распространяется концепция т.н. позитивной юридической ответственности /5, с. 59-67; 6, с. 72-78; 7, с. 29-38; 8, с. 214-233/. Не останавливаясь в данном случае более подробно на аргументах в пользу наличия такой ответственности и не повторяя критических замечаний, сделанных в отношении данной концепции в литературе /10, с. 44-47; II, с. 130-134; I4, с. 17-21; I5, с. 16-22; I6, с. 42-43/, обратим внимание лишь на два принципиальных момента, имеющих методологическое значение.

Как видно из литературы, основным аргументом, якобы подтверждающим существование позитивной юридической ответственности, служат ссылки на некоторые формулировки, данные в законодательных текстах. Основой такой аргументации является,

<sup>I</sup> Наши дополнительные соображения в пользу данного определения понятия юридической ответственности приведены уже ранее /4, с. 89-94; 10, с. 26-41/.

на наш взгляд, позиция ученых, подчиняющих юридическую науку законодательной практике. В условиях, когда роль юридической науки в законодательной практике оставляет желать намного лучшего, неизбежна ситуация, при которой налицо расхождение закона и юридической теории. Преодоление этих разногласий возможно двумя путями: во-первых, путем усиления роли науки в законодательном процессе (в частности - составление и издание законов в соответствии с положениями юридической науки) и, во-вторых, путем подведения "теоретической" основы под уже существующие законы (в частности - попытки обосновать "задним числом", по существу, случайное словоупотребление в законодательных текстах). Указанный способ аргументации понятия юридической ответственности "от закона" представляет собой следование вторым путем. Мы не считаем, что он лишен научного смысла, но тем не менее, как представляется, он должен на данном этапе отойти на второй план. Концепция ускорения и роли науки в этом процессе, выдвинутая на XXVII съезде КПСС, нацеливает именно на увеличение роли общественных наук в процессе происходящих социальных преобразований /2, с. 108-109/. Кроме того, XXVII съездом КПСС была поставлена прямая задача - дальше улучшать качество советских законов /2, с. 77/.

В качестве отступления заметим, что недостаточная социальная эффективность указанного типа аргументации может служить и дополнительной основой для критики донныне влиятельной "узко-нормативной" концепции права в Советской правовой науке. В основе использования законодательных текстов как главного аргумента в пользу того или иного теоретического положения лежит идея, воспринимаящая существующие тексты закона как безусловно правильные и верные. Представляется, что такого рода некритическая позиция со стороны юридической теории к законодательству в значительной мере ограничивает возможности правовой науки в деле совершенствования социалистического законодательства.

Второй методологический момент, на который мы хотели бы обратить внимание, заключается в логической некорректности концепции позитивной правовой ответственности. Эмпирический анализ права обнаруживает, что в реальности (как настоящей, так и прошлой) отсутствуют (точнее - логически невозможны) нормы, определяющие последствия сверхнадежащего исполнения правовых обязанностей. Нами уже было указано, что сама природа правовой нормы такова, что она не способна детермини-

ровать явление до конца, в положительном смысле<sup>1</sup>.

Следовательно, положительный аспект юридической ответственности может быть определен лишь через цепь отрицательных определений, что не может привести к логически корректной дефиниции<sup>2</sup>.

Здесь, однако, уместно обратить внимание на один вид правовых норм, в которых, в частности, установлены меры поощрения определенных лиц за образцовое выполнение своих обязанностей — это так называемые поощрительные нормы /9/. Примером могут служить нормы в Уставах Вооруженных Сил СССР, в положениях об орденах и медалях СССР, нормы о премировании и т.д. Но следует иметь в виду, что само наличие таких норм еще не служит аргументом в пользу наличия позитивной юридической ответственности. В отношении данных норм хотя и можно говорить о позитивном стимулировании правомерного поведения с помощью содержащихся в самих нормах правил поведения, но субъектом ответственности здесь является тот, кто применяет норму — соответствующее должностное лицо, ответственность которого исходит из неправильного применения средств стимулирования.

Сказанное не означает, что юридическая ответственность полностью лишена элементов положительного стимулирующего воздействия, что однако не свидетельствует о существовании позитивной юридической ответственности как самостоятельного явления. Не вызывает сомнения, что в психологическом плане наличие юридической ответственности может служить стимулом

<sup>1</sup> Здесь необходимо пояснение относительно второй значительной группы социальных норм — норм морали. Вполне очевидно, что существует такого рода явление, как позитивная моральная ответственность, хотя и мораль является нормативным явлением. Однако здесь следует иметь в виду, что мораль является не только нормативным, но и ориентационным явлением, и позитивная моральная ответственность связана как раз с этим вторым аспектом. Нарушение норм морали влечет за собой при любых условиях негативную реакцию, но их сверхнадлежащее исполнение при этом оценивается не на основе моральных норм, а лежащего в их пределах морального стандарта, т.е. в той части морали, которая не является с логической точки зрения нормой. Обратим внимание и на то, что моральная положительная оценка самими нравственными нормами не детерминирована.

<sup>2</sup> Выходит, что позитивная юридическая ответственность законопослушного гражданина К. складывается из того, что его не наказывают за надлежащее исполнение своих правовых обязанностей, он не обязан возместить ущерб, которого он не причинил и т.д.

того или иного поведения: на этом основана превентивная функция права и юридической ответственности. Но этот момент является недостаточным для определения положительного содержания действий, находящихся в пределах нормы. Сказанное также не означает, что сверхнадлежащее выполнение обязанностей лишено стимулов позитивной ответственности, обладающих неюридическим (экономическим, моральным, политическим) характером. Следует, правда, признать, что и эти поощрения являются нередко юридически нормированными, но решающим в данном случае есть изменение "в лицах", несущих ответственность в этой ситуации. Нормы, регулирующие пределы применения стимулов, — основа для юридической ответственности не стимулируемых, а стимулирующих должностных лиц. Последние, при этом, несут опять-таки отрицательную ответственность в случае превышения своих полномочий в ходе поощрения подчиненных. Для самих стимулируемых как негативная, так и т.н. позитивная юридическая ответственность отсутствует.

Необходимо отметить, что по сравнению с другими приверженцами концепции позитивной правовой ответственности точки зрения О.Е. Лейста в некоторых вопросах более обоснованы. Так, он подчеркивает, что позитивная юридическая ответственность представляет собой явление принципиально отличное от негативной юридической ответственности: он также пытается доказать наличие отдельных видов позитивной юридической ответственности, различая их как конститутивную, функциональную и персональную ответственности /8, с. 216-227/. С О.Е. Лейстом следует, естественно, согласиться, в том отношении, что позитивная и негативная юридическая ответственность — это разные явления. Но, признавая позитивной юридической ответственностью существенное отличие названного явления от негативной юридической ответственности, О.Е. Лейст все-таки остается при мнении, что тут имеется дело с особой формой юридической ответственности и термин "юридическая ответственность" может здесь употребляться. Опираясь лишь на семантическое толкование нормативных актов, О.Е. Лейст таким способом не может найти решения по существу этой проблемы — аналогично со всеми другими авторами, поддерживающими концепцию позитивной юридической ответственности, он также старается охватить одним понятием разные по своей сути явления.

Концепция позитивной юридической ответственности представляется нам попыткой ассимиляции в юридическую теорию того обстоятельства, что в условиях социализма право играет

значительную конструктивную роль в разрешении задач, стоящих перед обществом. Тем не менее, как нам представляется, привлечение этого момента в концепцию юридической ответственности теоретически случайно и не служит делу строгости собственно-юридических понятий и четкости границ возможностей правового регулирования. Разумеется, место проблемы конструктивного характера социалистического права — в юридической теории, но ее отражение не может происходить за счет размытия понятий, отражающих специфику той или иной области правового бытия.

Юридическая ответственность как негативная правовая реакция выражается в конкретных правовых мерах, которые можно назвать мерами юридической ответственности или наказаниями. Наказания, в свою очередь, выражены в виде санкций<sup>I</sup>. Меры юридической ответственности в зависимости от вида являются самыми разными (наказание лишением свободы, штрафы, возмещение ущерба и т. д.), и их применение может привести к самым разным последствиям: правонарушитель лишается субъективных прав, или же на него возлагаются дополнительные юридические обязанности, он вынужден в связи с этим претерпевать различные неприятности. Реализация мер юридической ответственности может происходить как в принудительном порядке, так и добровольно. Это множество всех названных обстоятельств и обуславливает ситуацию, при которой то или другое обстоятельство разные авторы считают самым важным и соответственно этому конструируют понятие юридической ответственности. Отсюда и множество разных определений. Существенное методологическое значение имеет в данном случае различие сущности юридической ответственности, содержания ее различных видов и последствий их применения. Сущностью юридической ответственности может быть тот существенный и общий признак, который характерен для всех ее видов. Этим признаком, на наш взгляд, является воплощенное в санкциях правовых норм государственное осуждение. Названная сущность выступает в различных содержаниях и формах, в этом и состоит специфика различных видов юридической ответственности. Но было бы неправильно давать все новые и новые общие понятия юридической ответственности, исходя из каждого видового различия. К общему понятию

<sup>I</sup> Важно иметь в виду, что не все санкции содержат наказания, прежде всего это относится к гражданскому праву /10, с. 54-55/.

юридической ответственности подходит лишь тот признак, который действителен в отношении всех форм ее проявления. И, с другой стороны, мерой юридической ответственности может быть только то правовое средство, в котором воплощена ее сущность. Исходя из этого аспекта, неправильно считать мерами юридической ответственности те гражданско-правовые средства, в отношении которых не предполагается наличие вины и государственного осуждения. Применение юридической ответственности влечет за собой неблагоприятные последствия личного или имущественного характера в отношении правонарушителя, вынужденного их претерпевать. Последствия нельзя отождествлять с самим явлением, вызвавшим данное последствие. Следовательно, нет оснований определять юридическую ответственность как обязанность нести наказание, как обязанность давать отчет в своем противоправном поведении. В противном случае мы имели бы дело с неточностью в философско-теоретическом плане, что привело бы и к неправильным практическим выводам. Существенно, конечно, иметь в виду то, что юридическая ответственность как таковая есть последствие виновного правонарушения. Но, будучи в данной связи последствием, ответственность сама является одной из причин последствий, наступающих для правонарушителя — правонарушитель платит штраф, возмещает ущерб и т.д. благодаря тому, что его поведение подвергается государственному осуждению, т.е. он отвечает в правовом порядке потому, что такая ответственность установлена нормами права. Юридическая ответственность не является внешним по отношению к названным последствиям явлением, она выражается через них, так как общее может существовать только в отдельном. Таким образом, следует говорить о причинной связи на двух уровнях: во-первых, правотворческий уровень, на котором законодатель должен решать, какое поведение должно подвергаться осуждению и какие последствия (наказания) должны наступить, во-вторых, правоприменительный уровень, на котором следует выяснить, какое именно поведение является причиной какого именно последствия.

То обстоятельство, применяется ли мера юридической ответственности в принудительном порядке или исполняется добровольно, не меняет ее сути. Возможность применения принуждения органически присуща юридической ответственности, как и любому другому правовому явлению; термин "юридическая" уже сам указывает на это, следовательно, излишне отдельно подчеркивать момент принуждения в понятии юридической ответст-

венности. Определение юридической ответственности посредством понятия принуждения означает произвольное помещение на один уровень явления, находящегося объективно на двух разных уровнях. Принуждение – это неизбежный атрибут права, метод обеспечения правовых предписаний, а юридическая ответственность представляет собой один из видов таких предписаний.

Для того, чтобы прийти к более единодушному мнению о понятии юридической ответственности, которое могло бы стать основой формирования отвечающей требованиям современности теории юридической ответственности, необходимо дальнейшее развитие традиционного, уже становящегося штампом подхода к вопросу о юридической ответственности – прежде всего приводится обзор имеющихся на сегодняшний день точек зрения и затем, опираясь на критику имеющихся концепций, конструируются свои определения. Сперва необходимо исследовать те общественные явления, которые обуславливают объективное существование феномена юридической ответственности, затем, применив философские категории сущности, содержания и формы, причины и следствия, общего и отдельного и др., найти критерии, опираясь на которые стало бы возможным определить понятие юридической ответственности. Иначе говоря: центр тяжести дискуссии должен переместиться с определения самого понятия юридической ответственности на те критерии, на основании которых можно будет дать соответствующее определение. В противном случае дискуссия может оказаться бесплодной и продолжаться до бесконечности.<sup>I</sup> Как справедливо отмечается в литературе, с одной стороны, разумеется, нельзя декретировать ту или иную точку зрения, но в то же время и теория не может до бесконечности оставаться в долгу у практики, тем более по такому острейшему вопросу, как понимание юридической ответственности /13, с. 77/.

Для того, чтобы средства правового регулирования могли бы более эффективно содействовать развитию общества, чтобы они как можно больше соответствовали поставленным на XXVII съезде КПСС задачам ускорения, необходимо иметь более точное представление об условиях применения того или другого право-

<sup>I</sup> Утверждение о том, что с точки зрения нынешней ситуации, сложившейся по вопросам теории юридической ответственности, необходимо начать с решения методологических проблем, находят все больше и больше сторонников /12, с. 45, 47/.

вого средства. Сказанное в полной мере относится и к мерам юридической ответственности. Юридическая ответственность, будучи по своей сути государственным осуждением в отношении правонарушителя, всегда предполагает наличие по меньшей мере двух условий — это противоправное поведение и вина. Прежде всего из терминологии гражданского законодательства образовалась дискуссия о наличии безвиновной юридической ответственности. Считаем, что наступило время прекратить подобную дискуссию. С одной стороны, убедительно показана невозможность существования безвиновной юридической ответственности /II, с. 152-171; I7, с. III-138/, с другой — юридическая ответственность как специфическое правовое явление уже сама по себе предполагает наличие вины, так как при ответственности и вине имеется дело с двоякой оценкой одного и того же поведения — противоправного поведения. Предпосылкой юридической ответственности как негативной оценки является прежде всего позитивная оценка законодателем предполагаемого правомерного поведения, и затем негативная оценка правонарушителем той же модели поведения, находящей объективное выражение в противоправном поведении. Данная негативная оценка (реакция) и предполагает в свою очередь негативную оценку государства в качестве юридической ответственности. Юридическая ответственность, следовательно, существует (имеет смысл) лишь в том случае, когда налицо негативное психическое отношение со стороны субъекта права относительно явлений, признанных государством ценностями.

Концепция безвиновной юридической ответственности состоит, по существу, в попытках найти теоретическое обоснование для неточных формулировок, имеющих место в текстах закона. Такой подход не соответствует принципу, согласно которому законы должны совершенствоваться, сообразуясь с общественными явлениями, а теория права должна и отражать этот процесс, и содействовать ему. Нетрудно заметить тот факт, что концепция безвиновной юридической ответственности в методологическом плане страдает теми же недостатками, что и концепция позитивной юридической ответственности.

Правовое регулирование происходит через сознание людей, его основной целью является обеспечение желаемого с точки зрения законодателя поведение. Основная цель юридической ответственности в механизме правового регулирования — обеспечение исполнения правовых обязанностей. На XXVII съезде КПСС подчеркивалась необходимость повысить ответственность во

многих сферах жизни нашего общества — начиная с руководства экономикой и кончая обеспечением правопорядка /2, с. 42, 47/. Исходя из аспекта юридической ответственности, это означает необходимость более строгого наказания лиц, виновных в ненадлежащем выполнении своих обязанностей или в их невыполнении. Такое наказание, в конечном итоге, должно в общегосударственном масштабе обеспечить лучшее исполнение своих обязанностей каждым членом общества. Таким образом, речь идет об эффективности юридической ответственности. Юридическая ответственность тем эффективнее, чем больше с ее помощью можно обеспечить исполнение правовых обязанностей. Будучи средством негативного стимулирования, юридическая ответственность не может воздействовать эффективно без того, чтобы ее субъект не сознавал связи своего отношения с оценкой, которую дает этому отношению. При безвиновной ответственности нельзя говорить о такой связи. В настоящее время, в условиях ускорения социально-экономического развития, особенно необходима конструктивность теории, ее непосредственная связь с потребностями практики. В связи с этим перед теорией юридической ответственности встанут различные существенные проблемы, требующие скорейшего решения. На некоторых из них мы остановились в данной статье, но, естественно, что актуальные проблемы, касающиеся юридической ответственности, не ограничиваются рассмотренным выше кругом вопросов. Основное внимание пристов должно было бы сосредоточиться на личной юридической ответственности каждого члена нашего общества, будь то ответственность хозяйственного руководителя, советского работника или какого-либо другого должностного лица, или просто гражданина.

Успешное разрешение практических, правотворческих и правоприменительных задач предполагает наличие теории, стоящей на твердых методологических основах. Чтобы создать такую теорию, в настоящее время в сфере юридической ответственности задачей первостепенной важности является разработка самих названных методологических основ.

#### Использованные материалы

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза / Новая редакция: Принята XXVII съездом КПСС. — М.: Политиздат, 1986.

2. Горбачев М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду КПСС. - М.: Политиздат, 1986.
3. Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1982. - Вып. 609: Принцип ответственности в социальном управлении.
4. Варул П.А., Грязин И.Н. Некоторые характеристики правовой ответственности // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1982. - Вып. 609: Принцип ответственности в социальном управлении. - С. 88-101.
5. Астемиров З.С. Понятие юридической ответственности // Сов. гос-во и право. - 1979. - № 6.
6. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Сов. гос-во и право. - 1975. - № 5.
7. Назаров Б.Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности // Сов. гос-во и право. - 1981. - № 1.
8. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
9. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1976.
10. Варул П.А. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. - Таллин: Ээсти раамат, 1986.
11. Малеин Н.С. Правонарушение: Понятия, причины, ответственность. - М.: Грид. лит., 1985.
12. Лейст О.Э. Дискуссия об ответственности: Проблемы и перспективы // Вестн. Моск. ун-та. Серия XI: Право. - 1981. - № 2.
13. Краснов М.А. Юридическая ответственность - целостное правовое явление // Сов. гос-во и право. - 1984. - № 3.
14. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. - М.: Грид. лит., 1976.
15. Сапун В.А. Общесоциальная ответственность и правовое регулирование // Правоведение. - 1982, - № 3.
16. Самошенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. - М.: Грид. лит., 1971.
17. Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на социалистический правопорядок // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1966. - Вып. 182.

## О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ АСПЕКТЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

И.А. Ребане  
Тарту

### I

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных проблемам ответственности, в советской научной литературе общепризнанная концепция ответственности, к сожалению, пока отсутствует. Неудивительно поэтому, что отдельными авторами в понятие ответственности вкладывается весьма различное, подчас прямо противоположное содержание - ответственность ретроспективная в традиционном ее понимании и ответственность проспективная. По нашему мнению, попытки сочетать ответственность ретроспективную и ответственность проспективную в одном понятии ответственности не увенчались успехом. Оно и понятно. Это - различные явления.

Расплывчатость, неопределенность, а поэтому и научно-практическая непригодность широкого понимания ответственности, ясно видна на примере определения ответственности, данного М.С. Строговичем. Он писал: "Ответственность - сложное, многостороннее понятие. Ответственность есть отношение лица к обществу и государству, к другим лицам с точки зрения выполнения предъявленных к лицу определенных социальных, политических, этических, юридических требований, осознание и правильное понимание гражданином своих обязанностей по отношению к обществу, государству, другим людям. В то же время ответственность - это совокупность требований, предъявляемых обществом и государством к государственным органам, общественным организациям, должностным лицам и гражданам. Это тот критерий, который позволяет оценивать объем и качество выполнения ими своих обязанностей, в соответствии с чем выражается одобрение или порицание" /13, с. 72-73/. Приведенное определение М.С. Строгович признал общим определением ответственности и полагал, что "общее понятие ответственности имеет философский, методологический характер и конкретизируется в отдельных ее видах: политическая, общественная,

этическая (нравственная, моральная), юридическая (правовая) ответственность и др." /13, с. 73/.

В задачи настоящей статьи не входит критический разбор различных определений общего понятия ответственности. Следует, однако, согласиться с М.С. Строговичем в том, что общее понятие ответственности должно быть определено так, чтобы его можно было конкретизировать применительно к отдельным видам ответственности. Другими словами: общее определение ответственности должно быть сформулировано так, чтобы в нем были хотя бы намечены критерии разграничения видов ответственности. Вряд ли вызывает возражение мнение о том, что юридическая ответственность отличается от других видов ответственности своей специфической формой. С учетом этого аспекта юридической ответственности при попытке конкретизации общего определения ответственности, данного М.С. Строговичем, оно оказывается неработающим.

По-видимому, на достигнутом уровне развития науки разработка общепризнанного учения об ответственности и общей ее концепции является пока задачей преждевременной. В свое время нами были намечены некоторые контуры такой концепции /10, с. 121-128/. Они не получили конкретизации в научной литературе. В настоящее время более перспективной представляется задача несколько более скромная - продолжить работу над созданием как целостного учения о юридической ответственности вообще, так и более тщательного и глубокого исследования отдельных ее видов с учетом всех их аспектов. К одним из таких аспектов следует отнести процессуальную форму отдельных видов юридической ответственности, а также правовой ответственности в целом.

Вопросы формы юридической ответственности пока недостаточно разработаны. Правда, нельзя, конечно, не отрицать, что формы юридической ответственности вообще не привлекают к себе внимание советских исследователей. Это, в частности, относится к разработке вопросов формы уголовной ответственности. С этой точки зрения интерес представляет концепция содержания и формы уголовной ответственности, разработанная А.А. Пионтковским и получившая широкое распространение, порой с некоторыми видоизменениями, в советской уголовно-правовой литературе, а *mutatis mutandi* - и в литературе по общей теории советского права. В рамках настоящей статьи с учетом поставленных нами задач мы ограничиваемся критическим разбором взглядов только самого А.А. Пионтковского, являюще-

гося родоначальником этой концепции уголовной ответственности /8, с. 40-48; 7, с. 7-18, а также 6, с. 86-96/. Выказанное в литературе мнение о том /9, с. 131/, что подобная позиция об уголовной ответственности была впервые обоснована М.Д. Шаргородским /15, с. 222/, неточно.

А.А. Пионтковский придерживался мнения, что уголовная ответственность сводится к обязанности нести за совершенное преступление определенный личный или имущественный ущерб, указанный в соответствующей статье уголовного закона. Подобная обязанность, по его мнению, мыслима только в рамках уголовно-правовых отношений, которые возникают с момента совершения преступления. Ряд авторов относит момент возникновения уголовно-правовых отношений к более позднему времени, в частности, к моменту предъявления обвинения. В рамках настоящей статьи нет необходимости в подробном рассмотрении подобных утверждений. Они уже были предметом анализа в уголовно-правовой литературе /10, с. 114-115; 9, с. 131-133/.

По мнению А.А. Пионтковского, формой уголовной ответственности является уголовно-правовое отношение. Вместе с тем он полагал, что имеются также уголовно-процессуальные и другие правонарушения, в рамках которых уголовное правоотношение реализуется /6, с. 86-96/.

Концепция А.А. Пионтковского еще в 1966 г. была нами подвергнута критике /10, с. 112-115/. В более развернутом виде она воспроизведена нами позднее /17, с. 88-92/. В данной статье мы считаем нужным вкратце возвратиться к этой критике, поскольку она имеет непосредственное отношение к вопросу о процессуальном аспекте уголовной ответственности.

Нам представляется, что конструкция уголовных правоотношений недостаточно учитывает известное положение К. Маркса о том, что "материальное право ... имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы...", и далее: "процесс есть форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни" /5, с. 158/.

Нельзя, однако, отрицать, что с первого взгляда конструкция материальных уголовных правоотношений (А.А. Пионтковский эти отношения отнес к материальному уголовному праву), в рамках которых осуществляется уголовная ответственность, может показаться вполне возможной. Ведь правоотношение возникает в процессе реализации норм права, а применение уголовно-правовой санкции к преступнику есть акт применения (или

реализации) уголовно-правовой нормы. Между тем более детальный анализ конструкции т.н. материального уголовно-правового отношения свидетельствует о том, что пока доказательство его научной ценности не удалось.

Прежде всего возникает вопрос, кто же является субъектом уголовно-правового отношения. Одним из участников этого отношения, очевидно, следует признать преступника. Вторым участником, по-видимому, — Советское государство. Между тем участниками правоотношений, как известно, являются конкретные физические или юридические лица, в том числе органы государства, а не само государство. Но если одним из участников уголовно-правового отношения является орган государства, то следует признать, что преступник несет ответственность не перед Советским государством, а перед следователем, прокурором, судом и местом лишения свободы или даже перед начальником исправительно-трудового учреждения. Подобный вывод явно несостоятелен. К тому же при подобной конструкции единое материальное уголовно-правовое отношение распадается на несколько отдельных правоотношений, которые возникают и прекращают свое существование в зависимости от хода движения уголовного дела. Нет ясности и в том, в чем заключается уголовная ответственность по существу. Уголовная ответственность ведь не может быть сведена к обязанности ее нести. Это — не должностование, необходимость ответственности, а ответственность вполне реальная, наступившая, перешедшая в действительность. Этот вывод теперь признан обоснованным и в учебной литературе /12, с. 32; см. также: I, с. 103/.

Уголовная ответственность не может быть сведена только к обязанности ее нести и потому, что в таком случае целенаправленная деятельность органов Советского государства по борьбе с преступностью оттесняется на задний план. Дело пускается на самотек. Уголовная ответственность рассматривается как последствие, наступившее автоматически вслед за совершенным преступлением. Теряется из виду и общественно-политическое содержание преступления, которое низводится до простого юридического факта, порождающего уголовно-правовое отношение.

Открытым остается также вопрос, какие последствия имеет обстоятельство, что преступник выполнит свою обязанность и понесет ответственность. Следует полагать, что если эта обязанность выполнена, с государством произведен полный расчет. В основе такого рассуждения лежит, по сути дела мысль о

допустимости преступлений ценой отбытия наказания.

Попытка раскрытия сущности уголовной ответственности как содержания материально-правовых уголовных правоотношений, возникших в момент совершения правонарушения, неудачна и потому, что в таком случае следовало бы признать, что и скрывающийся от следствия и суда, а также необнаруженный преступник уже несут уголовную ответственность. Спрашивается, зачем же в таком случае необходимо привлечение к уголовной ответственности и все предварительное следствие и судебное разбирательство?

Предложенная А.А. Пионтковским концепция уголовной ответственности потерпела неудачу потому, что в ней уголовная ответственность рассматривалась в отрыве от процессуальных форм, которыми она облекается.

## II

В уголовной ответственности находит свое выражение отрицательная реакция Советского государства и общества на совершение преступления. Ей присуща специфическая целенаправленность. В марксистской философской литературе указывается, что целесообразность имеет место там, где обратное воздействие следствия на причину приобретает вид отрицательной обратной связи, причем — это реально существующая связь практической деятельности человека /3, с.141, 148; 4, с. 33-35/. Наличием подобной обратной связи характеризуется также уголовная ответственность лица, виновного в совершении преступления.

При наличии указанной обратной связи лицо, совершившее преступление, рассматривается с двух точек зрения. Оно — субъект преступления ("причина") и вместе с тем объект обратного воздействия. Это обратное воздействие имеет для него определенные отрицательные последствия. Оно подвергается государственному и общественному осуждению и вместе с тем лишается каких-либо правовых благ.

Двумя качествами обладают также Советское государство и общественность. Они являются носителями правового и общественного порядка, потерпевшего ущерб от деяния виновного. В то же время, и в значительной мере именно потому, они ведут борьбу с общественно опасными деяниями. Ответственность наступает перед ними /10, с. 119-120/.

Исходя из вышеприведенных положений, нами предлагалось

следующее определение понятия уголовной ответственности. Уголовная ответственность — это осуждение приговором суда, вынесенным именем Советского государства, лица, совершившего преступление, и применение к нему на основании закона уголовного наказания с целью охраны социалистического правопорядка /17, с. 94/. Мы придерживаемся этого определения и в настоящее время. Оно, по нашему мнению, соответствует советскому уголовному и уголовно-процессуальному праву.

Согласно данному определению, уголовная ответственность складывается из следующих трех элементов: 1) осуждение лица, совершившего преступление, приговором суда, вынесенным именем Советского государства, за совершение преступления; 2) назначение судом этому лицу на основании закона уголовного наказания; 3) отбытие им назначенного наказания.

Из определения вытекает, что уголовная ответственность и уголовное наказание — понятия не тождественные. Хотя советское уголовное, а также уголовно-процессуальное законодательства не определяют понятия уголовной ответственности, они тем не менее проводят различие между уголовной ответственностью и уголовным наказанием. Особенно четко это делается в ст. 43, ч. 1 и 2 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 49, ч. 1 и 2 УК ЭССР).

Возможность четкого разграничения уголовной ответственности и уголовного наказания открывается при проведении различия между тремя элементами (составными частями) уголовной ответственности. Уголовная ответственность — понятие более широкое по сравнению с уголовным наказанием. Проведение различия между тремя элементами уголовной ответственности имеет значение и с точки зрения определения временных пределов этой ответственности. Уголовная ответственность наступает не с момента совершения преступления или привлечения виновного к уголовной ответственности, а со вступления обвинительного приговора суда в законную силу. Некоторым своеобразием обладает лишь условное осуждение. Для условно осужденного уголовная ответственность наступает с момента вынесения обвинительного приговора, ибо этот момент по ряду причин признается началом течения испытательного срока /16, с. 139-141/. Этот вопрос требует, однако, специального рассмотрения, выходящего за рамки настоящей статьи. С другой стороны, с момента освобождения от отбывания наказания уголовная ответственность прекращается. Она исчерпывает себя.

Уголовная ответственность не всегда осуществляется, реа-

лизуется в полном объеме. Это бывает так, когда осужденный полностью или частично освобождается от наказания. В то же время за пределами уголовной ответственности наказание не существует, равным образом как с освобождением от отбывания наказания уголовная ответственность прекращается. Следовательно, в течение срока погашения судимости лицо уголовной ответственности не несет, поскольку срок погашения судимости в соответствии со ст. 58 УК ЭССР (ст. 47 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик) исчисляется с момента освобождения от отбывания основного и дополнительных наказаний.

Уголовную ответственность можно себе представить в виде динамически развивающегося процесса, состоящего из нескольких стадий. Каждая из них облекается в специфическую процессуальную форму.

Процессуальной формой первой стадии уголовной ответственности является обвинительный приговор суда, точнее та часть приговора, которой подсудимый признается виновным в совершении точно указанного в приговоре преступления. Процессуальной формой второй стадии уголовной ответственности является та часть обвинительного приговора суда, в которой подсудимому назначается определенное наказание. Действующему уголовно-процессуальному законодательству известны, однако, случаи вынесения обвинительного приговора без назначения наказания (ст. 43, ч. 4 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; ст. 268, ч. 2 УПК ЭССР). Как правило, обвинительным приговором осужденному все же назначается наказание. Другое дело, что от отбывания назначенного наказания он тем же приговором может быть условно, а иногда и безусловно освобожден. И третья стадия уголовной ответственности — отбывание назначенного судом наказания — облекается в специфическую форму, установленную либо нормами исправительно-трудового права, либо общесоюзным Положением о порядке и условиях исполнения уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных /21/, и изданным на основании последнего соответствующим положением Эстонской ССР /23/.

Первая стадия уголовной ответственности еще не включает в себя наказания, вторая же состоит в назначении наказания. Если же, несмотря на вынесение обвинительного приговора, наказание не назначается вообще, тогда вторая стадия уголовной ответственности отсутствует и процесс реализации ответвен-

ности обрывается на первой ее стадии. Если же выносится обвинительный приговор и назначается наказание, но виновный освобождается от его отбывания, то процесс реализации уголовной ответственности обрывается на второй стадии ее осуществления. Третья стадия уголовной ответственности — это стадия претворения наказания в жизнь. Эта стадия, однако, может быть прервана перед ее завершением, что имеет место в тех случаях, когда осужденный до полного отбывания назначенного ему наказания освобождается от его дальнейшего отбывания.

### III

Различение трех стадий (или элементов) уголовной ответственности имеет большое значение с точки зрения разграничения освобождения от уголовной ответственности и освобождения от уголовного наказания, а также решения вопроса о процессуальной форме освобождения как от уголовной ответственности, так и от уголовного наказания.

Совершенно очевидно, что когда уголовная ответственность уже наступила, т.е. с момента вынесения обвинительного приговора, освобождение от уголовной ответственности уже не может иметь места. Освобождение от уголовной ответственности включает в себя и полное освобождение от наказания. Освобождение же от уголовного наказания возможно и после наступления уголовной ответственности, на второй и третьей стадиях ее реализации. При этом освобождение от уголовного наказания имеет различный объем, тогда как освобождение от уголовной ответственности не имеет степеней. Это освобождение всегда полное — условное или безусловное.

Следовательно, подобно тому как уголовная ответственность и уголовное наказание понятия не тождественные, различными уголовно-правовыми институтами являются также освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного наказания. Вполне понятно, что специфика этих различных уголовно-правовых институтов должна найти выражение в определенной дифференциации уголовно-процессуальных форм. К сожалению, это не всегда так бывает.

Подобное положение сложилось в результате отсутствия ясного понимания того, что уголовное право является базовой наукой для целого ряда отраслей советского права и законодательства, в том числе и для советского уголовно-процессуаль-

ного права. Концептуальные основы уголовного права имеют методологическое значение для всех связанных с ним отраслей советского права и законодательства. Ввиду игнорирования этого основополагающего положения получилась определенная путаница в советском уголовно-процессуальном законодательстве. Этот вывод подтверждается следующим примером.

Согласно ст. 43, ч. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 49, ч. 1 УК ЭССР), "лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, может быть освобождено от уголовной ответственности, если будет признано, что ко времени расследования или рассмотрения дела в суде, вследствие изменения обстановки, совершенное им деяние потеряло характер общественно опасного, или это лицо перестало быть общественно опасным", а ст. 43, ч. 2 тех же Основ (ст. 49, ч. 2 УК ЭССР), "лицо, совершившее преступление, может быть по приговору суда освобождено от наказания, если будет признано, что в силу последующего безупречного поведения и честного отношения к труду это лицо ко времени рассмотрения дела в суде не может быть сочтено общественно опасным". Между тем ст. 43, ч. 4 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик не проводит четкого различия между этими двумя случаями. Согласно ст. 43, ч. 4 этих Основ, "суд постановляет обвинительный приговор без назначения наказания, если к моменту рассмотрения дела в суде деяние потеряло общественную опасность или лицо, его совершившее, перестало быть общественно опасным". Это положение весьма неясно и может быть истолковано так, что оно одинаково относится к процессуальной форме применения как ч. 1, так и ч. 2 ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Во избежание процессуального отождествления двух различных уголовно-правовых институтов ст. 268, ч. 2 УПК ЭССР положение ст. 43, ч. 4 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик отнесла только к применению ст. 43, ч. 1 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 49, ч. 1 УК ЭССР), а процессуальный порядок применения ст. 49, ч. 2 тех же Основ (ст. 49, ч. 2 УК ЭССР) в ст. 268, ч. 3 определила несколько иначе. Согласно ст. 268, ч. 3 УПК ЭССР, "суд выносит обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания... в случаях, предусмотренных статьями 49, часть 2 Уголовного кодекса Эстонской ССР". В данном случае предполагается, что суд сперва назна-

чает осужденному наказание, а затем уже освобождает его от назначенного наказания.

Редакция ст. 268, ч. 3 УПК ЭССР не вызывает возражений. Что же касается освобождения от уголовной ответственности по обвинительному приговору суда в соответствии со ст. 268, ч. 2 УПК ЭССР в случаях, предусмотренных ст. 49, ч. I УК ЭССР (ст. 43, ч. I Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик), то такой процессуальный порядок в корне противоречит самому существу института освобождения от уголовной ответственности. Получается, что обвинительный приговор лежит за пределами уголовной ответственности. Ответственность наступает якобы лишь с момента назначения наказания. Тем самым грань между освобождением от уголовной ответственности и освобождением от уголовного наказания, а вместе с тем и между уголовной ответственностью и уголовным наказанием, оказывается стертой.

Имеются и другие случаи, когда действующий уголовно-процессуальный закон недостаточно четко проводит различие между освобождением от уголовной ответственности и уголовного наказания.

Согласно ст. 5, ч. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 5, ч. 2 УПК ЭССР), суд доводит разбирательство дела до конца и постановляет оправдательный приговор или обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания, если в стадии судебного разбирательства обнаруживается, что истекли сроки давности. В данном случае имеются в виду сроки давности привлечения к уголовной ответственности, предусмотренные ст. 4I Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 53 УК ЭССР). Между тем истечение сроков этой давности является обстоятельством, освобождающим виновного не от наказания, а от уголовной ответственности. Следовательно, незачем суду сначала вынести обвинительный приговор, назначить наказание, а затем освободить виновного тем же приговором от отбывания наказания. Иначе обстоит дело лишь тогда, когда применение давности зависит от усмотрения суда (ст. 4I, ч. 5 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик; ст. 53, ч. 4 УК ЭССР).

Что же касается тех случаев, когда в ходе судебного разбирательства обнаруживается, что акт амнистии устраняет применение наказания, то здесь положение несколько иное. Если этими актами виновный действительно освобождается только от

отбывания наказания, то вполне понятно, что суд доводит разбирательство дела до конца и постановляет или оправдательный или обвинительный приговор, назначает в этом случае также наказание и вместе с тем освобождает осужденного от назначенного наказания. Очевидно, однако, что ст. 5, ч. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 5, ч. 2 УПК ЭССР) имеет, во всяком случае как правило, в виду не освобождение от наказания, а от уголовной ответственности. Поэтому совершенно непонятно, зачем суд должен сначала выносить обвинительный приговор, назначить наказание и лишь затем освободить осужденного от отбывания назначенного ему наказания. Ведь актом амнистии, в редчайших случаях также в силу помилования, виновный был освобожден от уголовной ответственности, а суд его освобождает только от наказания!

Другое дело, что в тех случаях, когда обвиняемый возражает против освобождения от уголовной ответственности, такое освобождение не может иметь места, и производство по делу продолжается на общих основаниях. Оно не прекращается в ходе досудебного расследования, суд доводит разбирательство дела до конца и постановляет оправдательный приговор или обвинительный приговор без назначения наказания, т.е. освобождает осужденного от наказания. Такой порядок должен быть закреплен в уголовно-процессуальном законе и распространен на все случаи освобождения от уголовной ответственности вообще. Это послужило бы процессуальной гарантией для обвиняемого.

Действующему уголовно-процессуальному законодательству известны также случаи освобождения от уголовной ответственности по определению суда, без вынесения обвинительного приговора.

Согласно п. 12, ч. 2 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР "Об основных обязанностях и правах инспекций по делам несовершеннолетних, приемников-распределителей для несовершеннолетних и специальных учебно-воспитательных учреждений по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних" /18/, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет направляются в специальные профессионально-технические училища на основании постановлений комиссии по делам несовершеннолетних или по определению суда. Указанные несовершеннолетние освобождены от уголовной ответственности на основании ст. 10 ч. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 10, ч. 3 УК ЭССР). Выска-

занное в юридической литературе утверждение, что в этих случаях имеет место уголовная ответственность, которая сопровождается не назначением наказания, а применением принудительных мер воспитательного характера /9, с. 123/, лишено оснований.

В первоначальной редакции ст. 264 УПК ЭССР было предусмотрено, что в рассматриваемых случаях суд выносит обвинительный приговор без назначения наказания. Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 30 июня 1982 г. ст. 264 УПК ЭССР была изменена. Согласно новой редакции, суд в вышеуказанных случаях выносит мотивированное определение о прекращении дела и применении к несовершеннолетнему одной из принудительных мер воспитательного характера. Таким же образом этот вопрос решен в ст. 402 УПК РСФСР.

В ряде случаев процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности не предусмотрен вообще. Так, ни в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ни в УПК ЭССР нет указаний на процессуальный порядок освобождения от уголовной ответственности в случае добровольного отказа от доведения преступления до конца (ст. 16 УК ЭССР), добровольного заявления виновного органам власти о своей связи с иностранной разведкой (ст. 62, ч. 2 УК ЭССР), вымогательства взятки и добровольного заявления о даче взятки (ст. 165, ч. 3 УК ЭССР), а также добровольной сдачи оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ, хранившихся у виновного без соответствующего разрешения (ст. 207, ч. 2 УК ЭССР).

Мимоходом отметим неудачную редакцию ст. 5, ч. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 5, ч. 2 УПК ЭССР), согласно которой суд в случае отсутствия события преступления или состава преступления постановляет оправдательный приговор или обвинительный приговор с освобождением осужденного от наказания. В случае отсутствия события или состава преступления и речи быть не может о постановлении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

#### IV

Указами Президиума Верховного Совета Союза ССР от 13 августа 1981 г. "О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик"

/19/ и "О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик" /20/ был введен термин "деяние, содержащее признаки преступления". Этим термином обозначались деяния, за совершение которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. Субъекта подобного деяния закон перестал называть "виновным". Его признали "лицом, совершившим деяние, содержащее признаки преступления". Как правило, подобное деяние не представляет большой общественной опасности. Однако под деяния, содержащие признаки преступления, иногда попадают также такие, к которым термин "не представляющие большой общественной опасности" неприменим. Такие деяния могут быть предусмотрены ст. 43, ч. I Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 49, ч. I УК ЭССР). С другой стороны, деяния, за совершение которых несовершеннолетние могут быть в соответствии со ст. 10, ч. 3 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 10, ч. 3 УК ЭССР) освобождены от уголовной ответственности, по-прежнему называются преступлениями, хотя они и не представляют большой общественной опасности. О непоследовательности законодательства свидетельствует и такой факт: в последней части ст. 43 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик "деяния, содержащие признаки преступления", за совершение которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, снова обозначаются термином "преступление".

Трудности при толковании законоположений об освобождении от уголовной ответственности "лица, совершившего деяние, содержащее признаки преступления", усугубляются тем, что само освобождение от уголовной ответственности не является обязательным, а зависит от усмотрения органа, в производстве которого уголовное дело находится. Если этот орган не сочтет возможным освободить лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, то оно, по-видимому, должно быть признано приговором суда виновным в совершении "деяния, содержащего признаки преступления", и нести за него уголовную ответственность.

В юридической печати справедливо отмечалось, что термин "деяние, содержащее признаки преступления", не совсем удачен /2, с. 84/. Действительно, данное деяние на самом деле является преступлением, и введение нового термина ничего не меняет, ибо если деяние содержит признаки преступления, то в

нем имеется состав преступления.

Необходимость изменения термина обычно объясняется следующим образом: согласно ст. 160 Конституции Союза ССР, "никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом". Поскольку от уголовной ответственности освобождают также прокуроры, следователи и лица, производящие дознание, а также суд своим определением, причем освобождение предполагает, что лицо виновно в совершении преступления, то выходит, что лицо может быть признано виновным в совершении преступления и при отсутствии приговора суда, что, однако, противоречит ст. 160 Конституции Союза ССР. Поэтому слова "виновное в совершении преступления" заменяются словами "лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления". Имея в виду деяние, содержащее признаки преступления, М.С. Строгович писал, что суд в этих случаях декриминализирует эти деяния, т.е. рассматривает их уже не в качестве преступлений /I4, с. 74-75/.

Мы уже имели возможность высказать критическое отношение к такому выводу /II, с. 201/. Признание деяния преступлением, а также его декриминализация относятся к исключительной компетенции законодателя. Распространение этого права на правоприменительные органы недопустимо.

Вина лица, совершившего преступление, налицо с момента совершения преступления. От того, что вина еще не установлена, она не перестанет существовать. Освобождение от уголовной ответственности здесь ничего не изменяет. Ни преступление как объективный факт, ни вина лица, совершившего преступление, не могут быть "изъяты" из реальной действительности. Другое дело, что установление вины в совершении преступления предполагает ряд процессуальных действий, а признание лица виновным в совершении преступления возможно не иначе как по приговору суда. С вынесением обвинительного приговора наступает и уголовная ответственность.

Сказанное вовсе не означает, что лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности до признания его виновным по приговору суда. С процессуальной точки зрения освобождение от уголовной ответственности состоит в отказе от возбуждения или в прекращении уголовного дела, в результате чего и вынесение обвинительного приговора, т.е. процессуальное оформление уголовной ответственности, становится невозможным. Без этой формы, однако, нет и самой уголовной от-

ветственности. Эта процессуальная сторона уголовной ответственности полностью поддается правовому регулированию. Очевидно, и ст. 160 Конституции Союза ССР имеет в виду признание лица виновным как акт социалистического правосудия, с которого начинается уголовная ответственность, а не вину и преступность деяния.

Что освобождение от уголовной ответственности вполне возможно до признания лица по приговору суда виновным в совершении преступления, ясно видно на примере освобождения от уголовной ответственности по амнистии. В частности, ст. 73, п. 12 Конституции Эстонской ССР относит к компетенции Эстонской ССР амнистирование граждан, осужденных судами Эстонской ССР, между тем как согласно ст. 121 п. II Конституции Союза ССР действие общесоюзных актов амнистии может быть распространено и на лица, еще не осужденные за совершенные ими преступления.

Не обойтись, однако, без установления дополнительных гарантий для лиц, которые освобождаются от уголовной ответственности. Не следует говорить в процессуальных документах о доказанности совершения преступления лицом, освобождаемым от уголовной ответственности, ибо эти документы служат лишь основанием для прекращения производства по делу. Эти документы не могут сами по себе служить основанием и для взыскания материального ущерба, причиненного деянием лица, освобожденного от уголовной ответственности. Наличие такого ущерба должно быть доказано в общем порядке, установленном гражданско-процессуальным законодательством. Прекращение уголовного дела или отказ от возбуждения дела в связи с освобождением от уголовной ответственности ни в коем случае не может иметь места, если против этого возражает освобожденный. Во всех случаях следует разъяснить освобождаемому значение и последствия освобождения от уголовной ответственности.

Внесенные нами предложения *de lege ferenda* не нужны только тогда, когда наряду с преступлениями будут предусмотрены уголовные проступки как самостоятельный вид уголовных правонарушений и вместе с тем будет вообще ликвидирован институт освобождения от уголовной ответственности за совершенные преступления. Однако от подробных предложений, насколько нам известно, воздерживаются даже самые рьяные сторонники деления уголовных правонарушений на преступления и уголовные проступки.

### Использованные материалы

1. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: Очерк теории. - М.: Юрид. лит., 1976.
2. Кузнецова Н.Ф. Выступление на обсуждении нового уголовного законодательства // Вестн. Моск. ун-та. - 1983. - № 4.
3. Макаров И.Г. К вопросу категории "цель" в философии диалектического материализма. - Тарту, 1960.
4. Макаров И.Г. Цель: Некоторые вопросы диалектического материализма. - Л., 1962.
5. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. I.
6. Пионтковский А.А. Правоотношения в уголовном праве // Правоведение. - 1962. - № 2.
7. Пионтковский А.А. О понятии уголовной ответственности // Сов. гос-во и право. - 1967. - № 12.
8. Пионтковский А.А. Общее учение о наказании // Курс советского уголовного права. - М.: Наука, 1970. - Т.3: Наказание.
9. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
10. Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок // Уч. зап. / Тарт. ун-т. - 1966. - Вып. 182.
11. Ребане И. Новое в уголовном законодательстве: Комментарии и мнения // Советское право. - 1984. - № 3.
12. Советское уголовное право: Общая часть / Под ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова, Ю.М. Ткачевского. - Б.м.: Изд-во Моск. ун-та, 1981.
13. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Сов. гос-во и право. - 1979. - № 5.
14. Строгович М.С. Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Сов. гос-во и право. - 1983. - № 2.

15. Шаргородский М.Д. Основания уголовной ответственности // Курс советского уголовного права: Часть Общая. - Б.м.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. - Т.1.
16. Ребане И. Советское уголовное право: Общая часть: Учение о наказании. Т. 2. - Тарту: Б.и., 1974 (на эст.яз.).
17. Ребане И. Советское уголовное право: Общая часть: Введение. Учение об уголовном законе. - Тарту: Б. и., 1973 (на эст. яз.).
18. Ведомости Верховного Совета Союза ССР. - 1977. - № 8. - Ст. 138.
19. Ведомости Верховного Совета Союза ССР. - 1981. - № 33. - Ст. 965.
20. Ведомости Верховного Совета Союза ССР. - 1981. - № 33. - Ст. 966.
21. Ведомости Верховного Совета Союза ССР. - 1983. - № 12. - Ст. 175.
22. Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР. - 1984. - № 24. - Ст. 351.
23. Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР. - 1984. - № 46. - Ст. 546.

## УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ НА ПОЧВЕ КОНФЛИКТОВ МЕЖДУ СУПРУГАМИ

Я.Я. Соотак

Тарту

1. Проблематика преступлений, совершенных на почве конфликтов между супругами, содержит не только специфику названных преступлений, но и многие существенные вопросы уголовной ответственности, как например, ответственность за превышение пределов необходимой обороны, за соучастие в преступлении и т.д. В настоящей статье рассматриваются вопросы ответственности за убийство супруга, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, доведение супруга до самоубийства, оставление супруга без помощи, половые преступления, незаконное производство аборта<sup>1</sup>.

2. Общеизвестно, что условия необходимой обороны равны для всех, закон исключений не делает. Однако при применении института необходимой обороны следует учитывать специфику личности нападающего и обороняющегося, их взаимоотношений. Нет сомнения в том, что женщина имеет широкие пределы выбора средств защиты против нападения мужчины, который превосходит ее по физической силе /12, с. 135/. Это полностью действительно и в отношении супругов. Институт необходимой обороны и коммунистическая мораль не могут наложить на супругу ограничения при выборе средств защиты только потому, что нападающий - ее муж, супруг.

В литературе справедливо указывается, что отвечая на вопрос, были ли превышены пределы необходимой обороны, надо учитывать не только акты нападения и защиты в данный момент, но и ситуацию в целом /2, с. 58-59/. Кроме того, специфическим моментом при оценке деяния супруга, отражающего нападение другого супруга, является, на наш взгляд, необходимость

<sup>1</sup> Об уголовной ответственности за убийство супруга из ревности, о связи ревности с аффектом и о разграничении ревности от хулиганского побуждения см. подробнее: 10, с. 45-54.

учета не только ситуации данного момента и положения в целом, но и всего фона взаимоотношений между супругами.

А.К. была предана суду по ст. 103 УК ЭССР (убийство своего супруга в состоянии душевного волнения). Супруги К. были в гостях, где поссорились. Она ушла в туалет, но он последовал за ней и стал ее избивать. Жене удалось убежать в кухню. Он ворвался туда за ней с поднятыми кулаками и стал угрожать: "Хочешь еще?" А.К. схватила со стола кухонный нож и ударом в грудь убила мужа.

Из материалов дела усматривается, что потерпевший и виновный оба были во время происшествия в нетрезвом состоянии. Муж постоянно пьянствовал и скандалил, избивал жену и дочь, выгонял их из квартиры. Она обращалась в суд с иском о расторжении брака, но взяла иск обратно, боясь, что муж может ее за это убить. По месту работы неоднократно, но безрезультатно обсуждалось его поведение в семье.

Народный суд нашел, что А.К. действовала не только в состоянии аффекта, вызванного насилием со стороны мужа, но и в состоянии необходимой обороны, причем пределы необходимой обороны не были превышены. А.К. была оправдана /15/.

С таким решением дела следует полностью согласиться. Суд совершенно справедливо учел не только ситуацию во время причинения смерти нападающему, но и всю совокупность взаимоотношений в семье. А.К. была доведена до отчаяния: убийством мужа она выразила не только желание защититься от очередного избиения, но и безвыходность положения в широком смысле. Тот факт, что она сама была в нетрезвом состоянии, не может влиять на квалификацию содеянного. Состояние опьянения обороняющегося не дает предпочтения нападающему.

Учет не только данного момента, но и всей совокупности взаимоотношений между супругами, являющейся исключительно важной в преступлениях, совершенных на почве конфликтов между супругами, наблюдается и в следующем деле. Л.С. была предана суду по ст. 107, ч. I УК ЭССР, обвиненная в том, что в ходе драки ударила ножом своего мужа, причинив ему особо тяжкое телесное повреждение. Народный суд, учитывая, что телесное повреждение было нанесено в состоянии внезапно возникшего душевного волнения, вызванного насилием со стороны мужа подсудимой, переквалифицировал преступление по ст. 109 УК ЭССР. На этот приговор был предъявлен протест, в котором ходатайствовали о переквалификации содеянного по ст. 110 УК ЭССР (нанесение особо тяжкого телесного повреждения при пре-

вышении пределов необходимой обороны). Верховный Суд ЭССР, однако, прекратил производство по делу в связи с тем, что Л.С. находилась в состоянии необходимой обороны, причем пределы необходимой обороны не были превышены. Он и раньше неоднократно избивал ее. В подобной ситуации у женщины, которая гораздо слабее мужчины, нет возможности защитить себя иначе /14/.

Опираясь на сказанное, можно утверждать, что пределы необходимой обороны для женщин весьма широкие, особенно на фоне непрерывных скандалов и избиений со стороны мужа. В связи с этим возникает вопрос о целесообразности предусмотрения уголовным законом пределов необходимой обороны. Этот вопрос поднят Н.И. Коржанским, который полагает, что из уголовного закона необходимо исключить институт превышения пределов необходимой обороны. По его мнению, "... обороняющийся вправе применять любые способы и средства защиты, не боясь привлечения к уголовной ответственности. Любой вред, причиненный при этом нападающему, должен признаваться правомерным" /7, с. 36/.

Не претендуя на разрешение столь кардинальной проблемы в целом, нам все же представляется, что данная позиция в принципе приемлема в отношении конфликтных ситуаций между супругами или иными членами семьи, примеры которых рассматривались выше. Женщина, на наш взгляд, имеет право на защиту с любой интенсивностью и с любыми последствиями для нападающего, если налицо следующие два условия:

- а) нападение, угрожающее ее жизни, здоровью, телесной или половой неприкосновенности;
- б) пьянство и сопровождающие его избиения со стороны мужа - нападающего.

Нередко в таких ситуациях женщина не может добиться помощи извне (со стороны трудовых коллективов, товарищеских судов и т.д.). При наличии указанных условий складывается ситуация фактически безвыходная для женщины. Право на необходимую оборону, в пределы которой должно входить причинение любого вреда нападающему, может стать эффективным уголовно-правовым средством в борьбе против грубого отношения к женщине. При этом, разумеется, необходимо иметь в виду, что убийство мужа после окончания нападения из мести должно быть квалифицировано на общих основаниях (как умышленное убийство по ст. 100 УК ЭССР).

3. Доведение супруга до самоубийства (или покушения),

согласно ст. 106 УК ЭССР, может иметь место в результате жестокого обращения с ним или издевательства над ним. Уголовный закон ЭССР не предусматривает такого признака, как материальная или иная зависимость потерпевшего от виновного (например, ст. 107 УК РСФСР). Представляется, что совершенно правы те авторы, по мнению которых брачные отношения создают состояние зависимости друг от друга /1, с. 53-54/. Следовательно, для наличия состава доведения до самоубийства своего супруга достаточно установить только жестокое обращение с ним или издевательство над ним, в результате которого он совершил самоубийство или покушение на него.

Понятие жестокого обращения и издевательства трактуется в литературе почти единообразно и, на наш взгляд, правильно (побои, истязание и др. насильственные действия, систематическое гонение, травля, унижение достоинства, глумление и т.д.) /6, ст. 107, комм. 6; 13, ст. 106, комм. 2/.

Одновременно, на наш взгляд также правильно, отмечается, что состав рассматриваемого преступления отсутствует, если самоубийство совершено на почве личных взаимоотношений, но не является результатом жестокого обращения с потерпевшим /1, с. 47/. Это касается и самоубийства из ревности, нарушения супружеской верности и т.д. Однако издевательство над потерпевшим может выражаться и в унижении мужского или женского достоинства, в том числе и в интимной сфере супружеской жизни. Необходимо, чтобы такое унижение мужского или женского достоинства в интимной (половой) сфере было умышленным, нарочным, т.е. виновный должен был осознавать или желать унижения достоинства другого супруга. В подобных случаях налицо состав доведения до самоубийства. Ненарочное, хотя и систематическое унижение супруга, оскорбление его на почве интимных (половых) отношений (например, на почве половой неудовлетворенности) не может образовать состав рассматриваемого преступления.

Следует согласиться с Б. Сарыевым, что систематическое пьянство не является жестоким обращением /9, с. 120/. Само злоупотребление алкогольными напитками, хотя и представляет собой антиобщественное явление, не может быть принято как жестокое обращение с потерпевшим. Но, на наш взгляд, о жестокости обращения можно говорить в тех случаях, когда пьянство сопровождается скандалами и дебошами, независимо от того, применяется ли в отношении супруга физическое насилие или нет. Дурное обращение с супругом (нередко и всей семьей) со

стороны супруга-скандалиста может быть рассмотрено как жестокое обращение, если он систематически не дает покоя семье, ломает мебель, требует денег на выпивку, пугает детей и т.д.

Жестокое обращение или издевательство должно быть адресовано потерпевшему. Жестокое обращение с одним лицом, в результате которого другое лицо совершает самоубийство, не может образовать состава преступления. Но, на наш взгляд, жестокое обращение с другими членами семьи (детьми, родителями супруга) может быть рассмотрено как издевательство над супругом, если виновный специально преследовал цель унижить достоинство своего супруга как равноправного члена семьи.

В литературе высказано мнение, что отказ супруга давать деньги для семьи не следует рассматривать как жестокое обращение /9, с. 119-120/. Представляется, что по существу здесь возникает вопрос о том, является ли оставление супруга без помощи (ст. 125 УК ЭССР) жестоким обращением. На наш взгляд, на этот вопрос можно ответить положительно. Однако для решения данного вопроса необходимо рассмотреть подробнее саму проблему оставления супруга без помощи.

4. Уголовная ответственность за оставление супруга без помощи выражает "прикрытие" уголовным правом норм семейного права. Согласно уголовному закону (ст. 125 УК ЭССР), оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии, образует состав преступления только в том случае, если виновный был обязан и имел возможность оказать помощь. И.И. Горелик совершенно правильно показывает, что обязанность заботиться о другом лице может вытекать из родственных или брачных отношений; исходя из того, что если уже предоставление содержания в силу брачных отношений является правовой обязанностью, то тем более такой обязанностью является забота о жизни оставленного /4, с. 184/.

Согласно КоБС ЭССР, супруг должен предоставить содержание другому супругу в следующих случаях: а) один супруг является нетрудоспособным и нуждается в материальной помощи; б) беременность супруга; в) в течение полутора лет после рождения ребенка (ст. 29); г) после развода на основаниях, приведенных в ст. 30.

И.И. Горелик утверждает, что специальная обязанность оказывать помощь находящемуся в опасности лежит на всех лицах, которые в силу закона должны предоставить ему содержание /4, с. 184/. Думается, что этот вопрос нуждается в уточнении. Представляется, что круг лиц, обязанных предоставить

другому лицу содержание на основе ст. 29 КоБС ЭССР, и лиц, обязанных оказать помощь другому лицу, неравен. Один супруг должен всегда оказывать помощь другому, независимо от того, имеются условия, приведенные в ст. 29 КоБС, или нет. Подтверждается это и положениями о коммунистической морали, согласно которой супруги должны взаимно поддерживать друг друга.

Иначе обстоит дело тогда, когда супруги развелись. Представляется, что в подобном случае супруг обязан оказывать помощь только в тех случаях, когда он обязан предоставить содержание другому супругу согласно ст. 30 КоБС ЭССР. В противном случае имело бы место необоснованное расширение обязательств лица в отношении другого, так как тесная морально-правовая связь, характерная для супругов, в этом случае отсутствует.

Что касается невыполнения одним супругом своих обязательств по содержанию другого супруга, то этого, на наш взгляд, недостаточно, чтобы считать такое поведение жестоким обращением в смысле ст. 106 УК ЭССР (доведение до самоубийства). Само невыполнение этого обязательства не может быть рассмотрено как жестокое обращение. Но если супруга, нуждающаяся в помощи, оказывается в тяжелом положении (тяжелое состояние здоровья из-за беременности и т.д.), в результате чего она совершает самоубийство, то в поведении другого супруга, оставляющего другого без помощи, можно констатировать жестокое обращение с супругой. Состав доведения до самоубийства имеется в поведении виновного, разумеется, только в том случае, если он умышленно не выполняет своих обязанностей, имеет возможность предоставить содержание и знает о тяжелом положении своего (бывшего) супруга.

5. Объектом половых преступлений являются социальные основания возникновения половых отношений, в то время как социальное содержание и формы половых отношений не могут выступать в качестве объекта для половых преступлений /8, с. 623-624/.

Для взрослых основанием возникновения половых отношений служит половая свобода, т.е. добровольность полового сношения. Женщина, в том числе и супруга, имеет право выбирать не только партнера полового сношения, но и место, время и иные обстоятельства совершения полового акта. Это — абсолютное право женщины, и нет сомнения в том, что советское уголовное право не предусматривает никаких ограничений в охране

половой свободы супруги. Однако в некоторых социалистических странах этот вопрос решен иначе. Так, согласно уголовному праву ГДР (ст. 121 УК ГДР), изнасилование возможно только вне брака. Это фактически означает, что супруга обязана вступать в половое сношение со своим мужем и не может от этого отказаться (за исключением некоторых случаев, например, присутствие посторонних лиц, болезнь и т.д.). Правда, изнасилование супруги может быть квалифицировано по иным нормам уголовного закона, например, по ст. 129 УК ГДР ("Принуждение"), которая предусматривает ответственность за противозаконное принуждение человека к определенному поведению путем применения насилия или угрозы причинения серьезного вреда /16, ст. 121, ст. 1/. Следует согласиться с Б.А. Блиндером, что при таком подходе к супружеским правам и обязанностям брак рассматривается как договор, согласно которому муж приобретает ничем не ограниченные права на половое сношение с женой /3, с. 15/. К этому необходимо добавить, что подобное понимание половой свободы в браке противоречит конституционному принципу о равноправии мужчины и женщины.

Итак, брачная мораль должна сохранить женщине половую свободу. Но в то же время она возлагает на обоих супругов обязанность обеспечивать потребности в сфере интимной и эмоциональной жизни. В коммунистической семье должны быть полностью удовлетворены наиболее глубокие личные чувства людей, в том числе и половые потребности. Супруг не имеет морального права отказываться от полового акта; брачная мораль дает обоим супругам право требовать от своего партнера выполнения своих брачных интимных обязанностей. Оба они имеют право оказывать на своего супруга определенное моральное давление — до пределов, предусмотренных уголовным законом. Данное психическое давление не может быть рассмотрено как понуждение женщины к половой связи (ст. 118 УК РСФСР). (В УК ЭССР такого состава нет.) В связи с этим нельзя признать совсем точным определение половой свободы как объекта изнасилования, данное Б.А. Блиндером. Он пишет, что половая свобода состоит в свободе женщины независимо от воздействия другого лица в каждом отдельном случае допускать или не допускать удовлетворения в отношении себя полового чувства /3, с. 12/. Как уже сказано, брак предполагает определенные моральные обязательства в отношении друг друга в интимной сфере. Следовательно, уголовное право охраняет половую свободу женщины от насильственных посягательств, но не исключает определен-

ного психического воздействия со стороны другого супруга.

6. Незаконное производство аборта со стороны супруга беременной (например, врача) следует квалифицировать на общих основаниях. Некоторые специфические проблемы возникают в связи с соучастием супруга в незаконном производстве аборта в качестве подстрекателя или пособника.

Н.И. Загородников отмечает, что если виновный содействует лицу, незаконно производящему аборт, то ответственность первого будет определяться по правилам о соучастии /5, с. 40/. Согласно мнению И.И. Горелика, исходить следует из того, в чьих интересах действует пособник. Если он помогает беременной женщине (например, приведет ее к абортисту), то он не осознает общественной опасности своих действий. И наоборот, если лицо состоит в преступной связи с абортистом, то налицо все признаки соучастия /4, с. 170-171/. Позиция И.И. Горелика представляется правильной, однако аргументация его нуждается в уточнении. Ссылка на умышленный характер соучастия (в том числе и пособничества) совершенно обоснованна и исходит из уголовного закона (ст. 17, ч. I УК ЭССР), где говорится об умышленном характере соучастия. Но, по нашему мнению, не менее существенным признаком соучастия является то, что соучастие — это совместное участие в преступлении; следовательно, пособником может быть только такое лицо, которое содействует совершению преступления. Пособничество означает содействие совершению преступления по объективным и субъективным признакам /II, с. 100/.

Лицо (супруг беременной), "помогающее" ей избавиться от беременности путем незаконного аборта, не может не осознавать, что незаконный аборт является преступлением. Ответственность его исключается потому, что он содействует лицу, которое не совершает преступления (беременная жена). Поэтому не совсем точна формулировка, данная И.И. Гореликом, согласно которой лицо, понимая, что помогает беременной, не осознает, что оказывает содействие преступлению /4, с. 170/. Лицо, помогающее беременной, осознает, что содействует лицу, не являющемуся субъектом данного преступления.

Из аналогичных соображений следует исходить и при анализе ответственности супруга за подстрекательство к незаконному абарту. Склонение супруга к производству незаконного аборта не является соучастием в преступлении, так как беременная женщина, прерывая незаконным образом беременность, не совершает преступления. Если же супруг склоняет какое-либо

другое лицо к производству незаконного аборта своей жене, то налицо подстрекательство к преступлению.

#### Использованные материалы

1. Авакян Р.З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971.
2. Беляев В.Г., Свидлов Н.М. Вопросы квалификации убийства. — Волгоград: Высш. следств. шк. МВД СССР, 1984.
3. Блиндер Б.А. Уголовно-правовая охрана свободы и достоинства женщины. — Ташкент: Б.и., 1970.
4. Горелик И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. — Минск: Вышэйш. шк., 1973.
5. Загородников Н.И. Преступления против здоровья. — М.: Юрид. лит., 1969.
6. Комментарии к уголовному кодексу РСФСР. — М.: Юрид. лит., 1985.
7. Коржанский Н.И. Нужны ли пределы необходимой обороны? // Тр. Высш. следств. шк. МВД СССР. — Волгоград, 1971. — Вып. 5.
8. Курс советского уголовного права. Т. 3. Часть особенная. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
9. Сарыев Б. Ответственность за преступления против жизни и здоровья. — Ашхабад: Ыльм, 1973.
10. Соотак Я.Я. Убийство супруга из ревности // Уч. зап. / Тарт. ун-т. — 1978. — Вып. 447.
11. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. — М.: Юрид. лит., 1974.
12. Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. — М.: Юрид. лит., 1969.
13. Уголовный кодекс Эстонской ССР: Комментированное издание / Сост. И. Ребане. — Таллин: Ээсти Раамат, 1968.
14. Уголовное дело № I-109/1972 г. Народного суда Центрального района г. Таллина.
15. Уголовное дело № I-357/1976 г. Народного суда Ленинского района г. Таллина.
16. Strafrecht der Deutschen Demokratischen Republik: Lehrkommentar zum Strafgesetzbuch. Band II. — Berlin: Staatsverlag der DDR, 1969.

## О МЕХАНИЗМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.А. Собчак

Ленинград

В работах, посвященных исследованию гражданско-правовой ответственности, понятие ее механизма обычно не раскрывается. Исключение составляет лишь книга И.Н. Петрова об ответственности хозорганов, который в результате специального анализа этого вопроса пришел к выводу, что схема механизма ответственности включает принципы ответственности и ее "характерные черты, обусловленные предметом и методом правового регулирования исследуемой группы общественных отношений" /1, с. 131 и сл./ На наш взгляд, такая характеристика механизма гражданско-правовой ответственности недостаточна и неточна, так как не раскрывает его основных элементов. К тому же, если принципы ответственности действительно являются необходимым связующим звеном в механизме ее действия, то характерные черты ответственности, выражая ее сущность, естественно проявляются во всех элементах механизма ответственности, но функционировать в качестве особого элемента (части) такого механизма они не могут.

Юридическая ответственность — одно из правовых средств воздействия на поведение людей, поэтому, характеризуя механизм ее действия, необходимо исходить из общего понятия механизма правового регулирования, т.е. рассматривать механизм ответственности в единстве с другими элементами механизма правового регулирования.

"Механизм правового регулирования может быть определен как взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения" /2, с. 9/. Указанное понятие позволяет рассматривать явления правовой действительности в их целостном и одновременно "работающем" (динамическом) состоянии, что необходимо для определения (выявления) результативности правового регулирования /2, с. 10/.

Механизм действия юридической ответственности как определенной подсистемы в структуре механизма правового регули-

рования включает в себя следующие основные элементы:

- 1) меры ответственности;
- 2) правонарушение как основание для возникновения охранительного правонарушения и применения мер ответственности;
- 3) охранительное правонарушение;
- 4) применение мер ответственности, выражающееся в индивидуальных предписаниях юрисдикционных и иных компетентных органов;
- 5) процессуальное правоотношение, в рамках которого осуществляется процесс привлечения к ответственности и возложения ее на правонарушителя;
- 6) реальное претерпевание правонарушителем мер ответственности, т.е. отражение в его имущественной, личной или служебной сфере неблагоприятных последствий привлечения к ответственности;
- 7) принципы и функции ответственности, связывающие перечисленные элементы ее механизма в целостную динамическую систему, в "работающий" механизм.

Названные элементы образуют три относительно самостоятельные стадии в механизме ответственности: 1) механизм формирования санкций, воплощающих меры ответственности — законодательный уровень ответственности; 2) механизм реализации (применения) мер ответственности — правоприменительный уровень ответственности; 3) механизм реального воздействия ответственности на поведение правонарушителя, т.е. перевода санкций в реальное поведение участников соответствующих правоотношений, ожидаемое от них законодателем — функциональный уровень ответственности, на котором проявляется ее социальная эффективность.

Каждый элемент и каждая стадия механизма гражданско-правовой ответственности имеют специфику, определяемую ее экономической и юридической природой, которая своеобразно проявляется в хозяйственных отношениях между социалистическими организациями.

На законодательном уровне ответственности определяется вид и мера государственного принуждения за те или иные правонарушения, а также условия их применения к правонарушителю. В законодательстве меры ответственности выступают как особая разновидность мер государственного принуждения, предусмотренных санкциями правовых норм, что и позволяет характеризовать ответственность как санкцию за совершенное правонарушение. Особенностью гражданско-правовой ответственности

является определение ее вида и формы не только в нормативном порядке, но и соглашением сторон. Возможность быть предусмотренной соглашением сторон (в виде договорных санкций) — отличительная черта гражданско-правовой ответственности.

Однако в отношениях между социалистическими организациями размеры санкций за нарушение хозяйственных обязательств, как правило, предусмотрены непосредственно законом, а по соглашению сторон допускается лишь повышение размера предусмотренных действующим законодательством штрафных санкций либо установление новых санкций в случаях, когда за те или иные нарушения договорных обязательств они не предусмотрены в нормативном порядке. Установлен также общий запрет ограничивать по соглашению между социалистическими организациями размер их ответственности, если он точно определен законом (ч. 2 ст. 220 ГК РСФСР, ч. 2 ст. 206 ГК ЭССР).

Таким образом, возможности социалистических организаций по установлению мер ответственности существенно ограничены, что вряд ли соответствует тенденции расширения прав и самостоятельности предприятий, а также потребностям практики взаимоотношений организаций по исполнению хозяйственно-договорных обязательств. В литературе уже обращалось внимание на то, что общее запрещение ограничивать (снижать) размер ответственности по соглашению между социалистическими организациями нередко вступает в противоречие не только с их хозяйственными, но и общегосударственными интересами, в силу чего органам арбитража было предоставлено право в исключительных случаях уменьшать размеры санкций, подлежащих взысканию со стороны, нарушившей обязательство /1, с. 136-137/. Нецелесообразность (с точки зрения общегосударственных интересов) во всех без исключения случаях применения установленных действующим законодательством штрафных санкций за нарушение хозяйственных обязательств вызвала к жизни достаточно широко распространенную практику освобождения от ответственности по распоряжениям правительства отдельных предприятий или даже всех предприятий определенной отрасли промышленности либо расположенных в определенном регионе. Многообразие и изменчивость хозяйственных взаимоотношений между предприятиями требуют, на наш взгляд, отказа от жесткой, исчерпывающей, прямолинейной регламентации, в частности, в вопросах установления мер ответственности.

От правильного выбора формы и размера ответственности в значительной степени зависит ее эффективность, ее реальное

воздействие на поведение участников соответствующих отношений. Законодатель располагает широким спектром возможностей по установлению разнообразных экономических санкций (например, финансово-кредитных) в целях запрещения (и наказания) нежелательного для общегосударственных интересов поведения хозяйственных и иных социалистических организаций. Что же касается сферы договорных отношений между организациями, то здесь определение непосредственно в законе размера и вида штрафных санкций должно ограничиваться лишь наиболее серьезными случаями нарушений договорной дисциплины, а преобладающую роль должны играть договорные санкции, формируемые по усмотрению сторон.

"Чем многообразнее виды санкций, тем большей эффективностью обладает вся система санкций в целом, предоставляя управомоченному субъекту широкий выбор средств воздействия на неисправного контрагента" /3, с. 32/. В действующем законодательстве, напротив, отчетливо прослеживается тенденция по всем основным видам договоров "расписать" ответственность за любые возможные нарушения. Например, Положение о поставках продукции производственно-технического назначения 1981 г. предусматривает взыскание штрафных санкций в 45 случаях различных нарушений; Правила о договорах подряда на капитальное строительство 1969 г. устанавливают 26 различных видов штрафных санкций и т.п.

Нормативная формализация системы штрафных санкций за нарушения хозяйственных обязательств не обеспечивает учета специфических условий работы предприятий определенной отрасли народного хозяйства (не говоря уже о конкретных предприятиях). В тех же случаях, когда в законодательстве предпринимаются попытки отразить указанную специфику, то это приводит в конечном счете лишь к усложнению системы штрафных санкций и дополнительным трудностям в их применении, как, например, произошло при установлении в Положении о поставках продукции 1981 г. особого штрафа за некомплектную поставку, наряду с ответственностью за поставку некомплектной продукции.

Поэтому договорные санкции предпочтительнее нормативных, так как позволяют сторонам уже на стадии заключения договора максимально учесть специфику связывающих их отношений, ранжировать размер ответственности в зависимости от характера нарушений и их влияния на результаты работы предприятий.

Разумеется, сказанное не затрагивает основной формы гражданско-правовой ответственности — возмещения убытков, в

которой наиболее полно проявляется ее специфика, но которая в отношениях между социалистическими организациями, к сожалению, не заняла подобающего ей места. В связи с возмещением убытков речь идет не о расширении сферы усмотрения сторон по применению данной формы ответственности (она и так установлена в виде общего правила), а о необходимости устранения содержащихся в законодательстве ограничений принципа полного возмещения, т.е. устранения ограничений прав организации на взыскание причиненных ей убытков. В литературе многократно отмечалась необоснованность установления ограниченной (в части взыскания убытков) ответственности в отношениях клиентуры с транспортными и энергоснабжающими организациями, с банками, в области капитального строительства и т.д.

Другим обстоятельством, объясняющим, почему возмещение убытков в отношении между социалистическими организациями фактически еще не приобрело значения основной формы гражданско-правовой ответственности, является незаинтересованность предприятий в их взыскании и трудность доказывания реально понесенных убытков.

Трудности, возникающие в процессе реализации в отношениях между социалистическими организациями основной формы гражданско-правовой ответственности — возмещения понесенных убытков, а также недостаточная эффективность системы штрафных санкций за нарушения договорных обязательств, вызвали к жизни новые формы гражданско-правовой ответственности, так называемые оперативные санкции<sup>1</sup>.

Широкое распространение оперативных санкций в хозяйственном законодательстве последних лет (приостановка отгрузки или отпуска продукции, отказ от получения просроченной партии товаров, отказ от приемки работ, выполненных с недоделками, изменение последовательности исполнения обязательства, изменение формы расчетов за отгружаемую продукцию, оказываемые услуги, задержка перечисления премии за ввод объектов при неустранении недоделок и т.п.) и их очевидная эффективность, определяемая сиюминутностью воздействия на нарушителей договорных обязательств, породили в литературе представ-

<sup>1</sup> В литературе используются различные термины для их обозначения: оперативные, оперативно-хозяйственные, оперативно-имущественные и оперативно-организационные санкции. Наиболее употребительным в законодательстве и на практике является термин "оперативные санкции", которым мы и будем пользоваться в дальнейшем изложении.

ление о необходимости переоценки значения традиционных форм ответственности и замены (вытеснения) их при повседневных нарушениях договорной дисциплины оперативными санкциями /7, с. 31-34/. Вызывает споры вопрос и о юридической природе оперативных санкций: относятся ли они к мерам ответственности либо представляют собой иное (отличное от ответственности) правовое явление.

На наш взгляд, по своим основным характеристикам оперативные санкции за нарушение договорных обязательств полностью укладываются в существующие представления о гражданско-правовой ответственности, в частности, они применяются в отношениях между субъектами гражданского права в качестве реакции на соответствующие нарушения гражданских прав и обязанностей, носят имущественный характер и влекут за собой наступление отрицательных имущественных последствий для правонарушителя. Свойственны им и такие черты гражданско-правовой ответственности, как компенсационная (восстановительная) направленность мер ответственности и диспозитивность. Другое дело, что применительно к оперативным санкциям все названные черты гражданско-правовой ответственности приобретают определенную специфику.

Так, отрицательные имущественные последствия для нарушителя при применении большинства оперативных санкций наступают в виде побочного (попутного) результата их действия. Действительно, при приостановке отгрузки продукции, отказе от получения просроченной партии товаров, изменении формы расчетов за отгружаемую продукцию или оказываемые услуги и т.п. целью применения перечисленных и других аналогичных санкций является быстрее ликвидация допущенных другой стороной правонарушений, а не наступление отрицательных имущественных последствий для нарушителя, как это имеет место при взыскании штрафных санкций и возмещении убытков. Однако и в этих случаях не последнюю роль играет то обстоятельство, что применение оперативных санкций автоматически влечет за собой определенные экономические потери (размер которых, кстати, нетрудно подсчитать) для нарушителя, что безусловно повышает эффективность из воздействия на него.

Своеобразно также компенсационное действие оперативных санкций. Оно проявляется не в получении кредитором определенной суммы за счет нарушителя, а в предотвращении возможных экономических потерь от таких нарушений договорной дисциплины, которые устраняются с помощью оперативных санкций. Если

же вред был фактически причинен, то применение оперативных санкций обычно дополняется традиционными формами гражданско-правовой ответственности. Оперативные санкции обычно предшествуют взысканию убытков и сочетаются с другими мерами ответственности.

Включение оперативных санкций в систему мер гражданско-правовой ответственности обогащает ее и повышает эффективность гражданско-правовой ответственности в целом за счет сочетания основных ее форм (взыскание штрафных санкций и возмещение убытков) с такими дополнительными средствами непосредственной защиты нарушенных прав, какими являются оперативные санкции. Необходимо, однако, четко разграничивать оперативные санкции как меры гражданско-правовой ответственности и экономические санкции, применяемые к нарушителям договорной дисциплины вышестоящими хозяйственными и контролирующими органами (банками, финорганами, госинспекциями и т.д.) и заключающиеся либо в различных взысканиях в доход бюджета, либо в разного рода ограничениях и запрещениях, налагаемых на производственно-хозяйственную деятельность предприятий.

Происходящий в настоящее время на основе решений XXII съезда КПСС процесс переустройства управления народным хозяйством по линии расширения самостоятельности и усиления ответственности предприятий за результаты их работы требует внесения необходимых изменений в действующее законодательство, в частности, в нормы о гражданско-правовой ответственности предприятий за нарушение договорных обязательств. Наряду с отказом от установления в законодательстве чрезмерно детализированной системы штрафных санкций за нарушение договорных обязательств и необходимостью сужения круга случаев введения ограниченной ответственности по обязательствам, на наш взгляд, было бы целесообразно дальнейшее расширение круга оперативных и экономических санкций. В принципе, каждому типичному случаю нарушения договорных обязательств должны быть противопоставлены разнообразные меры непосредственной защиты нарушенных прав (оперативные санкции), приводимые в действие по усмотрению кредитора, законные интересы и права которого были нарушены.

Необходимость в совершенствовании существующего механизма гражданско-правовой ответственности ощущается не только на законодательном, но и на правоприменительном и функциональном уровнях. Правоприменительный уровень является оп-

ределяющим в механизме юридической ответственности, так как именно здесь происходит реализация установленных в законе или договоре мер ответственности, перевод ответственности из состояния возможности в конкретные меры воздействия на поведение людей. На этом уровне повышение эффективности гражданско-правовой ответственности в хозяйственных отношениях может быть обеспечено путем совершенствования порядка ее применения, в частности, порядка учета взыскиваемых санкций и убытков и отнесения их на результаты деятельности предприятия. Важное значение в этом отношении имеет разработка типовых и индивидуальных методик определения убытков по наиболее часто встречающимся видам нарушений хозяйственных обязательств. Если бы при заключении хозяйственного договора в качестве одного из его условий предусматривалось применение определенной методики подсчета убытков от тех или иных нарушений, то это значительно облегчило бы и ускорило процесс взыскания убытков в отношениях между его участниками.

Другое направление повышения эффективности ответственности — обеспечение ее неотвратимости. Однако в настоящее время в законодательстве существует тенденция решить проблему неотвратимости ответственности административно-правовыми средствами, когда потерпевшая от нарушения обязательства сторона понуждается к применению мер ответственности угрозой взыскания специального штрафа, либо взысканием соответствующих сумм в доход государства. На наш взгляд, в целях борьбы с амнистированием нарушителей хозяйственных обязательств предпочтительнее идти по пути установления дополнительных мер принудительного воздействия не на потерпевшего, а на нарушителя хозяйственного обязательства. Так, в п. 22 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1985 г. установлено, что в случае возврата предприятию продукции из-за низкого ее качества отчисления в фонд предприятия уменьшаются до 5% за каждый процент возвращенной некачественной продукции в общем объеме производства продукции. Такая санкция значительно действеннее, чем установление штрафа, который взыскивался бы с потребителя за неприменение мер гражданско-правовой ответственности к поставщику недоброкачественной продукции.

Гражданско-правовая ответственность организаций, будучи по своей природе ответственностью коллективной, может дать общественно-полезный эффект лишь в том случае, когда вытекающие из нее неблагоприятные имущественные последствия для

предприятия будут доведены до конкретных виновников, т.е. конкретных работников или коллективов подразделений (участков, бригад, цехов), по вине которых была сорвана поставка продукции, недоброкачественно выполнены работы и т.д. Без этого наказательный эффект гражданско-правовой ответственности социалистических организаций, как неоднократно отмечалось в литературе, равен нулю. Более того, не подкрепленная индивидуальной (персональной) материальной ответственностью работников имущественная ответственность государственных организаций превращается в перекладывание государственных средств из одного кармана в другой, т.е. порождает фактическую безответственность работников, в первую очередь, должностных лиц.

По этим соображениям, совершенствование порядка привлечения должностных лиц предприятий и организаций к персональной материальной ответственности — необходимое условие повышения эффективности гражданско-правовой ответственности организаций. Здесь, на наш взгляд, было бы целесообразно предоставить арбитражу право привлекать к персональной материальной ответственности должностных лиц предприятий, виновных в грубых нарушениях договорной дисциплины, если ими был нанесен существенный ущерб интересам народного хозяйства /1, с. 175-176; 5, с. 19, 37 и сл./.

Наконец, на функциональном уровне ответственности давно назрела необходимость изменения существующего порядка отнесения сумм, взысканных при применении мер гражданско-правовой ответственности. Вместо отнесения их на результаты деятельности предприятия в составе внереализационных прибылей и убытков, что приводит к обезличиванию указанных сумм в общей сумме прибыли предприятия, было бы целесообразно, на наш взгляд, зачислить суммы взысканных штрафных санкций в состав оборотных средств предприятия, а суммы взысканных убытков зачислять в фонд развития производства или в состав оборотных средств в зависимости от того, в какой сфере возникли данные убытки<sup>1</sup>. Аналогичное правило следовало бы установить и для определения источников взыскания с предприятия штрафных санкций и убытков, уплачиваемых им своим контрагентом.

---

<sup>1</sup> Ср. с предложениями И.Н. Петрова /1, с. 133-134/.

## Использованные материалы

1. Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушения обязательств. - М.: Юрид. лит., 1974.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. - М.: Юрид. лит., 1982, - Т. 2.
3. Быков А.Г. Системы и основные принципы применения санкций к хозяйственным организациям // Сов. гос-во и право. - 1967. - № 3.
4. Басин Ю.Г., Диденко А.Г. Имущественная ответственность и оперативные санкции в системе хозяйственного механизма // Правоведение. - 1984. - № 3.
5. Повышение роли государственного арбитража в механизме социалистического хозяйствования: Мат. конф. / Отв. ред. Т.Е. Абова, В.В. Даштев. - М.: ИГПАН, 1981.

## О СИСТЕМЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

В.Ф. Попондопуло  
Ленинград

Укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, неуклонное обеспечение социалистической законности и правопорядка было и остается предметом постоянной заботы партии, отмечается в новой редакции Программы КПСС.

Одним из действенных элементов системы мер, направленных на решение поставленных задач, является гражданско-правовая ответственность. В настоящее время, как известно, нет общепринятого мнения о ее понятии, функциях, пределах. Остается нерешенным также вопрос о системе ответственности по гражданскому праву, которому в последние годы в юридической литературе уделяется к тому же недостаточно внимания<sup>1</sup>.

Определяя место и роль гражданской ответственности в динамике гражданского правоотношения, можно, в частности, отметить следующее: во-первых, гражданская ответственность, являясь особым последствием гражданского правонарушения, реализуется в рамках правоохранительного обязательства; во-вторых, правоохранительное обязательство, являясь наиболее распространенным видом гражданского правоохранительного правоотношения, производно от нарушенного регулятивного гражданского правоотношения; в-третьих, элементами оснований возникновения правоохранительного обязательства являются: а) факт существования регулятивного правоотношения, б) факт обеспечения его санкцией, в) факт его нарушения /см. подробнее 5/.

Эти положения позволяют сделать вывод: система гражданско-правовой ответственности в ее необходимой правовой форме, то есть система правоохранительных обязательств, производна и зависима, во-первых, от системы регулятивных гражданских правоотношений, во-вторых, от системы особых гражданско-правовых санкций, то есть мер ответственности<sup>2</sup>,

<sup>1</sup> В литературе в основном рассматриваются вопросы системы деликтной ответственности /См.: 1; 2; 3; 4/.

<sup>2</sup> Правоохранительное обязательство является правовой формой реализации не только мер ответственности, но и ряда иных санкций.

в-третьих, от системы гражданских правонарушений.

Некогда в юридической литературе был поставлен вопрос: основывается ли гражданская ответственность на самостоятельной системе правовых норм или на материально-правовых нормах? Одни авторы, исходя из служебной роли правовых институтов, различали два их вида: материально-правовые (право собственности, договор и т.д.), служащие закреплению общественно-полезных отношений; и институты вспомогательного характера, в частности, ответственность за причинение вреда, имеющие целью охрану и обеспечение правильного развития этих отношений /6, с. 159/<sup>1</sup>. Другие авторы выступали против разделения гражданско-правовых институтов, справедливо полагая, что правила вспомогательного характера являются составной частью материально-правовых институтов; что, например, принцип ответственности за нарушение договора имманентно присущ самому институту договора /1, с. 146-149/.

На наш взгляд, обе точки зрения страдали одним общим недостатком, вполне понятным для того времени, если иметь в виду крайнюю неразработанность темы гражданской ответственности в литературе и правил ее нормирования в действовавшем тогда законодательстве. Авторы не видели в институте ответственности общего института гражданского права, место которого в общей части гражданского права. Еще и сейчас, несмотря на то, что разработаны многие гражданско-правовые категории общего характера (принципы, условия, формы ответственности и т.п.), нельзя сказать, что правовая мысль сплошь осознала существование единого общегражданского правового явления, каким является институт гражданско-правовой ответственности, и прониклась необходимостью его соответствующего нормативного закрепления.

Конечно, процесс понятийной интеграции в области гражданской ответственности еще не завершен. В этой области много спорного, но именно быстрейшему разрешению этих споров и способствовало бы системное представление о гражданско-правовой ответственности и закрепление общих положений о ней в разделе I "Общие положения" Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и гражданских кодексов союзных республик<sup>2</sup>. Обосновывая это предложение, воспроизведе-

<sup>1</sup> В юридической литературе и сейчас распространено мнение о самостоятельности правоохранительных правоотношений /7, с. 268, 381-384; 8, с. 12/.

<sup>2</sup> В дальнейшем: Основы и ГК.

дем вкратце имеющиеся в литературе по социалистическому гражданскому праву взгляды по этому вопросу.

Так, Д. Эрши (ВНР) правильно пишет, что исходный пункт систематизации коренится в правовых отношениях; с точки зрения расчленения гражданской ответственности являются единственными общественные отношения, у которых по существу применимы сходные средства защиты; решающим обстоятельством является единство и различие общественных отношений, а также единство и различие методов воздействия на них. Далее, по мнению автора, основным методом приспособления гражданской ответственности к достижению максимального воздействия в области превенции, как основного предназначения ответственности в социалистическом обществе, могла бы быть дифференциация санкций. Но этот критерий неприемлем, поскольку гражданскому праву присущ принцип полного возмещения причиненного вреда. Думается все же, что это утверждение автора чрезмерно категорично<sup>1</sup>. Учитывая зависимость дифференциации санкций от вида защищаемых правоотношений, следует отметить возможность дифференциации санкций (неустоек) в пределах сферы договорных отношений, что сбрасывать со счетов не следует. Наконец, автором подвергается сомнению возможность дифференциации гражданской ответственности согласно видам правонарушений, поскольку любое из них есть причинение ущерба. Очевидно, что и здесь не учитывается зависимость данного критерия от определяющего — соответствующего вида регулятивных гражданских правоотношений.

В конечном счете, Д. Эрши предлагает систематизировать всю область гражданской ответственности на основе критерия вменяемой противоправности (включающей виновное, а также другое, хотя и невиновное, но вменяемое и ответственное поведение) на следующие группы: 1) нарушения прав личности; 2) недействительные договоры и обогащение без оснований, ведущие к отказу в реституции; 3) недобросовестное обогащение без оснований и недобросовестное владение; 4) нарушение договоров; 5) внедоговорное причинение вреда (по мнению автора, настоящая область гражданской ответственности). В пределах последней группы, поскольку противоправность здесь единая, предлагается применять дополнительный критерий внутргрупповой классификации — критерий вменяемости и основан-

<sup>1</sup> В литературе правильно указывается не целый ряд признаков, с помощью которых можно верно определить сферу ответственности по возмещению вреда /3, с. 118/.

ную на ней систему оснований освобождения от ответственности /2, с. 162-163/.

Оставляя в стороне критический анализ многих из этих положений, следует отметить в целом правильный подход к дифференциации единой гражданской ответственности, с выделением таких ее типов, как: ответственность за нарушение личных прав и охраняемых законом интересов, ответственность за нарушение вещных прав, ответственность за нарушение обязательственных прав и т.п. Спорным в предложении Д. Эрши остался вопрос о месте деликтных обязательств (как формы гражданской ответственности) в системе гражданских правоотношений. В юридической литературе некоторых социалистических стран, в частности ВНР и ГДР, имущественно-правовую ответственность не без оснований называют одним из методов гражданско-правового регулирования /9, с. 21-24/, тем самым подчеркивая ее общеправовой характер, ее значение для всех отдельных институтов гражданского права. Однако и в настоящее время, в силу отсутствия в гражданском праве ВНР и ГДР общей части, обособление общего института гражданско-правовой ответственности производится в виде отдельного института гражданского права, что следует признать неудачным.

По мнению Е. Варкалло (ПНР), категория ответственности по возмещению вреда шире категории договорной и деликтной ответственности вместе взятых, т.к. сюда включается, в частности, ответственность страхователей, не являющихся причинителями вреда, ответственность по возмещению вреда, предусмотренная в других отраслях права и другие случаи /3, с. 112/. Автор различает типы и виды ответственности по возмещению вреда. К типам относятся в зависимости от субъектного критерия: 1) ответственность причинителя и 2) ответственность другого лица (непричинителя); в зависимости от способа разложения причиненного вреда: 1) ответственность по возмещению вреда индивидуального характера и 2) ответственность, связанная с распределением вреда между многими лицами (страховая).

Наряду с делением на типы автор делит ответственность также на виды в зависимости от степени результативности на: 1) полную ответственность и 2) ответственность, не удовлетворяющую требованиям полноты компенсации вреда; в зависимости от степени неизбежности на: 1) ответственность, наступление которой неизбежно (страховая) и 2) ответственность, наступление которой зависит от определенных условий; в зави-

симости от оснований возникновения (традиционная классификация) на: 1) ответственность за нарушение договоров и 2) деликтную ответственность /3, с. 130/.

Не останавливаясь на целом ряде очевидно спорных вопросов (например, о трактовке в качестве ответственности возмещения вреда страхователем независимо от вины, возмещения вреда не причинителем и других), следует отметить главный недостаток приведенной классификации - принижение значения традиционной классификации. По мнению автора, традиционное деление, несмотря на его необходимость и полезность, "не охватывает всего комплекса отношений по возмещению вреда, существующих ныне в промышленно развитых странах". Думается, однако, дело не в этом, и даже не в том, что автор широко понимает ответственность по возмещению вреда, а в том, что все выделенные им типы и виды ответственности имеют место как в области договорной, так и деликтной ответственности, что признает и сам автор /3, с. 233/. Иначе говоря, система ответственности прежде всего зависит от системы регулятивных правоотношений, соответственно дифференциация гражданско-правовой ответственности производна от системы регулятивных гражданских правоотношений<sup>1</sup>.

Причины существующей неполноты традиционного деления гражданской ответственности различны. Одной из причин несоответствия системы гражданской ответственности системе регулятивных гражданских правоотношений является неправильное представление об их историческом развитии. Оно шло постепенно. Первоначально, как известно, не существовало гражданского оборота. В древнейшем праве не различались даже уголовно-правовые и гражданско-правовые последствия правонарушения. Появление гражданских прав связано с появлением индивидуального обладания имуществом, защищенного юридически. С выделением римского частного права произошло обособление наказания за преступление и возмещения за причинение вреда, но последнее еще долго являлось общим последствием любых гражданских правонарушений.

Дальнейший прогресс в развитии гражданского права произошел лишь тогда, когда кроме права защиты (средств защиты) к субъектам индивидуального обладания перешло и право распо-

<sup>1</sup> Случаи же применения ответственности по возмещению вреда в других отраслях права (земельном, кооперативном и т.п.) свидетельствуют о том, что эти отрасли вышли из гражданского права и окончательно не сложились.

ряжения, то есть когда право не только защищалось, но также устанавливалось, изменялось и прекращалось по инициативе частных лиц /10, с. 47/. Следовательно, исторически ответственность предшествует договору и даже праву обладания, ибо первоначально применяется самоуправно. С утверждением системы денежных штрафов происходит дифференциация деликтной ответственности (исков), лишь впоследствии преобразованной в систему ответственности по возмещению вреда. Деликтная ответственность и деликтные обязательства исторически предшествуют появлению договорных обязательств и договорной ответственности /10, с. 92, 99, 101; II, с. 20/. С появлением договоров и их дифференциацией появляется договорная ответственность и соответствующие ее виды (иски) /10, с. 190-200/.

Иначе говоря, с развитием римского частного права, и в особенности римского обязательственного права, с выделением в его пределах различных видов договоров и деликтов (как бы договоров и как бы деликтов) стали четко различаться и соответствующие им виды ответственности (иски). Исторически каждому виду субъективного гражданского права соответствовало свое средство защиты. Впоследствии, в связи с систематической обработкой римского частного права, начинается интеграционный процесс обобщения явлений гражданской ответственности в рамках договорных обязательств, с одной стороны, и деликтных, - с другой, чему особенно способствовало принятие в 18-19 веках буржуазных кодексов. Происходит их взаимное обособление в самостоятельные институты гражданского права. Являясь в целом прогрессивным, такое развитие имело и свои недостатки, в частности в сфере деликтной ответственности оно привело к отрыву системы деликтной ответственности (последствий правонарушения) от системы регулятивных гражданских правоотношений (оснований деликтной ответственности) в их нормативном закреплении. Не случайно в ряде законодательств (ЧССР, ПНР) и особенно во французском, построенном по институционной системе (что является в данном случае примечательным), настойчиво ставится вопрос об установлении унитарной системы гражданской ответственности /3, с. 233-234/.

Нам уже приходилось писать о правовой природе правоохранительных обязательств как необходимой форме гражданско-правовой ответственности и их месте в системе иных обязательств по гражданскому праву /5, с. 67-70/. Отправляясь, в частности, от заслуживающего внимания предложения А.Г. Гойхбарга

о необходимости изложения системы обязательств "с обязательствами, вытекающих из причинения вреда.. потому, что эти обязательства менее сложны и, кроме того, отчасти обнимают собой и обязательства, связанные с существующими договорными обязательствами" /12, с. 119, 122/, мы отмечали его непоследовательность. Дело в том, что автор, хотя и видел неоднородность правоохранных обязательств (правовой формы, выражающей последствия нарушения не только регулятивных обязательств, но и других регулятивных гражданских правоотношений) и регулятивных обязательств (одной из правовых форм, лежащих в основании правоохранных обязательств), все же располагал их в одном ряду.

Этой непоследовательности избежал М.М. Агарков, расположив материал о правоохранных обязательствах в общей части обязательственного права /13, с. 317-363/. Однако и он не учел важного момента, а именно того, что правоохранные обязательства, как необходимая правовая форма ответственности по гражданскому праву, есть следствие нарушения не только договорных обязательств, но и других регулятивных гражданских правоотношений. Если все возможные правоохранные обязательства сходны по форме (то есть это относительные имущественные правоотношения кредитора и должника), то каждый их вид неотрывен по своему содержанию от того регулятивного гражданского правоотношения, которое лежит в основании правоохранных обязательств. Очевидно, связь по содержанию существеннее связи по форме и является определяющей.

К сожалению, на последнее обстоятельство не обратили внимания В.Т. Смирнов и А.А. Собчак, исключив из возможных критериев классификации деликтных обязательств их содержание /4, с. 29/. Авторы по существу заняли противоречивую позицию, поскольку, с одной стороны, присоединяются к правильному мнению о том, что 1) правоохранные правоотношения есть "форма существования нарушенного регулятивного правоотношения" /4, с. 26/ и 2) "содержание деликтного обязательства заключается в устранении вредоносных последствий правонарушения", которые "определяются характером правонарушения и содержанием нарушенного блага" /4, с. 30/, а, с другой, - проводят классификацию деликтных обязательств независимо от их содержания, определяемого содержанием нарушенных регулятивных правоотношений и реализующегося в одних с ним правовых формах - правоохранных обязательств.

Правоохранительное обязательство - форма регулятивного гражданского правоотношения после нарушения, в которой реализуются как оставшееся после нарушения содержание регулятивного правоотношения (например, обязанность по воздержанию от нарушений прав собственника, обязанность по исполнению договорного обязательства и т.п.), так и содержание последствий его нарушения (обязанность исправления поврежденной вещи собственника, возмещение причиненных убытков, уплата неустойки и др.). Правоохранительное обязательство - это не новое правоотношение, но оно и не тождественно регулятивному правоотношению, - это преобразованное в своем содержании и осложненное новыми элементами содержания самое нарушенное регулятивное правоотношение. В частности, причиненный вред личности или имуществу, как нарушение чье-то абсолютного права - это то же, что и неисполнение своей относительной обязанности не нарушать чье-то субъективного права. Именно эта обязанность и "видоизменяется", осложняется дополнительным элементом - обязанностью возместить причиненный вред, и реализуется в рамках правоохранительного обязательства. Этой осложненной обязанности третьего лица-правонарушителя противостоит теперь не только абсолютное право (разумеется, если оно не прекратилось правонарушением), но и право требования потерпевшего о возмещении причиненного вреда, зависимое от нарушенного абсолютного права и осуществляемое с ним в рамках правоохранительного обязательства. Тот же механизм наблюдаем при нарушении обязательства: обязанность возмещения убытков (уплаты неустойки) вместе с основной обязанностью (разумеется, если она не прекратилась правонарушением) реализуется в рамках правоохранительного обязательства.

Учитывая, что правоохранительные обязательства, являясь необходимой правовой формой гражданско-правовой ответственности, производны от соответствующих регулятивных гражданских правоотношений (генетическая связь), трудно согласиться и с предложением О.А. Красавчикова о расположении всех средств гражданско-правовой защиты в заключительном разделе ГК РСФСР /14, с. 131-132/. Во-первых, гражданско-правовая ответственность - это общий институт гражданского права и располагать его следует не в конце, а в начале системы гражданского права, в его общей части. Во-вторых, всякий общий институт может и должен быть дифференцирован соответственно конкретным видам гражданских правоотношений, из нарушения которых собственно и возникает ответственность конкретного

лица. О.А. Красавчиков же невольно отрывал нормативное закрепление мет ответственности от нормативного закрепления соответствующих гражданских правоотношений, предлагая в самостоятельном заключительном разделе ГК закрепить "Общие положения о защите гражданских прав", а также положения о "Вещно-правовой защите гражданских прав" и "Обязательственно-правовой защите гражданских прав".

В предложении О.А. Красавчикова заслуживает поддержки одно важное обстоятельство, связанное с необходимостью вывода из системы обязательств, опосредующих нормальный гражданский оборот, обязательств, возникающих из нарушения иных прав (т.е. деликтных, из спасания социалистического имущества и из неосновательного приобретения или сбережения имущества) /14, с. 128/. Им, действительно, не место в разделе "Обязательственное право"; во-первых, их назначением является защита иных необязательственных гражданских прав, охрана *status quo*, обеспечение и укрепление существующего положения вещей - имущественных и личных благ (функциональная зависимость). Во-вторых, и это главное, они не вписываются в систему обязательств. Важнейшим аргументом в подтверждение этого является то обстоятельство, что на названные обязательства за малым исключением не распространяются общие положения об обязательствах /15, с. 35/ и, в частности, такие важные из них, которые закрепляют принципы исполнения обязательств, ответственность за нарушение обязательств (за исключением нормы, определяющей убытки) и многие другие. Обязательства, возникающие из нарушения необязательственных прав, по существу регулируются собственным и довольно разработанным арсеналом правовых средств (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. - 16).

Учитывая отмеченные генетические и функциональные особенности названных обязательств, выступающих одной из правовых форм последствий гражданских правонарушений, в том числе гражданско-правовой ответственности, можно представить их систему в следующем виде: общие положения о правоохранительных обязательствах; правоохранительные обязательства, возникающие из нарушения личных благ; правоохранительные обязательства, возникающие из нарушения права собственности; правоохранительные обязательства, возникающие из нарушения обязательств<sup>1</sup>. Иначе говоря, наше предложение сводит-

<sup>1</sup> Правоохранительные обязательства, возникающие из нарушения сложных гражданских правоотношений (например, автор-

ся к тому, что следует изъять из соответствующих разделов Основ и ГК нормы об обязательствах, возникающих из причинения вреда, спасания социалистического имущества и неосновательного приобретения или сбережения имущества, и "расформировать" их в соответствии с происхождением и назначением закрепляемых ими общественных отношений по другим частям системы гражданского права. Соответственно будет выглядеть и система ответственности по гражданскому праву. Поскольку правоохранительное обязательство есть необходимая правовая форма реализации мер ответственности, система последней выглядит следующим образом: общие положения об ответственности за нарушение гражданских прав; ответственность за нарушение личных благ; ответственность за нарушение права собственности; ответственность за нарушение обязательственных прав.

Выделенные типы правоохранительных обязательств и соответствующие им типы ответственности по гражданскому праву дифференцируются в дальнейшем на виды и разновидности в пределах типов. Кроме того, следует иметь в виду, что в рамках правоохранительных обязательств, а также наряду с ними в рамках иных правоохранительных гражданских правоотношений, могут реализоваться иные меры защиты, не являющиеся мерами ответственности. Следовательно, вся совокупность правоохранительных гражданских правоотношений и реализующихся в их рамках мер защиты составляет систему гражданско-правовых форм защиты<sup>1</sup>, состоящую из 1) общих положений о гражданско-правовых формах защиты, 2) гражданско-правовых формах защиты личных благ, 3) гражданско-правовых форм защиты вещных прав, 4) гражданско-правовых форм защиты обязательственных прав.

Общие положения об ответственности за нарушения гражданских прав должны найти закрепление в разделах "Общие положения" Основ и ГК после статей о защите гражданских прав. Здесь могут найти закрепление основания, виды и формы ответственности, принципы и функции ответственности, понятия солидарной и регрессной ответственности и некоторые другие общие положения (пределы, объем, характер, размер, валюта ответ-

---

ских), могут быть в конечном счете сведены к одной из указанных групп. Однако это не исключает необходимости закрепления в соответствующих разделах специальных норм об ответственности.

<sup>1</sup> Система гражданско-правовых охранительных форм вместе с системой гражданско-правовых регулятивных форм, от которой она производна, составляют систему гражданско-правовых форм в целом.

ственности). Поскольку в общих положениях находят закрепление и другие меры защиты (ст. 6 Основ), не являющиеся мерами ответственности, то здесь же следует поместить общее правило о том, какая мера и при каких условиях применяется, тем самым исключая их конкуренцию. Очевидно, выбор меры защиты не может быть произвольным, так как она зависит от природы нарушенного гражданского правоотношения. Так, если нарушено договорное правоотношение, то применяются соответствующие договорные меры защиты (в том числе меры ответственности), но не виндикационные, кондикционные меры защиты либо меры деликтной ответственности.

Положения об ответственности за нарушение личных благ должны, на наш взгляд, найти закрепление в самостоятельном институте (возможно подотрасли) гражданского права "Личное право", предшествующем по своему расположению разделу "Право собственности"<sup>1</sup>. Возможны и другие пути, например, закрепление норм об ответственности за нарушение личных благ в главах гражданских кодексов "Лица" после норм о правосубъектности граждан<sup>2</sup> и юридических лиц<sup>3</sup>. Выбор варианта зависит, в частности, от решения спорного вопроса: являются ли личные блага предметом гражданско-правового регулирования или предметом гражданско-правовой охраны? Но независимо от этого спора, на наш взгляд, все же предпочтителен первый путь. Во-первых, нормы о правосубъектности содержат указание на любые гражданско-правовые возможности субъектов (иметь личные права, быть собственником, кредитором и т.д.), но в отдельных институтах нормируются все, кроме личных благ. Во-вторых, в настоящее время существует настоятельная практическая потребность в компактной и детальной регламентации последствий нарушения личных прав и охраняемых законом инте-

<sup>1</sup> Вопрос об образовании названного института активно обсуждается в юридической литературе /17, с. 19-36; 18, с. 30-38/. Н.Д. Егоров предлагает расположить этот институт между обязательственным и авторским правом, что нам представляется нелогичным.

<sup>2</sup> Здесь можно поместить нормы об ответственности за вред, причиненный личности гражданина или организации действиями несовершеннолетних, недееспособных и лиц, способных понимать значения своих действий.

<sup>3</sup> Здесь можно закрепить нормы об ответственности организации за вред, причиненный личности гражданина или организации по вине ее работников, а также незаконными действиями должностных лиц в области административного управления и в сфере деятельности правоохранительных органов (ныне ст. 89 Основ).

ресов личности (имени граждан и наименования организации, чести и достоинства граждан и репутации организаций, изображения граждан и товарного знака организаций и т.п.). Открывать соответствующий раздел могла бы общая норма о защите личных прав как абсолютных и неотъемлемых от их носителей прав, осуществляемых в пределах, установленных законом. Затем следует поместить нормы о видах личных прав и конкретных мерах защиты (в том числе мерах ответственности). Перечень личных прав и охраняемых законом интересов личности не должен носить исчерпывающего характера, о чем можно указать в ранее названной общей норме.

В качестве одной из общих мер защиты личных прав следует указать требование уполномоченного по типу негативного — об устранении препятствий для свободного осуществления личных прав /18, с. 35/. Далее, кроме уже упоминавшихся мер ответственности в этот раздел следует перенести нормы об ответственности за вред, причиненный личности гражданина повреждением здоровья и смертью, а также в результате спасания социалистического имущества. Свобода, личная неприкосновенность, жизнь, здоровье — личные блага граждан, которые охраняются комплексом неимущественных и имущественных мер. Гражданин вправе требовать от окружающих лиц воздержания от любых действий, ущемляющих его личные блага. В случае же, например, повреждения здоровья или смерти возникает право на возмещение вреда. Трудно поэтому согласиться с Н.Д. Егоровым, что ответственность за нарушение личных благ должна носить только неимущественный характер, в случаях же применения имущественных мер сумма санкций должна взыскиваться в доход государства, а не в пользу потерпевшего /18, с. 35, 37/.

Положения об ответственности за нарушение права собственности следует закрепить в разделах Основ и ГК "Право собственности" непосредственно после норм о вещно-правовых мерах защиты права собственности, как специфических. Сюда, по нашему мнению, следует перенести все нормы об ответственности за вред, причиненный имуществу граждан и организаций: действиями несовершеннолетних, недееспособных и лиц, неспособных понимать значения своих действий; виновными действиями работников, незаконными действиями должностных лиц в области административного управления и в сфере деятельности правоохранительных органов; спасанием социалистического имущества гражданином; неосновательным приобретением или сбере-

жением имущества.

Дополнение вещно-правовых способов защиты права собственности обязательственно-правовыми в рамках института "Защита права собственности" позволит сделать последний более содержательным и адекватно отражающим суть такого явления как защита права собственности. С помощью приемов юридической техники, в частности системы взаимных нормативных отсылок, можно добиться значительной компактности текстового изложения нормативного материала о защите права собственности. Так, возможно потребуются отсылки к нормам о защите личных прав, а также к общим положениям о защите гражданских прав, особенно к правилу об условиях применения соответствующих мер защиты с целью исключения их конкуренции, и другие. Дифференциация мер защиты права собственности также должна проводиться в зависимости от типов, видов и разновидностей правоотношений собственности.

Наконец, положения об ответственности за нарушение обязательств должны быть регламентированы среди общих положений об обязательствах и положений об отдельных их видах в Основах и ГК. В частности, в гражданских кодексах названия глав "Ответственность за нарушение обязательств" следует заменить названием "Защита обязательственных прав", тем самым по существу приводя их в соответствие с содержанием этих глав. Как известно, уже ныне эти главы регламентируют не только меры ответственности, но и иные меры защиты (иные санкции). Так, в ГК РСФСР это нормы статей 217, 218, 221, 223 и других, устанавливающие право кредитора требовать принудительного исполнения обязательства и другие последствия, не являющиеся ответственностью. Эту главу следует также расширить за счет указания в ней на иные меры защиты обязательственных прав и правила их применения, например, закрепить правила установления санкций и повышения их размера по соглашению сторон; регламентировать правила о неустойке и, в частности, установить общую норму о размере пени, подлежащей взысканию с должника, за просрочку исполнения обязательства в натуре, если иной размер пени не определен специальной нормой; отразить возможность применения специфических оперативных санкций и т.п.

В дальнейшем система ответственности за нарушения обязательств дифференцируется на типы, виды и разновидности в зависимости от системы регулятивных обязательств. Предлагаемая перестройка обязательственного права очевидно потребует вне-

сения некоторых изменений не только в соответствующие разделы Основ и ГК, но и в другие их разделы. Это — главным образом приведение в соответствие друг с другом общих и специальных норм, перераспределение нормативного массива некоторых глав и другие.

Завершая изложение, следует подчеркнуть, что задача выявления системы правоохранительных обязательств по реализации мер ответственности до сих пор не только не решена, но даже не поставлена во всей своей полноте. Сделанные предложения, хотя и не бесспорны, учитывают функциональную и генетическую связь гражданской ответственности с природой нарушенного правоотношения и тем самым позволяют более правильно подойти к проблеме выявления объективно существующей системы обязательств. Система ответственности по гражданскому праву и система правоохранительных обязательств, как необходимая форма реализации мер этой ответственности, определяются системой гражданских регулятивных правоотношений. Одним из способов выявления системы гражданских правоотношений является система гражданской ответственности, в чем и проявляется ее системообразующая роль.

Система гражданской ответственности, наряду с другими чертами метода гражданско-правового регулирования, отражает единство и дифференциацию отрасли гражданского права, "цементирует" ее. С одной стороны, гражданская ответственность выступает исключительно в форме обязательств (правоохранительных), то есть принадлежит одноименной подотрасли гражданского права по форме реализации, а, с другой стороны, она есть одно из возможных последствий нарушения любого гражданского правоотношения, то есть выступает общим гражданско-правовым явлением и дифференцируется в зависимости от типов и видов регулятивных гражданских правоотношений, а также типов и видов гражданских правонарушений и санкций за них установленных.

#### Использованные материалы

1. Яичков К.К. Система обязательств из причинения вреда в Советском праве // Вопросы гражданского права: Сб. статей. — Б.м.: Изд-во Моск. ун-та, 1957.
2. Эрши Д. К вопросу о системе ответственности по гражданскому праву // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös Nominatae, Sectio Juridica.*— 1962.— Т.3.

3. Варкалло В. Ответственность по гражданскому праву. - М.: Прогресс, 1978.
4. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в Советском гражданском праве: Учеб. пособие. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
5. Попондопуло В.Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. - Владивосток: Изд-во Дальневосточн. ун-та, 1985.
6. Аскназий С.И. Некоторые вопросы гражданско-правовой ответственности // Учен. зап. / Ленингр. ун-т. - Л., 1953. - Вып. 4: Сер. юридических наук.
7. Алексеев С.С. Проблемы теории права. - М.: Юрид. лит., 1972. - Т. I.
8. Варул П.А. Методические проблемы исследования гражданско-правовой договорной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1985.
9. Суханов Е.А. Гражданское и хозяйственное право европейских социалистических стран-членов СЭВ. - М., 1984.
10. Муромцев С. Гражданское право Древнего Рима. - М., 1883.
11. Гусаков А.А. Деликты и договоры как источники обязательств в системе гражданского права Древнего Рима. - М., 1896.
12. Гойхбарг А.Г. Хозяйственное право РСФСР. - М.-П., 1923.
13. Гражданское право. - М., 1944. - Т. I.
14. Вопросы кодификации советского законодательства. - Свердловск, 1957.
15. Шамшов А.А. Некоторые вопросы построения системы обязательственного права в ГК РСФСР // Цивилистические проблемы правового статуса личности в социалистическом обществе. - Саратов, 1982.
16. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1963 г. № 16 "О судебной практике по искам о возмещении вреда" // Сб. постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1977. - М.: Юрид. лит., 1980.
17. Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. - М.: Юрид. лит. 1981.
18. Егоров Н.Д. Личные неимущественные права граждан и организаций как институт советского гражданского права // Правоведение. - 1984. - № 6.

## АНТИСУБСТРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И ЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В.А. Ойгензихт  
Душанбе

У подавляющего большинства как цивилистов, так и тех ученых, которые занимаются общетеоретическими проблемами права, не вызывает сомнения наличие людского субстрата юридического лица. Это признают и те, кто в последнее время выступил против субстративного подхода к этой категории /1, с. 107-108/. Пожалуй, наиболее остро отрицательное отношение к субстрату юридического лица было высказано О.А. Красавчиковым еще в 1976 году /2, с. 47-52/. Эту позицию ученый отстаивал и в последующем. Его антисубстративная конструкция опирается на отсутствие легального определения субстрата юридического лица. Кроме того, О.А. Красавчиков полагает (и не без оснований), что никакой предлог не может заменить сущность, поэтому утверждение о том, что "за" юридическим лицом стоит людской субстрат, ничего не раскрывает, тем более что субстрат фактически вытеснил данного субъекта и сам превратился в юридическое лицо /2, с. 48, 49/. Справедливо, что никаким другим лицам не принадлежат те же права, что и юридическому лицу; нельзя признать волю юридического лица тождественной воле отдельных лиц, а действия служебного характера последних - в качестве действий самого юридического лица. В этих случаях категория юридического лица становится излишней /1, с. 109, 110/.

Что же собой представляет юридическое лицо? Вызывает сомнение отождествление предприятия с трудовым коллективом. Еще большие сомнения вызывает перенесение понятия "предприятие" на понятие "юридическое лицо", ибо предприятие как социальное явление и его юридическое лицо - не одно и то же /1, с. 112, 113/. Занимая такую позицию, В.А. Рахмилович признает за юридическим лицом лишь определенную правовую форму, опосредствующую внешнюю деятельность госоргана. Б.И. Пугинский под юридическим лицом понимает правовое средство, выступающее в качестве признака социалистической организа-

ции, предоставляющего ей возможность самостоятельно участвовать в гражданском обороте /3, с. 161/. Он также отрицательно относится к людскому субстрату юридического лица, указывая на то, что лишение организации прав юридического лица не изменяет качеств трудового коллектива /3, с. 162/. Правда, никто и не утверждает, что человеческий субстрат, как его называют, присущ исключительно тем образованиям, которые обладают признаками юридического лица. В то же время из смысла, которое вкладывает в понятие юридического лица Б.И. Пугинский, следует, что указание в ст. II Основ гражданского законодательства только на организацию как юридическое лицо отнюдь не означает, что она должна пониматься иначе, чем предприятие или учреждение. Это очевидно из самого текста ст. II и из других статей Основ. Обладать имуществом, участвовать в обороте могут лишь предприятия и учреждения, которые перечисляются в ч. 2-ой этой статьи. Тем не менее О.А. Красавчиков при определении сущности юридического лица акцент делает на организацию как на систему связей. Сущность организации заключается не в самих людях, а в связях и отношениях этих людей, объединенных для достижения поставленной цели. Организация — это система социальных взаимосвязей /2, с. 52/. Несомненно, указание на связи является правильным. Но юридическое лицо это не только организация, виды его различны, хотя в любом виде существует система взаимосвязей, должным образом организованная как между соответствующими подразделениями, так и, в конечном счете, между работниками, определяющими деятельность этих функциональных подразделений. О.А. Красавчиков при раскрытии сути юридического лица придерживается теории "социальной реальности". Вообще игнорирование людского субстрата юридического лица не ново в теории права, с ним мы сталкиваемся и в ряде буржуазных теорий, и в трудах советских цивилистов /4, с. 55/. Обосновывалось понимание юридических лиц как "безличных субъектов" /5, с. 13/, объявлялась бесплодной попытка в постановке вопроса о людском субстрате, как, например, С.И. Вильянский /6, с. 116/. Теория социальной реальности была обоснована Д.М. Генкиным /7, с. 8, 17/. Но, признавая юридическое лицо социальной реальностью, необходимо все же раскрыть содержание этой реальности, ее суть. Недопустимо ограничиваться только констатацией такой реальности /8, с. 65/. Развитие этой теории привело, правда, не только к признанию значения работников госорганов, но одновременно и к отрицанию того,

что коллектив стоит "за юридическим лицом" и подменяет такое /9, с. 44-47/.

В науку задачу не входит анализ субстративных теорий юридического лица и подтверждение или опровержение правильности теории коллектива, бесспорность которой подвергается сомнению в некоторых работах. Цель данной статьи - дать теоретическое обоснование ответственности юридического лица. Раскрытие природы этой ответственности, на наш взгляд, выдвигает новые аргументы в пользу основных положений указанной теории, в подтверждение необоснованности антисубстративных конструкций юридического лица. Они сводятся, как видим, к тому, что юридическое лицо понимается не в качестве предприятий, учреждений и иных организаций, обладающих определенными признаками, а лишь в качестве самих признаков, самой особой правовой формы, самих по себе правовых средств или организационных связей. Но это, прежде всего, не соответствует закону, который в ст. II Основ, как уже отмечалось, называет в качестве юридических лиц именно предприятия, учреждения и иные организации. Придание им особых признаков является юридическим средством. Именно так следует понимать эту конструкцию. Юридическое лицо - это субъект гражданских правоотношений. Субъектом, участником не может быть ни признак, ни средство, ни связь. Гл. 2 ГК РСФСР озаглавлена: "Лица". Подразделяется она на две части: 1) "Граждане" и 2) "Юридические лица". Почему же надо различать госпредприятие (госорган) и его юридическое лицо /1, с. 113/? Какие для этого есть основания? Оказывается есть. Только предприятие, якобы, представляет собой коллектив трудящихся и (что совершенно правильно) оно имеет определенное имущество, а вот юридическое лицо - лишь одна из сторон предприятия, один из правовых институтов. Но так ли это? По всей видимости, предприятие можно рассматривать в разных аспектах, в том числе и только как социальное явление, оно может быть производственной единицей и не выступать в качестве участника гражданских правоотношений, а коллектив трудящихся может быть также у подразделений предприятия. В качестве субъекта гражданских правоотношений выступает предприятие (учреждение) в котором существует коллектив, но при этом предприятие обличено в форму особого социального образования, обладающего специальными признаками, предусмотренными ст. II Основ гражданского законодательства. В таком качестве это предприятие (учреждение) является лицом - субъектом, его конкретной раз-

новидностью — юридическим лицом. О форме, средствах, связях нужно говорить как об особых качествах этого вида. Но раз предприятие включает в себя коллектив, то и в предприятие — юридическое лицо тоже включается коллектив. Не случайно противник теории коллектива Б.Б. Черепяхин все же недвусмысленно сказал, что без людского субстрата не может быть юридического лица и его деятельности /9, с. 46/.

Как понимать деятельность юридического лица? Можно ли эту деятельность рассматривать вне деятельности человека? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. В марксистском социально-философском подходе к деятельности ни в коем случае не утверждается безличностный характер. В деятельности совокупного субъекта выступают две стороны: коллективная и индивидуальная /10, с. 80, 74/. Высшим уровнем поведения коллектива является деятельность, которая отличается единством или преобладанием по сравнению с деятельностью индивида. Но деятельность коллектива, реализуемая через составляющих его людей, не просто сумма деятельностей. В нее включаются различные уровни, в том числе и функциональных структурных подразделений, групп. При этом социальную значимость приобретают не действия отдельных членов коллектива, а, как правило, общий результат коллективных усилий /11, с. 13, 14/. Человек немислим вне социального окружения, вне групп. В качестве субъекта совместной деятельности должен рассматриваться коллектив, в котором преобразуются межличностные связи и отношения /12, с. 83, 85, 86/. Коллектив — это особая форма организации людей с многоуровневой структурой, включающая межличностные отношения непосредственной зависимости, опосредованные содержанием коллективной деятельности и его ценностями и собственно деятельностными связями и отношениями /13, с. 68, 69, 75/. Таким образом, существует коллективный субъект, осуществляющий деятельность. Но может быть он существует сам по себе, без всякой связи с юридическим лицом, и деятельность коллектива не определяет деятельность юридического лица — предприятия (учреждения)? Но зачем тогда нужен коллективный субъект? И к какой отрасли он относится? Конечно: правильно то, что деятельность, права и обязанности членов коллектива и трудового коллектива в целом регулируются другим законодательством. Этим законодательством деятельность самого юридического лица не регулируется. Но это не довод против того, что люди, коллектив определяют деятельность юридического лица, его поведение. Выступающий в

качестве субъекта гражданского правоотношения гражданин может заключить договор в интересах своей семьи, при выполнении трудовых обязанностей и т.п., но ни у кого не возникает сомнения в гражданско-правовом характере этого отношения. Так, например, бывает при вступлении в отношения перевозки, поручения и т.п. Деятельность гражданина — субъекта определяется трудовой деятельностью; но почему же тогда это отрицается в отношении коллектива, группы работников? По всей видимости, причина заключается в неправомерном отождествлении трудового коллектива с предприятием, с юридическим лицом при осуществлении таким лицом гражданско-правовых функций, гражданско-правовых отношений. Разграничение допустимо только в различных отношениях, а не вообще. Мы не делим человека на две части: как работника предприятия и как субъекта договора жилищного найма ведомственной квартиры с этим предприятием, но мы рассматриваем его как разного субъекта разных отношений, хотя одно отношение определяется другим. Мы не можем отделить от предприятия, обладающего признаками юридического лица, его коллектив, но в гражданском правоотношении субъектом не выступает коллектив, тогда как в трудовом правоотношении члены коллектива и даже сам коллектив выступают в качестве субъекта. Именно поэтому в последнее время совершенно правильно в периодической печати, в официальных документах стали указывать о возложении обязанностей по улучшению работы не на предприятие, а на трудовой коллектив, об ответственности последнего. Иной подход означал бы возможность возникновения правоотношений между одним и тем же субъектом, например, трудового правоотношения. При этом нет ничего неправомерного в признании юридического лица в определенном смысле коллективным субъектом /14, с. 91/, поскольку оно включает в себя трудовой коллектив. Не может быть опорожена принципиальная конструкция, выдвинутая в свое время А.В. Венедиктовым /15, с. 666, 667, 670/, согласно которой отношения между юридическими лицами — это отношения реальных человеческих коллективов, их участие в гражданском обороте опосредствуется признанием за госорганом прав юридического лица. Именно так нужно понимать участие коллектива в гражданском обороте — через юридическое лицо. Субъектом является юридическое лицо, но это участие определяется коллективом. А.В. Венедиктов указывал, что рабочие и служащие госпредприятия не имеют прав на имущество, не участвуют в осуществлении правомочий по распоряжению им. С этим, правда, не

все согласны /14, с. 108/. Конечно, право оперативного управления принадлежит юридическому лицу, но распоряжение является видом деятельности, которая определяется трудовым коллективом. О том, что коллектив предприятия и предприятие — разные категории, существуют высказывания в экономической литературе. Трудовой коллектив выступает как часть предприятия, сохраняя свою самостоятельность, предприятие не отождествляется с коллективом /16, с. 28, 29, 30/. Очевидно и то, что юридическое лицо — это правовая форма выражения определенных социальных связей людей, социально организованного коллектива, а не простой суммы отдельных личностей /8, с. 67/. Этот социально организованный коллектив, как было отмечено, не подменяет в деятельности юридическое лицо, а определяет его деятельность.

Вопрос о том, кто конкретно определяет, формирует и изъясняет волю юридического лица нами рассмотрен ранее. Мы обратили внимание на сложность процесса формирования воли юридического лица. Воля связана с человеком, ибо только человек, а не какой-то обезличенный феномен может осуществлять психическое регулирование, определять цель, производить сознательный выбор, решать. Люди осуществляют функциональную деятельность, они же функционально психически эту деятельность направляют /17, с. 151/. Мы не будем останавливаться на оценке мнения о совершении волевых действий лишь органом юридического лица, что якобы исключает признание любого работника носителем воли такого лица /18, с. 113/. Нельзя быть "носителем" воли. Воля юридического лица — это социально-психологическая категория, она представляет собой психическое регулирование поведения, но такое регулирование определяется волей трудового коллектива, волей членов этого коллектива, регулирующих при выполнении соответствующих функций свои действия, действия других работников и тем самым — действия юридического лица. Несомненно происходит регулятивная трансформация. Коллективная воля, определяющая деятельность юридического лица, подчинена единству цели, сотрудничеству, координации и руководству, при этом каждый член коллектива осуществляет конкретную деятельность, регулируя ее. Особое место в процессе этой регуляции отводится руководителям. Коллективная регуляция — сложная комплексная регуляция, но каждый член коллектива в формировании воли коллектива играет свою определенную роль. В коллективе существуют явные и не столь явные связи между группами и членами коллектива, без

них нет коллектива, его воли, его деятельности. Несомненно, важную роль в регуляции занимает орган юридического лица, но все же не всегда именно его регуляции необходимо придавать решающее значение. Регулирование деятельности юридического лица определяется функциональным регулированием деятельности отдельных работников и групп. Взаимосвязи в регуляционном процессе приводят и к определению воли органа. В пределах своих функций орган участвует в определении воли юридического лица. Не обязательно, чтобы регуляционный процесс осуществлялся в одном направлении всеми членами коллектива. Воля юридического лица определяется доминирующей функциональной волей. Таким образом, воля предприятия, воля юридического лица не всегда определяется волей всех, волей всего коллектива. Не может быть, естественно, и тождества воли /17, с. 153-161/. Подобное понимание определяющей функции воли юридического лица в смысле регуляции его деятельности иногда вызывает упрек в умалении роли единоначалия и в категоричности выводов о роли коллектива, что якобы не отвечает правовым установлениям по организации производственной и хозяйственной деятельности предприятий /19, с. 141/. Но поведение юридического лица многоаспектно, и в ряде случаев оно не связано с какой-либо организацией (например, причинение вреда). Да и в осуществлении производственно-хозяйственной деятельности велика роль трудового коллектива, определенная, как известно, специальным Законом, в состав трудового коллектива входит и администрация. Несомненно, функции органа, определяющие поведение юридического лица, занимают ведущее место, тем более что орган организует и контролирует деятельность других членов коллектива, а поэтому не может быть отстранен от регулирования поведения конкретных работников, выполняющих свои функции, свою роль. В этом смысле замечание справедливо. И все же сегодня обязанности возлагаются на трудовой коллектив, роль которого значительно возросла, хотя и не должна подменять функций органа и руководителя. Любое поведение, любое действие юридического лица определяется поведением, действием, волевым регулированием коллектива, органа, отдельных рабочих и служащих, осуществляющих трудовую деятельность и выступающих только в качестве субъекта трудовых отношений. Когда же действия юридического лица носят противоправный характер, возникает вопрос об ответственности, а противоправность выступает одним из условий ответст-

венности юридического лица. Но и противоправное поведение юридического лица определяется противоправными действиями, нередко бездействием при осуществлении трудовых функций и субъектов трудового правоотношения — отдельных работников, бригад, групп и не обеспечивающей правомерное поведение работников администрации. Неправомерность, как правило, может быть вызвана поведением отдельных лиц, и при всем расширении прав трудового коллектива нельзя все же говорить о противоправном поведении всего коллектива, хотя о неправомерном действии предприятия как такового — как субъекта гражданского правоотношения, утверждать следует. Так, например, отгрузка недоброкачественной продукции вызвана поведением отдельных лиц, но это противоправное поведение, обуславливающее ответственность этих лиц на основании норм трудового законодательства перед предприятием, определяет нарушение предприятием хозяйственного договора, его гражданско-правовой обязанности, т.е. наличие одного из условий ответственности — противоправности со стороны юридического лица. Это же в полной мере применимо и к другим объективным условиям ответственности — причинной связи, причинению вреда. Отрицательные последствия могут быть вызваны действиями конкретных рабочих и служащих (например, неправильный монтаж оборудования), убыток может причинить даже одно лицо, хотя конечно правильно утверждение о том, что нередко нарушения совершаются на виду у многих, к ним привыкают, с ними мирятся /20, с. 42, 43/. Совершенно справедливо поэтому в правовой литературе считают иногда вполне достаточным для применения ответственности к юридическому лицу установление объективных условий: неприменение усилий, неиспользование возможностей для пресечения и устранения причин нарушения и т.п. Предлагается даже установить перечень обстоятельств, при доказанности которых должно следовать освобождение от ответственности ввиду невозможности их преодоления /21, с. 35-38/. Такой вывод нередко правильно объясняется невозможностью и нецелесообразностью установления вины юридического лица в психологическом плане (это даже приводит к отказу от принципа виновной ответственности при нарушении хозяйственных договоров). Действительно, признание вины предприятия психическим отношением работников данного предприятия к совершаемым ими противоправным поступкам и их вредным последствиям или даже такого отношения со стороны администрации, а иными словами — признание вины отдельного работника виной всего пред-

приятия, в том числе и обладающего признаками юридического лица, теоретически не обосновано. Такое тождество недопустимо. Если поступок отдельных лиц, волевое регулирование поступка, приведшее объективно к нарушению, определяет поведение юридического лица, то психическое отношение — сознание, предвидение, стремление, цели и т.п. интеллектуальные и волевые компоненты вины отдельных лиц и администрации — не могут быть отождествлены с психическим отношением предприятия — юридического лица в целом. Действительно, поведение отдельных лиц приводит к объективному результату и это уже может не зависеть от коллектива, от предприятия, но умысел или неосторожность одних не может означать умысла или неосторожности всего коллектива, т.е. трансформироваться в вину юридического лица. Отсюда и тезис — коллектив не может быть виновным, хотя нельзя исключить в отдельных случаях и вину всего коллектива или хотя бы доминирующую вину. В связи с этим невозможно, на наш взгляд, согласиться с выводом Н.С. Малеина из обосновываемой им принципиально правильной посылки: из действий рабочих и служащих возникает деятельность юридического лица, поэтому виновное поведение работника образует вину хозоргана; вину юридического лица следует рассматривать как совокупность неправомερных действий звеньев предприятия, отдельных исполнителей, хотя и качественно отличную от своих слагаемых /22, с. 59, 66/. В то же время автор решительно возражает (и это правильно) против признания тождества между виной предприятия и виной всех его работников. Но дело в том, что вина все же не виновная деятельность. Вот поэтому о вине юридического лица как условии его ответственности следует говорить далеко не всегда. В то же время несомненно то, что вина работников в трудовом правоотношении должна устанавливаться. Правильно утверждение о том, что первоосновой является трудовое правонарушение /16, с. 237/. Тогда, по всей видимости, можно сделать вывод о "чужой вине"? Такого рода точка зрения имела место, но справедливо не встретила поддержки, так как трудовой коллектив, администрация, рабочие и служащие — не чужие, не третьи лица; нет отождествления коллектива и предприятия, но нет и разделения их, существует их единство /23, с. 196/. Конечно, законодатель не делает исключения по вопросу условий применения ответственности в отношении юридических лиц, но он не делает исключений и в отношении понимания этих условий. Принцип виновной ответственности предприятий и учреждений,

признанных юридическими лицами, остается неизменным, но должна быть установлена во всяком случае вина работника в трудовом правонарушении. Она не всегда трансформируется в вину гражданского правонарушения, но должна являться субъективным условием применения ответственности к юридическому лицу, а впоследствии — и к виновному работнику. Взаимодействие отраслей права здесь очевидно, как очевидна необоснованность антисубстративных конструкций (и кстати, тех субстративных, которые отождествляют субстрат с предприятием) юридического лица. Если доказано отсутствие вины работников, их невиновность в исполнении трудовых обязанностей, применение ответственности к юридическому лицу исключается. Но это означает, что юридические органы, рассматривающие спор, должны принимать меры к установлению вины конкретных работников, должностных лиц, по возможности четко определять их виновное противоправное поведение, причину, приведшую к нарушению и к отрицательным последствиям, а в необходимых случаях форму и степень их вины (например, для вывода о грубом нарушении обязательства предприятием). Это принципиальный вывод. Мы не защищаем идею хозяйственного суда, необходимость решения в арбитражном процессе вопроса о конкретных лицах, о применении к ним ответственности, но применение ответственности к юридическим лицам должно быть обоснованно, условия ответственности определены. Только в этом случае можно будет придать арбитражным решениям преюдиционную силу, обеспечить доведение ответственности до конкретных виновников, повысить ее эффективность. В то же время, как указано выше, существуют ситуации, в которых может быть установлена вина коллектива, принявшего, например, коллегиальное решение /24, с. 78/. Такая вина определяет вину юридического лица. При всей широте прав коллектива о его вине можно говорить в исключительных случаях, но все же утверждение "коллектив всегда прав, а виновными могут быть лишь конкретные лица" не соответствует истине, тем более когда речь идет о коллективе структурного подразделения, например, бригады. Именно поэтому обоснованно применение экономических санкций, сокращение премиального фонда и т.п., тем более что в настоящее время справедливо поставлен вопрос о коллективных субъектах в трудовых правоотношениях. В то же время о вине больших социальных групп, больших коллективов следует говорить с несомненной осторожностью /18, с. 164/, когда такая вина с неопровержимостью установлена.

Защищаемая нами конструкция виновной ответственности

юридического лица основывается на законе: согласно ч. 3 ст. 88 Основ гражданского законодательства организация обязана возместить вред, причиненный по вине ее работников при исполнении ими своих трудовых обязанностей. Такой же вывод должен следовать и для применения договорной ответственности. Совершенно очевидно, что указанная выше норма имеет в виду осуществление трудовой деятельности, трудовое правоотношение и вину, установленную при нарушении трудовых обязанностей. Эта вина выступает условием ответственности юридического лица. В указанной правовой норме говорится об ответственности организации при вине работника, а не о вине организации. Для расширительного толкования нормы нет, как видим, и теоретических оснований.

В свое время мы указали, что условием ответственности юридического лица является, помимо вины рабочих и служащих, воля как регулятор поведения, определяемая волевым регулированием ненадлежащим образом выполняющих свои служебные функции работников. Мы указали и на существование риска гаранта как условия ответственности /17, с. 168, 169/. Конечно, применение этого термина условно. При наличии вины только отдельных работников такой риск выражается в допущении возложения отрицательных последствий на предприятие (учреждение), осуществляющего регуляцию своего поведения в ситуации, не исключающей такие отрицательные последствия и невозможность их возмещения с виновных лиц (например, в силу наличия ограниченной материальной ответственности, а также в силу того, что при применении гражданско-правовой ответственности к юридическому лицу вина работника презюмируется, а при применении ответственности к этому работнику по нормам трудового законодательства его вина должна быть установлена). В примерно аналогичной ситуации учеными, придерживающимися субъективной концепции риска и признающими ее перспективность и плодотворность, обосновывается производственно-хозрасчетный риск предприятия /25, с. 75/. С таким пониманием риска можно было бы согласиться. И все же нельзя не заметить, что в рассматриваемой нами ответственности речь идет не о безвиновной ответственности, а о виновной, хотя и не самого юридического лица, о неизвестности получения компенсации за произведенные выплаты. Это же относится к презюмированной вине в "цепочке" исполнителей хозяйственных договоров (вина работников другого юридического лица). Субъективным условием применения ответственности в подобных слу-

чаях также признается именно так понимаемый риск /26, с.185-188; 27, с. 222-224/.

Все изложенное не позволяет согласиться с тем, что обращение к трудовому коллективу при рассмотрении деятельности и ответственности юридического лица лишено какой-либо ценности /1, с. 117, 118/. Противопоставить этому ничего не удалось, вряд ли что-либо изменит и вариант орган юридического лица - представительство. Юридическое лицо - субъект только гражданских правоотношений, и хотя многие ученые в качестве носителя прав и обязанностей признают "людской субстрат", они не могут обосновать признание юридического лица в качестве субъекта трудовых правоотношений /28, с. 57/. В то же время правильное применение Закона о трудовых коллективах, предоставление коллективу широких правомочий при решении важнейших вопросов деятельности предприятий, отчетность перед коллективом, утверждение коллектива как хозяина предприятия, понятие роли коллектива в производственной жизни /29, с. 163/ не допускают построения конструкций юридического лица, игнорирующих трудовой коллектив, его неразрывную связь с предприятием (учреждением), обладающим правами юридического лица, выступающего в гражданском обороте в качестве юридического лица. Человек - участник всех стадий общественного производства, участник общественных отношений. Значение человеческого фактора сегодня очень важно и для права, для теоретических обоснований многих правовых положений.

#### Использованные материалы

1. Рахмилович В.А. О так называемом субстрате юридического лица: (К вопросу о путях изучения юридического лица) // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды ВНИИСЗ. - М., 1984. - № 29.
2. Красавчиков О.А. Сущность юридического лица // Сов. гос-во и право. - 1976. - № 1.
3. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. - М.: Юрид. лит., 1984.
4. Ландкоф О.Н. Субъекты права (лица). - М., 1928.
5. Вольфсон Ф.И. Гражданское право. - М.: Юрид. изд-во НИУ, 1929.

6. Вильнянский С.И. Лекции по советскому гражданскому праву. - Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1958.
7. Генкин Д.М. Значение применения института юридической личности во внутреннем и внешнем товарообороте СССР // Сб. науч. тр. / МИНХ им. Г.В. Плеханова. - М., 1955. - Вып. 9.
8. Субъекты гражданского права. - М.: Юрид. лит., 1984.
9. Черепяхин Б.Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Правоведение. - 1958. - № 2.
10. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. - М.: Наука, 1980.
11. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: Норма и патология. - М.: Наука, 1982.
12. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. - М.: Политиздат, 1982.
13. Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. - М.: Просвещение, 1978.
14. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. - М.: Юрид. лит., 1950.
15. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
16. Якушев В.С. Юридическая личность государственного производственного предприятия. - Свердловск, 1973.
17. Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление: (Очерки теории, философии и психологии права). - Душанбе: Дониш, 1983.
18. Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушения обязательств. - М.: Юрид. лит., 1974.
19. Басин Ю.Г. Рецензия на монографию "Воля и волеизъявление" // Сов. гос-во и право. - 1985. - № 8.
20. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. - М.: Юрид. лит., 1970.
21. Корнеев С.М. О повышении эффективности правового регулирования гражданско-правовой ответственности за виновное нарушение договорных обязательств между социалистическими организациями // Правовое обеспечение договорной и трудовой дисциплины. - Вильнюс, 1984.
22. Малеин Н.С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. - М.: Наука, 1968.
23. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. - М.: Юрид. лит., 1974.

24. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. - Саратов, 1973.
25. Басин Ю.Г. Гражданско-правовая ответственность в хозяйственных отношениях // Изв. АН КазССР. - 1984. - № 7.
26. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: (Очерк теории). - М.: Юрид. лит., 1976.
27. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. - Душанбе: Ирфон, 1972.
28. Проблемы правового регулирования труда в развитом социалистическом обществе. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.
29. Корельский В.М. Все начинается с дисциплины. - М.: Мысль, 1985.

## СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРИМЕНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

С.Е. Донцов  
Москва

Усиление социальной ориентации экономики, последовательный поворот к более полному удовлетворению возрастающих потребностей советского народа продиктованы действием в нашей стране общих объективных закономерностей реального социализма. Эти явления несовместимы с существованием любых отклонений от социалистических принципов распределения, антиобщественных форм перераспределения доходов и благ. Поэтому, подчеркивается в новой редакции Программы КПСС, придается принципиальное значение борьбе с такими антиобщественными явлениями и, в частности, решительному искоренению нетрудовых доходов. Это в свою очередь позволит достичь наиболее полного осуществления во всех основных сферах общественных отношений принципа социальной справедливости и таким образом решить одну из основных программных задач КПСС в области социальной политики /1, с. 32, 37/.

В процессе решения этой глобальной задачи социальная справедливость выступает как принцип и может выступать в роли оценочного понятия. Выступление в роли принципа говорит о том, что социальная справедливость должна быть одним из основных социальных начал, основополагающих правил построения всей системы общественных отношений между государством в целом, отдельными социалистическими организациями и гражданами.

Очевидно, чтобы определять общие границы поведения субъектов, имеющего правовое значение, социальный принцип должен являться также и правовым, т.е. должен быть закреплен в общем (Конституция СССР или союзной республики) или специальном отраслевом законе. "Социальная справедливость, - говорится в Политическом докладе XXVII съезду КПСС тов. Горбачева М.С., - пронизывает все стороны социалистических общественных отношений" /2, с. 55/.

Социальная справедливость как социальный принцип нашла

свое отражение в новой редакции Программы КПСС — документе социально-политическом. В ст. 6 Конституции СССР Коммунистическая партия Советского Союза провозглашена руководящей и направляющей силой советского общества. Исходя из этого, принято считать постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по руководящим вопросам источником советского права /3, с. II/<sup>1</sup>. Очевидно, такой же вывод будет в целом обоснованным и в отношении программных установок КПСС во всех областях развития советского общества и, в частности, в области социальной политики (куда относится и право). Однако, как правильно отмечалось, "не могут служить критерием для юридической квалификации поведения и правонарушения в особенности такие правовые и неправовые категории, которые не имеют четкого закрепления в норме права" /5, с. 47/.

Социальная справедливость, чтобы стать из общего социально-правового принципа принципом конкретной отрасли права, и в частности, права гражданского, нуждается в наполнении его конкретным имущественным и личным неимущественным содержанием с закреплением в статьях Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и, вероятно, ГК союзных республик. В настоящее время социальная справедливость отражена косвенно в ряде отдельных норм ГК РСФСР (ст.ст. 5, 105, 111 и др.). При этом задача состоит не в приспособлении названных категорий (правовых и неправовых) для решения конкретных дел, а в наиболее полном развитии законодательства, его совершенствовании в соответствии с общими принципами советского права.

Кроме того, чтобы стать оценочным правовым понятием и быть мерилom конкретного правового поведения субъектов в определенных гражданских правоотношениях, социальная справедливость должна иметь конкретное содержание применительно к соответствующему отдельному институту гражданского права. То есть не нужно (всегда или даже вообще) выработать отдельно институциональное понятие социальной справедливости, но общетрасловое оценочное понятие социальной справедливости должно отражать и основные условия отдельных правовых институтов.

Известно, что справедливость — "категория морально-правового и социально-политического сознания, понятие о долж-

---

<sup>1</sup> Некоторые юристы подчеркивают исключительно управленческую направленность директивных указаний руководящего партийного органа /4, с. 79/.

ном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и вознаграждением, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т.п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость" /6, с. 1255/<sup>I</sup>. В работах социологов и юристов социальная справедливость часто отождествляется с распределением по труду. В периодической печати ее называют и "нормой жизни", и принципом, применяя справедливость к случаям плохого снабжения водой, репетиторству, извлечению доходов из подсобного хозяйства, "шабашничеству" и т.п. Разностороннее понятие справедливости не может быть использовано как правовой принцип и тем более как отраслевое оценочное понятие. Классики марксизма-ленинизма обращали внимание на то, что справедливость и право хотя и однопорядковые, но отнюдь не тождественные понятия /7, с. 636; 8, с. 93/.

Справедливость предполагает соизмеримость, поэтому в идеале "... равенство есть выражение справедливости, принцип совершенного политического и социального строя" /7, с. 636/.

Социализм, уничтожив коренное и принципиальное неравенство людей в обществе, происходившее от неравного отношения к средствам производства и присвоению результатов труда и, провозгласив равенство людей во всех экономических, политических, социальных и культурных вопросах (в частности, ст.34 Конституции СССР), в то же время пока не может дать полного равенства и, следовательно, справедливости /8, с. 6-8; 9, с. 19/. Поэтому в новой редакции Программы КПСС в период реального социализма ставится задача "... смягчить объективно неизбежные при социализме различия в материальном положении отдельных граждан, семей, социальных групп, выравнивать социально-экономические и культурные условия для воспитания детей, способствовать ликвидации малообеспеченности отдельных групп населения" /1, с. 39/.

Следует согласиться с утверждением, что "существует принципиальное единство советского права, социалистической морали и справедливости, т.к. в целом право пронизано идеями социалистической социальной справедливости и морали" /5,

<sup>I</sup> Аналогичное понятие содержат философские словари и работы юристов, философов и социологов /7, с. 47; 8, с. 38; 46, 48/.

с. 67; 10, с. 73/.<sup>1</sup>

К гражданскому праву относятся безусловно все те же общие признаки социальной справедливости, как и к праву в целом: установление социалистического социально-нравственного масштаба поведения субъектов (ст.ст. 5 ГК РСФСР, 6 ГК Эст. ССР, 105 ГК РСФСР, 106 ГК РСФСР и т.п.). соизмерение общественной опасности проступка и ответственности за него (ст.ст. 47-58 ГК РСФСР, III ГК РСФСР, 473 ГК и др.). Однако для гражданского права, предметом регулирования которого являются имущественные отношения (и некоторые личные неимущественные отношения) "в целях создания материально-технической базы коммунизма и все более полного удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан" (ст. I ГК РСФСР, ст. I ГК Эст. ССР), принципиальное значение имеют те условия социальной справедливости, которые гарантируют производство и распределение материальных благ для всех граждан СССР в соответствии с принципами реального социализма и прежде всего принципом "от каждого по способностям - каждому по труду". Думается, это действительно так, поскольку имущественные отношения - это юридическое (волевое) выражение основных производственных отношений, в частности, по поводу присвоения, распределения, обмена и потребления средств производства и результатов труда<sup>2</sup>.

Из этого следует сделать вывод, что принцип социальной справедливости применительно к гражданскому праву складывается на основе справедливого распределения материальных благ. Однако само распределение в марксистско-ленинском понимании неотделимо от производства. Неверно было бы изображать дело так "... будто социализм решается преимущественно вокруг способов распределения" /9, с. 20/, "думать, что нужно распределить только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, "средство для повышения производства" /12, с. 359/. В Программе КПСС распределение неразрывно связано с производством и решается, как задача, на основе производства.

Таким образом, принцип (отраслевой) социальной справедливости в гражданском праве - это категория права, включенная

<sup>1</sup> Это утверждение относится к отраслям права в целом, т.к. отдельные нормы могут быть несовершенны с точки зрения справедливости и морали.

<sup>2</sup> См. по этому поводу справедливые суждения у В.П. Грибанова /11, с. 4-9/.

щая в себя общие начала, правила, закрепляющие равное положение субъектов (государства, юридических лиц, граждан) как участников урегулированных гражданским правом товарно-денежных отношений, складывающихся в процессе производства и потребления, соизмерения меры труда и меры потребления при распределении материальных благ в соответствии с социально-экономическими принципами реального социализма. При этом равенство предопределено самой сущностью товарно-денежных отношений, исключающих неравенство участников в момент вступления в эти отношения.

Отступления от последовательного соблюдения объективных правил осуществления товарно-денежных отношений при социализме в главном (неполное осуществление принципа хозяйственного расчета в производстве) и последующих (производных) общественных отношениях ведут в конечном итоге к социально-правовым аномалиям - антиобщественным формам перераспределения доходов, чуждым социализму формам присвоения благ, т.е. к отступлению от принципа социальной справедливости /13, с. 22-23/. Появляются объективные неантагонистические противоречия (например, главное - между способом производства и удовлетворения потребностей) /14, с. 150-151/.

Нормы гражданского права, в той или иной мере отражая отраслевое содержание принципа социальной справедливости, содержат ряд конкретных правил, реализуют этот принцип в гражданских правоотношениях.

Так, равенство участников гражданско-правовых форм товарно-денежных отношений недостижимо без обладания ими обособленным имуществом (ст.ст. 23, 24, 92-104, 105 ГК РСФСР), без наделения их одинаковой правосубъективностью (специальной для юридических лиц и общей для граждан - ст. ст. 9-15, 23-36 ГК РСФСР).

Последовательное применение метода хозяйственного расчета в управлении хозяйственным механизмом непременно приводит к необходимости практически возложить управленческие органы в сферу имущественной ответственности, в частности, при совершении ими таких действий (бездействий), которые повлекли убытки /15; 16; 17/.

Сейчас можно лишь констатировать отсутствие справедливости в многочисленных случаях, когда за ошибки управления (планирования) отвечают отдельные предприятия (и их руководители) /18, с. 35/, и также несправедливо не возмещать, например, заказчику (плановую прибыль) неполученные по вине

генподрядчика по договору подряда на капитальное строительство. Но это проблемы, безусловно, глобального характера и нуждаются в отдельном анализе в связи с осуществлением общественного и товарного производства.

Мы ограничимся небольшой сферой, связанной с реализацией отраслевого принципа социальной справедливости при участии граждан в некоторых товарно-денежных отношениях, обличенных в гражданско-правовые формы.

Бесспорен тот факт, что и предмет, метод и система гражданского права связаны с использованием товарно-денежных отношений /19, с. 9-36; 20, с. 3-21/. Степень этой связи различна, а в некоторых гражданско-правовых формах связь вообще отсутствует. Так, исследовав эту связь, некоторые ученые пришли к выводу, что поскольку товарно-денежные отношения строятся исключительно на эквивалентно-возмездных началах, то не являются производными от товарно-денежных отношений правила договоров: дарения, безвозмездного пользования имуществом, безвозмездного хранения, безвозмездного поручения /20, с. 24<sup>1</sup>. Однако, что касается имущественной ответственности за нарушение этих и остальных гражданских договоров, то, как правило, имущественную ответственность считают естественным юридическим последствием виновного нарушения нормального развития обязательств, опосредующих товарно-денежные отношения.

Нет смысла обсуждать различные стороны в понимании юристами гражданско-правовой ответственности, поскольку это уже не раз делалось /5, с. 130-135/, и по ряду аспектов полемика выглядит даже схоластикой (например, о позитивной ответственности). Практически важны такие признаки, как: принуждение к исполнению обязанности, а главное - наступление отрицательных имущественных последствий для правонарушителя за его виновное поведение. Практический смысл в таком понимании ответственности заключен, кроме всего прочего, в том, что оно позволяет отграничить меры ответственности от иных имущественных последствий (в частности, мер защиты) и, коль скоро, это разноаспектные последствия - допускать их одно-

<sup>1</sup> Есть весьма спорное мнение, что отступление от эквивалентности делает гражданские отношения по сути административными /21, с. 63/.

<sup>2</sup> Имущественные последствия без вины - это последствия за событие, а не за противоправный поступок (ст. 454 ГК). Здесь нет общественного осуждения, нет и ответственности (основанием служит, в частности, риск).

временное применение к правонарушителю /5, с. 150-152; 22, с. 84/. Думается, продолжая эту идею, можно сказать, что за поведение, не являющееся правонарушением, должны в принципе применяться не столько меры ответственности, сколько иные правовые меры. Оправдана ли такая постановка вопроса судностью экономических и, в частности, товарно-денежных отношений, нормальное развитие которых нарушается любым антиобщественным проступком при реализации имущественных прав?

Как уже говорилось выше, имущественная ответственность в гражданском праве внешне естественно и логично вытекает из существа имущественных правоотношений (в ГК раздел об ответственности следует непосредственно за исполнением обязательств). Эта логика так привычна для юристов, что при анализе степени выражения в тех или иных гражданско-правовых формах товарно-денежных отношений, например, В.Г. Вердников и А.Д. Кабалкин даже не рассматривают ответственность в одном ряду с этими формами, но в дальнейшем обращаются к ней как к само собою разумеющемуся явлению /20, с. 24-30, 98/. Если принять за основу один из важнейших признаков товарно-денежных отношений - их эквивалентно-возмездное начало, то за пределами товарно-денежных отношений оказываются: все безвозмездные обязательства, наследственное преемство и т.п. Экономисты также выделяют такого рода отношения из числа товарно-денежных. Имущественная ответственность направлена в основном на восстановление (компенсацию) имущества (в смысле ст. 37 ГК) участников товарно-денежных отношений, т.е. по характеру она и эквивалентна<sup>I</sup>, и возмездна, и можно считать ее одной из непосредственных (естественных) форм реагирования на развитие товарно-денежных отношений. При этом с экономической (стоимостной) точки зрения здесь нет никакой аномалии (как предполагалось) /29, с. 30/. Поэтому имущественная ответственность - закономерное последствие для правонарушителя - должника или причинителя вреда, чье поведение нарушило юридически нормальный (надлежащий) ход развития товарно-денежного имущественного правоотношения. Напротив, нарушение иных не товарно-денежных гражданско-правовых форм реализации этих экономических отношений должно влечь за собой не имущественную ответственность, а, например, принуди-

<sup>I</sup> Кроме случаев установления в специальных законах повышенной по объему ответственности /21, с. 61-66; 23, с. 13-14/. Экономическая природа повышенной ответственности нуждается в изучении.

тельное исполнение обязанности (ст.ст. 217, 218 ГК РСФСР), или же вообще должны применяться меры иных отраслей права, либо неправовые меры. Это в достаточной мере поверхностное суждение нуждается в более предметной разработке, в частности при выработке способов борьбы с антиобщественными формами распределения материальных благ для достижения целей социальной справедливости. Так, в целях борьбы с несправедливым распределением сумм авторского гонорара после смерти автора в качестве меры применено повышенное налогообложение /24/ - по сути имущественная, но не гражданско-правовая мера.

Поставленная проблема связана и с соблюдением общего принципа социальной справедливости. Правильно отмечается, что "... возложение ответственности за нарушение правовой нормы, как масштаба нравственного справедливого поведения, справедливо, поскольку само правонарушение есть несправедливость, ее отрицание правонарушителем; ответственность, справедливое наказание (в меру содеянного) являются реакцией общества, государства на нарушение справедливости" /5, с. 67/.

В гражданском праве есть тенденция среди всех иных гражданских правонарушений выделять случаи т.н. "злоупотребления правами". Злоупотребление правом, по мнению ряда пристов, имеет особое содержание и самостоятельный характер правовых последствий (например, отказ в защите права) /25, с. 7; 26, с. 81/. Учитывая достаточную известность спора сторонников вышеуказанного взгляда и его противников /5, с. 38-42/, не будем рассматривать их доводов. Скажем лишь, что по нашему мнению судебная практика подтверждает (может быть лишь пока) /27, с. 3/ тот вывод, что злоупотребление правом по сути и последствиям является обычной разновидностью правонарушения и, следовательно, если оно лежит в сфере товарно-денежных отношений, то его последствием может быть имущественная ответственность (например, ст. 141 ГК РСФСР). В тех же случаях, когда злоупотребление правом связано с правовой формой, выражающей не товарно-денежное, а иное экономическое отношение, то применяется реституция. Например, при заключении притворного договора дарения, когда нарушается один из признаков дарения - безвозмездность /28, с. 11/.

Подводя некоторые итоги сказанному, можно утверждать, что, во-первых, корень практически всех антиобщественных форм перераспределения доходов (злоупотреблений правами,

извлечений нетрудовых доходов) лежит в области экономики, а именно заключается в основном противоречии социалистического способа производства — между способом производства и удовлетворением потребностей. "Жизнь нас научила, — говорил М.С. Горбачев, — что отступления от социалистических принципов распределения и хозяйствования могут породить и порождают такие серьезные явления, как трудовая и социальная пассивность, тунеядство, моральный нигилизм, скрытые формы перераспределения доходов и благ" /29, с. 32/. Поэтому совершенствование отношений производства и распределения должно в соответствии с линией КПСС выдвигаться на первое место в системе мер борьбы с антиобщественными формами распределения, как это и намечено в Программе КПСС. Во-вторых, будучи ведущей правовой формой, отражающей большую массу товарно-денежных отношений при социализме, советское гражданское право должно вслед за экономическими преобразованиями привести в соответствие свои правовые формы, и, в частности меры борьбы с антиобщественными способами перераспределения доходов. Эти правовые меры не должны опережать экономику или противоречить ей, они должны быть результатом "... долговременной, глубоко продуманной ... социальной политики" /2, с. 57/. Причем, поскольку методу гражданского права более свойственно наделение правами, дозволение поведения, нежели запреты, то среди этих мер ведущее место должны занять регулятивные (они же по функции охранительные) меры.

В системе гражданско-правовых последствий за нарушение социалистических принципов распределения главное место должно отводиться имущественной ответственности, как наиболее естественной форме реагирования на нарушение нормального развития товарно-денежных отношений, опосредуемых гражданским правом.

#### Использованные материалы

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция: Принята XXVII съездом КПСС. — М.: Политиздат, 1986.
2. Горбачев М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду КПСС, 25 февраля 1986 г. — М.: Политиздат, 1986.

3. Марченко М.Н. Социально-политическая система развитого социализма: элементарно-структурная характеристика // Вестник Моск. ун-та. - 1985. - № 2.
4. Дрейшев Б.В. Правотворчество органов государственного управления и процесс преобразования // Вестник Ленингр. ун-та. - 1985. - № 13.
5. Малеин Н.С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. - М.: Юрид. лит., 1985.
6. Советский энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1983.
7. Давидович В. Слабеющие социальной справедливости // Коммунист. - 1983. - № 5.
8. Экимов А.П. Справедливость и социалистическое право. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.
9. Энгельс Ф. Материалы к "Анти-Дюрингу" // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 20.
10. Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. - Т. 33.
11. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 19.
12. Алексеев С.С. Проблемы теории права. - М.: Юрид. лит., 1972. - Т. 2.
13. Грибанов В.П. Методологические проблемы Советского гражданского права // Вестник Моск. ун-та. - 1986. - № 1.
14. Ленин В.И. Речь на III Всероссийском продовольственном совещании 16 июня 1921 г. // Полн. собр. соч. - Т. 43.
15. Горбачев М.С. Коренной вопрос экономической политики партии: Доклад на совещ. в ЦК КПСС 11 июня 1985 г. - М.: Политиздат, 1985.
16. Роль противоречий в развитии общества // Вопросы философии. - 1985. - № 6.
17. Абалкин Д. Хозяйственный механизм и экономическая политика партии // Вопросы экономики. - 1980 - № 1.
18. Дашев В.В. Экономика и право: Теория и практика правового регулирования хозяйственных отношений. - М.: Экономика, 1981.
19. Ран О. Экономическая ответственность и ее применение в хозяйственном механизме. - Таллин: Ээсти раамат, 1985.
20. Малеин Н.С. Нравственно-правовой аспект отношений в сфере экономики // Сов. гос-во и право. - 1985. - № 10.

21. Братусь С.Н. Предмет и система Советского гражданского права. - М.: Госприздат, 1963.
22. Вердников В.Г., Кабалкин А.Ю. Гражданско-правовые формы товарно-денежных отношений. - М.: Юрид. лит., 1970.
23. Медведев М.Ф., Рыженков А.Я. Правовая природа повышенной имущественной ответственности / Правоведение. - 1985. - № 2.
24. Донцов С.Е. Гражданско-правовые внедоговорные способы защиты социалистической собственности. - М.: Юрид. лит., 1980.
25. Донцов С.Е. Объем возмещения вреда имуществу социалистических организаций // Сов. юстиция. - 1974. - № 8.
26. О внесении изменений в Указ ПВС СССР "О подоходном налоге с населения": Указ ПВС СССР от 6 августа 1985 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1985. - № 33. - Ст. 599.
27. Рясенцев В.А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданских прав // Сов. юстиция. - 1962. - № 9.
28. Братусь С.Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. - 1967. - № 3.
29. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. - 1985. - II.
30. Бюллетень Верховного Суда РСФСР. - 1985. - № 5.
31. Горбачев М.С. Живое творчество народа: Доклад на Всесоюзной научно-практической конференции "Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС" 10 декабря 1984 г. - М.: Политиздат, 1984.

## О РОЛИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ ПО ОБСЛУЖИВАНИИ

Э.Л. Плоом

Тарту

Программа роста благосостояния советского народа, выдвинутая уже XXVI съездом КПСС, охватывала вопросы улучшения всех сторон жизни наших людей, в том числе и быта. Постановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР от 24 марта 1983 года /1/ были установлены главные направления в развитии бытового обслуживания: расширение услуг по восстановлению потребительских свойств находящихся у населения изделий и изготовление изделий по заказам населения. Осуществление поставленных задач дало несомненно определенные положительные результаты.

Качественно новыми являются направления развития бытового обслуживания, установленные на XXVII съезде КПСС. В Программе КПСС намечается осуществление крупных мер по созданию современной высококачественной сферы обслуживания. Увеличение объема, расширение ассортимента и повышение качества услуг позволит полнее удовлетворить растущие потребности населения в разнообразных формах услуг /2/. Для осуществления указанных программных направлений уточнены и конкретизированы основные задачи — коренным образом улучшить качество услуг и культуру обслуживания населения, расширить сеть, совершенствовать организацию работы предприятий и учреждений сферы услуг /3, с. 53/.

Для создания современной высокоразвитой сферы обслуживания, для коренного улучшения качества работ, расширения сети и ассортимента оказываемых услуг необходимо мобилизовать все экономические, технические, организационные, юридические и другие способы, обеспечивающие усовершенствование всех сторон обслуживания комплексно. В деле повышения качества выполнения и соблюдения сроков выполнения заказов существенное значение приобретают следующие две предпосылки: во-первых, отношения между организациями обслуживания и за-

казчиками должны быть полностью и точно урегулированы и, во-вторых, права заказчиков должны неуклонно соблюдаться.

Отношения между организациями обслуживания и заказчиками регулируются, как известно, многочисленными законодательными актами, среди которых основное значение имеют подзаконные, ведомственные акты. Эти названные акты, регулирующие все основные вопросы, имеющие существенное значение в деле регулирования прав и обязанностей сторон, последствия ненадлежащего исполнения или неисполнения договора, не обеспечивали единства в регулировании. Так, например, в некоторых Правилах ответственность установлена конкретно, в других лишь декларируется мысль, что организация несет ответственность перед заказчиком, а в-третьих вопросы ответственности обходятся вообще и никаких санкций за ненадлежащее исполнение обязанностей организациями обслуживания не предусматривается /4, с. 75/.

Программные задачи по созданию современной высокоразвитой системы обслуживания, увеличение объема, расширение ассортимента и повышение качества услуг требуют тщательного рассмотрения действующего законодательства, регулирующего отношения по бытовому обслуживанию. Ясно то, что новые крупные меры, намеченные для развития и усовершенствования сферы обслуживания, должны отражаться и в правовом регулировании отношений, возникающих между организациями обслуживания и заказчиками, т.е. между сторонами договора бытового обслуживания. Словом, отношения между сторонами должны быть полностью и точно урегулированы, а выполнение обязанностей сторонами обеспечено необходимыми для этого способами.

В юридической литературе уже несколько лет назад выдвигалось предложение усовершенствовать действующий правовой механизм обеспечения имущественных интересов граждан путем включения в него норм, которые способствовали бы его функционированию в интересах потребителей /5, с. II/. Далее рекомендуется включить в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и гражданские кодексы союзных республик нормы по усилению имущественной ответственности организаций за нарушение их обязанностей перед потребителями /5, с. II/. В принципе придется согласиться с названным предложением полностью. Но как нам кажется, в ходе пересмотра законодательства, регулирующего бытовое обслуживание, необходимо подойти шире к данной проблеме.

Как отмечается в Программе КПСС, партия будет активно

осуществлять меры по повышению роли основного производственного звена объединений и предприятий — усиливая ответственность и заинтересованность в достижении высоких конечных результатов, создается система рычагов и стимулов, которая должна реально давать преимущества трудовым коллективам, добивающимся успехов в ускорении научно-технического прогресса, выпускающим лучшую продукцию, повышающим рентабельность производства /2, с. 35/.

Отсюда вытекает, что внимание обращено на повышение заинтересованности в достижении результатов труда и на ответственность за упущения в работе. Что касается ответственности, то в течение многих лет в литературе высказано немало предположений об ответственности, причем одни предлагают повысить ответственность, другие видят выход в уточнении других сторон ответственности. Не вступая в полемику с авторами разных определений самой гражданско-правовой ответственности, мы исходим из понимания ее, согласно которому ответственность включает в себя не только возмещение убытков и уплату неустойки, но и такие санкции, как допустимость отказа от договора, устранение дефектов исполненного по обязательству заказа, отказ от оплаты и приемки ненадлежащего исполнения и др. /6, с. 81/. Словом, понимание ответственности очень широкое и охватывает любые неблагоприятные последствия. Рассматривая экономическую ответственность хозяйственных организаций, в литературе отмечается, что она выступает в форме юридической материальной (имущественной) ответственности, если хозяйственный орган претерпевает неблагоприятные экономические последствия непосредственно в силу применения к нему определенных санкций, закрепленных нормами права /7, с. 4/. Поэтому наряду с усилением имущественной ответственности организаций обслуживания за нарушение их обязанностей перед потребителями необходимо одновременно уточнить и гарантировать действие неблагоприятных экономических последствий. Как показывает практика, меры ответственности, установленные перед организациями обслуживания уже более 20-ти лет назад, ощутимых и ожидаемых результатов не дали. Нарушение сроков, некачественное и другие случаи ненадлежащего исполнения заказов продолжают. Зачастую ведомство своими актами вообще освобождает себя от юридической ответственности перед заказчиками /8, с. 410-413/.

Что касается ответственности организаций обслуживания перед заказчиками, то мы присоединяемся к предложению о вве-

деними штрафных санкций за неисполнение и ненадлежащее исполнение обязанностей со стороны организаций при причинении имущественного ущерба заказчикам в случае, когда размер убытков не может быть точно определен, а также о распространении повышенной имущественной ответственности (ответственности за случай) на отношения по хранению организациями сферы обслуживания передаваемого им имущества, принадлежащего гражданам (например, материала заказчика по договору бытового заказа) и другие меры, предлагаемые для повышения ответственности /5, с. II/. Но для повышения заинтересованности организаций обслуживания наряду с этим, как мы уже отметили необходимо использовать и другие меры ответственности.

Прежде всего надо отметить, что в течение ряда лет действовала система, созданная ведомственными актами, согласно которым заказчик должен уплатить за работу и за материалы, детали и т.д. при оформлении заказа. В результате этого показатели плановых заданий выполнялись в основном с поступлением заказов, а не оказанием самих услуг /9, С. II5/. Так, объем и качество совершенных работ, сроки исполнения заказов и другие существенные показатели в процессе оценки действительного положения обслуживания были выведены на второстепенные позиции. А нарушение названных показателей не привело к отрицательным экономическим последствиям, способным действовать результативно на организации обслуживания. Поэтому нарушение сроков исполнения, случаи некачественного выполнения заказов и др. на практике продолжают. К сожалению, не удалось еще полностью перейти на порядок, по которому уплата за бытовые услуги производится лишь после принятия заказчиком готовых работ: при оформлении некоторых заказов требуется предварительная оплата или взимается аванс. При крупных заказах, как, например, заказы на строительные работы, авансы составляют довольно большие суммы. В других отраслях народного хозяйства (капитальное строительство, снабжение и др.) такая система оплаты за работу немыслима. В определенных случаях установлены меры оперативного воздействия поставщика на несправного покупателя и покупателя на несправного поставщика, как, например, перевод на аккредитивную форму расчетов или предварительную оплату продукции (п. 65 и 66-67 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения). Но применение к заказчику приемов такого рода в момент оформления заказа ничем не обосновано.

Было бы целесообразно полностью и принципиально отказаться от системы предварительной оплаты. Предприятие обслуживания по существу будет заинтересовано в результатах своей работы тогда, когда оно будет получать материальное вознаграждение лишь после выполнения заказа (это зависит от срока выполнения договора), причем качественного исполнения (в противном случае заказчик не примет и не оплатит сделанную некачественно работу). Названные экономические последствия действуют на предприятиях обслуживания намного эффективнее, чем всевозможные неустойки и штрафы перед заказчиком. В отношении больших и дорогостоящих объектов необходимость взимания предварительной оплаты или аванса обосновывается тем обстоятельством, что строительство ведется длительное время и предприятию обслуживания должно быть обеспечено финансирование за произведенные работы и использованные материалы. Выход здесь — в использовании банковского счета. Объекты для бытовых нужд не очень большие и строительство их в сконцентрированном и нормально организованном порядке не требует длительного времени. Пользуясь кредитом, строительная организация, наоборот, заинтересована в выполнении всех работ качественно и в минимальный технически возможный срок, чтобы передать объект в эксплуатацию оперативно. В противном случае это ведет к отрицательным экономическим последствиям без всякого исключения.

При таких условиях кредитования работ невозможно практически не выполнить своих задач в течение десятилетия, как это имеет место в нынешних условиях. Так, например, Тартуское Управление строительного обслуживания ведет строительство гаража-кооператива "Куузе" более десяти лет, вся проектно-сметная стоимость (свыше 210 000 руб.) уплачена строителю уже много лет назад, как это предусматривалось Правилами. Но кооператив до сегодняшнего дня не достроен, экспертами забраковано работ на сумму более чем 100 000 рублей, и объект, так сказать, "стоит". Строительная организация всю сметную сумму с приписками получила и незаинтересована в завершении работ, так как при передаче объекта в эксплуатацию в ходе окончательного зачета излишне полученные деньги придется возвратить. Подобных недостроенных и уплаченных объектов имеется, к сожалению, несколько. Они подтверждают необходимость найти такие меры воздействия на организации обслуживания, которые были бы в силах обеспечить экономическое влияние на предприятия за невыполнение или ненадлежащее вы-

полнение своих договорных обязанностей. Иначе не может быть и речи о реальной ответственности в отношениях по обслуживанию.

Очевидно, что надлежащее удовлетворение потребностей граждан, как намеченный результат деятельности функционирующих в сфере обслуживания организаций, может быть обеспечено лишь совокупным действием норм об ответственности и других мер и лишь постольку, поскольку они будут согласованы между собой и направлены на достижение единой цели. Основная цель, как известно, — коренным образом улучшить качество и культуру обслуживания населения, совершенствовать организацию работы предприятия и учреждений сферы услуг, чтобы создать для трудящихся максимальные удобства в пользовании услугами /3, с. 53/. Если же плановые показатели и критерии оценки работы, установленные для предприятия обслуживания, не будут по существу нацеливать его на надлежащее использование обязанностей по удовлетворению потребностей граждан и финансово-хозяйственное положение предприятия не будет вообще или будет мало зависеть от реального и качественного обслуживания населения, то при помощи лишь правовой ответственности перед заказчиком трудно добиться надлежащего и культурного удовлетворения потребностей граждан. Только правильно установленные критерии оценки работы играют здесь решающую роль. Не будем разрабатывать критерии и исследовать их взаимодействие — это тема для экономистов. Ограничимся лишь несколькими моментами.

Как известно, одним из основных условий договора является срок его исполнения. В договорах обслуживания, как правило, сроки исполнения устанавливаются предприятием обслуживания в рамках предельных сроков. Последние довольно длинные, длинные же предельные сроки защищают интересы предприятия. А если отказаться вообще от предельных сроков и для объективной оценки работы предприятия ввести новый показатель — сокращение сроков исполнения заказов по сравнению со сроками в предыдущем году? Такой сравнительный показатель может свидетельствовать о действительном положении дел — стали ли заказы выполняться быстрее или медленнее, чем в прошлом году. Как нам кажется, предлагаемый показатель позволяет точнее оценить состояние удовлетворения потребностей граждан и стимулирует срочное выполнение заказов.

Совершенно очевидно, что действительное положение обслуживания определяется и многими другими моментами. Важнейшим

среди них является качество выполнения работ. Как мы убедились выше, экономический интерес может стимулировать качественное выполнение заказа лишь тогда, когда работы оплачиваются заказчиком после их завершения. Но в дополнение к этому было бы необходимо зафиксировать все факты отказа принятия работ из-за некачественного их выполнения. Такой показатель может дать представление о действительном положении дел. Если сравнивать полученные данные с показателями предыдущего года, то выяснится, хотя бы в общих чертах, действительное положение качественного выполнения заказов на данном предприятии обслуживания.

Если связать с показателями, характеризующими обслуживание (сроки, качество и другие показатели выполнения), конкретные экономические последствия для предприятия, как положительные, так и отрицательные, то наша общая заинтересованность в улучшении обслуживания граждан несомненно выиграет. Только совместное использование гражданско-правовой ответственности и экономических мер регулирования может обеспечить усовершенствование отношений обслуживания, исходя из требований, предъявляемых к обслуживанию населения на предстоящие этапы развития нашего общества. Актуальной задачей сегодняшнего дня обоснованно признано эффективное использование хозяйственного механизма, который неотвратимо материально и морально наказывает предприятия, допускающие низкое качество работ /10, с. 22/.

#### Использованные материалы

1. О дальнейшем развитии и улучшении бытового обслуживания // СП СССР. - 1983. - 8. - С. 147-152.
2. Программа Коммунистической Партии Советского Союза. - М.: Политиздат, 1986.
3. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года. - М.: Политиздат, 1986.
4. Плюом Э.Л. Правовое регулирование бытового обслуживания граждан // Правовое регулирование отношений в сфере обслуживания граждан. - М., 1983.
5. Мозолин В.П., Кабалкин А.Д. Совершенствование законодательства об обслуживании граждан в СССР // Правовое регулирование отношений в сфере обслуживания граждан. - М., 1984.

6. Садиков О.Н. Гражданское право в новых условиях // Сов. гос-во и право. - 1967. - № 2.
7. Мамутов В.К., Овсиенко В.В., Юдин В.Я. Предприятие и материальная ответственность. - Киев: Наукова думка, 1971.
8. См. подробнее: Плоом Э.Л. Об одной старой ошибке // Советское право. - 1986. - № 6.
9. Плоом Э.Л. Вопросы защиты прав граждан по договорам бытового обслуживания // Проблемы гарантии, осуществления и защиты прав граждан. - Тарту, 1977.
10. Рыжков Н.М. Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года: Доклад на XXVII съезде КПСС, 3 марта 1986 года. - М.: Политиздат, 1986.

## СОЛИДАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАДЕЛЬЦЕВ МЕХАНИЧЕСКИХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Д. Э. Райдла  
Тарту

В советской гражданско-правовой науке имеется немало специальной литературы по вопросу о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, в частности механическим транспортным средством /1; 2; 3/. По сложившейся традиции проблематика возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, в литературе рассматривается через призму ответственности. Это означает, что возмещение вреда, независимо, причинен ли он источником повышенной опасности виновно или невиновно, воспринимается как гражданско-правовая ответственность за причиненный вред. Высказанное распространяется и на возмещение вреда, причиненного несколькими транспортными средствами другим лицам.

Трактовка сущности возмещения вреда, причиненного механическими транспортными средствами, нуждается, на наш взгляд, в усовершенствовании в двух направлениях. Во-первых, надо иметь в виду, что рассмотрение возмещения вреда, причиненного механическими транспортными средствами, в качестве ответственности зависит от понимания самой гражданско-правовой ответственности. Если полагать, что гражданско-правовая ответственность наступает как за виновное, так и за невиновное причинение вреда, то, действительно, верно и рассуждение, согласно которому возмещение вреда всегда выступает как гражданско-правовая ответственность.

Автор данной статьи придерживается другой точки зрения. Мы считаем, что гражданско-правовая ответственность наступает как результат за виновно совершенное противоправное деяние и тем самым находим, что она с необходимостью характеризуется осуждением поведения правонарушителя. Под гражданско-правовой ответственностью мы понимаем обязанность осуждаемого со стороны государства правонарушителя нести предусмотренные нормами права отрицательные (неблагоприятные) последствия за совершенное правонарушение, выражающиеся в лишении правонарушителя имущественных прав (благ) в пользу потерпев-

ного. Следовательно, возмещение вреда, причиненного механическими транспортными средствами, выступает мерой ответственности только в случае виновного причинения вреда. Возмещение вреда, невиновно причиненного механическими транспортными средствами, является мерой защиты субъективных прав потерпевшего. Мерам защиты осуждение поведения нарушителя права не характерно.

Во-вторых, меры ответственности и меры защиты, являющиеся по существу правовыми обязанностями, существуют и реализуются только в правоотношениях. Относительно тематики данной статьи это означает, что для обязанности возмещения вреда, могущей выступать как мерой ответственности, так и мерой защиты, обязательство, возникающее вследствие причинения вреда механическими транспортными средствами, является формой их реализации. В результате причинения вреда механическими транспортными средствами с необходимостью возникает внедоговорное обязательство, в то время когда внедоговорная гражданско-правовая ответственность может и не возникнуть.

Вследствие причинения третьим лицам вреда столкновением нескольких механических транспортных средств возникает обязательство со множественностью лиц. В соответствии с ч. I ст. 186 ГК ЭССР, обязательство со множественностью лиц является долевым, если не из закона или договора не вытекает иное. Следовательно, долевой характер обязательства со множественностью лиц презюмируется, в то время как солидарный характер не предполагается /4, с. 204/. Только при особых обстоятельствах - в силу закона или договора - возникает солидарное обязательство. Внедоговорные солидарные обязательства могут возникать, разумеется, только в силу закона (статьи 187 и 459 ГК ЭССР).

В солидарном обязательстве несколькими должникам принадлежит одна обязанность, либо несколько кредиторов обладают одним правом требования. В солидарном обязательстве, возникающем вследствие причинения вреда несколькими механическими транспортными средствами, множественность обнаруживается главным образом на стороне обязанных лиц - владельцев механических транспортных средств, а обязанность владельцев возместить причиненный вред носит солидарный характер. Это означает, что потерпевший вправе требовать исполнения обязательства как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга (ч. I ст. 188 ГК ЭССР). Отличие солидарного обязательства

состоит в том, что ни один из должников не освобождается от обязанности возместить вред, пока обязательство полностью не исполнено.

Общие условия возникновения солидарного обязательства вследствие причинения вреда несколькими механическими транспортными средствами те же, что и при причинении вреда одним механическим транспортным средством: вред, противоправность деятельности владельца механического транспортного средства и причинная связь между деятельностью владельца механического транспортного средства и возникновением вреда. Специфическим условием возникновения обязательства и здесь служит "инструмент" причинения вреда - механическое транспортное средство в качестве источника повышенной опасности. Ст. 459 ГК ЭССР устанавливает одно отличительное условие возникновения солидарного обязательства - совместность причинения вреда. Именно совместность в деятельности владельцев механических транспортных средств в причинении вреда этими средствами - квалифицирующее условие возникновения солидарного обязательства. Является ли вред следствием совместного причинения вреда несколькими механическими транспортными средствами - это вопрос факта, устанавливаемого судом в каждом отдельном случае судебного разбирательства на основании доказательств, собранных по делу /5, с. 54/. Закон не содержит признаков, характеризующих совместность причинения вреда. Нет единого понимания сущности совместного причинения вреда и в гражданско-правовой литературе.

Вопрос о сущности совместного причинения вреда сводится в основном к следующему: достаточно ли для признания причинения вреда совместным наличия причинной связи, где противоправное поведение нескольких причинителей вреда обуславливает наступление единого, нераздельного результата - ущерба, или для этого нужна и общность в субъективной стороне поведения причинителей вреда?

В цивилистической литературе выдвинута концепция, согласно которой для признания причинения вреда совместным требуется определенная совместность в субъективной стороне поведения причинителей вреда, в частности владельца механических транспортных средств. Для обоснования этой концепции обычно ссылаются на п. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР № I от 23 марта 1979 г. "О практике применения судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением", где сказано, что "солидарная

материальная ответственность не возлагается на лиц, которые осуждены, хотя и по одному делу, но за самостоятельные преступления, не связанные общим намерением (разрядка моя - Ю.Р.), а также лиц, когда один из них осужден за корыстные преступления, например, за хищение, а другие - за халатность, хотя бы действия последних объективно в какой-то мере и способствовали первым совершить преступление" /6, с. 14/. В работах более раннего периода (до 1979 г.) сторонниками концепции субъективной совместности за основу принимается п. 4 действующего в это время постановления Пленума Верховного Суда СССР № 6 от 28 мая 1954 г. "О судебной практике по взысканию материального ущерба, причиненного преступлением" /7, с. 347-355/. При этом необходимо отметить, что в пунктах 12 и 4 указанных постановлений относительно применения солидарной ответственности принципиальных различий нет.

В точном соответствии с содержанием п. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 23 марта 1979 г. находится концепция субъективной совместности, по которой деятельность причинителей вреда признается совместной, если она связана с общим намерением. Исходной точкой такого понимания служит дословное толкование процитированного текста постановления Пленума Верховного Суда СССР. Последовательно придерживается этой позиции Ю.М. Гильман. Пытаясь сформулировать условия, при которых вред надлежит признать причиненным совместно двумя или более лицами, Ю.М. Гильман пишет, что для этого необходимо, с одной стороны, чтобы влекущие ответственность действия сопричинителей вреда находились в причинной связи с наступившим вредом, представляющим единое целое (объективная связь). С другой стороны, нужно, чтобы между лицами, действиями которых причинен вред, существовала связь субъективного характера. Он продолжает: "Вряд ли мыслима совместная небрежность или совместное (не только одновременное, но и субъективно связанное) бездействие нескольких лиц при отсутствии умысла... По небрежности правонарушение совершается без намерения. А при отсутствии намерения вообще нет и общего намерения, т.е. нет предпосылки для признания вредоносных действий совершенными совместно, а следовательно, и для применения солидарной ответственности" /8, с. 53/. Эту же точку зрения разделяет В.Л. Слесарев, утверждая, что "... субъективная совместность может выражаться только в правонарушениях, связанных общим намерением - умыс-

лом, и только в этих случаях может быть возложена солидарная ответственность" /9, с. 110/. А это значит, что солидарная ответственность не применима, если вред причинен по неосторожности. На наш взгляд, логическим продолжением этого утверждения является положение о том, что солидарная ответственность при возмещении материального ущерба, причиненного автотранспортным преступлением, применяться не может /10, с. 13/, поскольку в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР № II от 6 октября 1970 г. "О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях" прямо указано, что автотранспортные преступления должны рассматриваться как совершенные по неосторожности /11, с. 21/.

С другой точки зрения рассматривает субъективную совместность причинения вреда С.Е. Донцов. Он критикует Д.М. Гильмана за его слишком одностороннее понимание субъективной совместности. С.Е. Донцов полагает, что "... неосторожная вина всех сопричинителей, как и умышленная, может обусловить наличие общей "субъективной плоскости" /12, с. 102/, с чем он связывает наличие факта совместного причинения вреда /13, с. 88-89/.

С позиции концепции субъективной совместности, но с точки зрения, отличной от принадлежащих различным авторам взглядов, изложенных выше, рассматривает совместное причинение вреда О.А. Красавчиков. Он полагает, что "... солидаритет сопричинителей вреда... может и должен иметь место всякий раз, когда владельцы источников повышенной опасности действовали в одной "субъективной плоскости", т.е. были либо оба виновны, либо оба не виновны. Разнохарактерность (в указанном смысле) поведения сопричинителей... служит основанием к отпадению солидаритета; лица, субъективно-случайно причинившие вред, должны быть освобождены от ответственности, а обязанность возмещения соответствующего вреда должна быть возложена на того владельца источника повышенной опасности, который действовал виновно" /2, с. 175/.

Солидарная ответственность лиц, совместно причинивших вред, установлена в интересах потерпевшего. Всякое сужение сферы ее применения, как это делается концепциями субъективной совместности, кажется неоправданным.

Спорные, по нашему мнению, суждения сторонников концепции субъективной совместности по поводу сущности совместного причинения вреда обусловлены двумя предпосылками. Во-первых, попытки обосновать субъективный характер совместного

причинения вреда во многом обусловлены рассмотрением всей проблематики возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, через призму ответственности. Провозглашая всякое возмещение вреда (как виновно, так и невиновно причиненного) гражданско-правовой ответственностью, очень трудно, если и вовсе невозможно, вместить в одни и те же рамки (солидарной ответственности) разные по своему характеру правовые явления. Ведь нельзя сказать, что виновный и невиновный владельцы механических транспортных средств несут солидарную гражданско-правовую ответственность. Если принять за основу концепцию субъективной совместности, то вытекает, что вина всегда является необходимым условием возникновения обязательства вследствие причинения вреда механическим транспортным средством. Но полагая, что совместность причинения вреда характеризуется существованием вины сопричинителей вреда в форме умысла либо в форме неосторожности, мы приходим к выводу, что из совместно причинивших вред владельцев источников повышенной опасности обязанность возмещения вреда возлагается только на виновного владельца, а невиновный владелец освобождается от обязанности возмещения, то есть он не может оказаться обязанным субъектом обязательства, возникающего вследствие причинения вреда механическим транспортным средством. На самом же деле специфика ст. 458 ГК Эстонской ССР состоит в том, что у владельца источника повышенной опасности, в частности механического транспортного средства, возникает обязанность возмещения вреда независимо от его вины. В концепции субъективной совместности причинения вреда принцип возникновения обязательства, заключенный в ст. 458 ГК Эстонской ССР, практически не применим.

Во-вторых, в концепциях субъективной совместности отражается расширительное распространение уголовно-правовых принципов на гражданско-правовое регулирование. Так, например, по концепции Ю.М. Гильмана и В.Л. Слесарева при причинении вреда несколькими механическими транспортными средствами солидарной обязанности возмещения не возникает и, следовательно, не возникает и солидарного обязательства, ибо случаи умышленного причинения вреда механическими транспортными средствами в судебной практике почти не встречаются. Такую точку зрения нельзя не признать спорной. Указанные авторы, на наш взгляд, не учитывают, в частности, что "... в уголовных правонарушениях совместность раскрывается через субъективный фактор (умысел), а в гражданских правонаруше-

ниях - через фактор объективный (причинную связь)" /14, с. 13/.

Как нами уже указывалось, условием возникновения солидарного обязательства вследствие причинения вреда служит совместное его причинение. При раскрытии сущности совместного причинения вреда мы присоединяемся к авторам, полагающим, что совместное причинение вреда характеризуется через объективный критерий, а именно, через причинную связь. В частности, Е.А. Флейшиц пишет: "... вопрос о наличии или отсутствии совместного причинения вреда есть вопрос причинной связи между противоправными вредоносными действиями нескольких лиц и последовавшим за этими действиями вредом" /15, с. 154/. Высказанная Е.А. Флейшиц точка зрения нашла распространение в цивилистической литературе /1, с. 237; 16, с.68; 17, с. 377/. При этом надо учитывать специфику причинной связи, которая дает основание признать вред, причиненный несколькими лицами, совместным. Она заключается в том, что противоправные действия нескольких лиц в совокупности причинно обусловили вред, представляющий собой единое и нераздельное целое /18, с. 130/. Объективный характер совместного причинения вреда подчеркивает В.Т. Смирнов: "... основанием солидарной ответственности в гражданских правоотношениях является не субъективный момент (единство и целенаправленность воли правонарушителей, что характерно только для умышленных правонарушений), а объективный фактор (разрядка моя - В.Р.) - причинная связь между противоправными действиями правонарушителей и результатом их действий - вредом, в котором эти действия проявляют себя в качестве совокупной его причины" /19, с. 27/.

Наряду с причинной связью в гражданско-правовой литературе для характеристики совместности причинения вреда используется понятие нераздельности вреда. Солидарный характер деликтной ответственности лиц, совместно причинивших вред, объясняется неделимостью результата их противоправных действий - причиненного вреда, пишут В.Т. Смирнов и А.А. Собчак /20, с. 103/. Любой результат отражает характер деятельности по его достижению. Нераздельный вред, будучи результатом деятельности нескольких лиц по его причинению, указывает на совместный характер его причинения. Следовательно, нераздельность вреда является вторым критерием, наряду с причинной связью, установления совместного характера его причинения.

При анализе условий возникновения солидарного обязатель-

ства вследствие причинения вреда несколькими механическими транспортными средствами нельзя гиперболизировать значение нормы ст. 459 ГК ЭССР. Следует иметь в виду, что эта норма не обладает самостоятельным значением. Для выяснения того, возникает ли из факта причинения вреда солидарное обязательство, нужно в первую очередь квалифицировать действия причинителей вреда на основании норм, регламентирующих возникновение обязательств вследствие причинения вреда без множественности лиц, в данном случае, на основании ст. 458 ГК ЭССР. Это означает, что надо установить, во-первых, являются ли причинители вреда владельцами механических транспортных средств и, во-вторых, существуют ли условия возникновения обязательства вследствие причинения вреда механическим транспортным средством. Если ответы на приведенные вопросы окажутся положительными, то только тогда можно обсуждать вопрос, являются ли владельцы механических транспортных средств сопричинителями вреда и существуют ли условия возникновения солидарного обязательства вследствие причинения вреда несколькими механическими транспортными средствами.

Для того, чтобы возникающее вследствие причинения вреда обязательство считалось солидарным, необходимо установить совместимость в причинении вреда несколькими механическими транспортными средствами. Для этого необходимо установить, во-первых, что цепи причинных связей между противоправными действиями владельцев механических транспортных средств и возникшим вредом взаимосвязаны друг с другом определенным образом, дающим основание утверждать, что противоправные действия нескольких владельцев механических транспортных средств в органической совокупности причинно обусловили вред. Во-вторых, требуется, чтобы причиненный такими действиями владельцев механических транспортных средств вред представлял собой нераздельное единое целое, в котором невозможно установить, чьей деятельностью какая-нибудь часть из этого вреда причинена. Если в факте причинения вреда обнаруживаются изложенные два критерия, то можно говорить о совместности причинения вреда несколькими владельцами механических транспортных средств.

Совместность причинения вреда как условие возникновения солидарного обязательства вследствие причинения вреда несколькими механическими транспортными средствами носит сугубо объективный характер. Этой линии придерживается и судебная практика Эстонской ССР. Так, в г. Таллине столкнулись

грузовик ГАЗ-51, принадлежавший Управлению "Таллингаз" Таллинского городского газохозяйства, и грузовик ЗИЛ-ММЗ-555, принадлежавший Таллинскому управлению механизации Треста механизации строительных работ Эстонской ССР. В результате столкновения получила особо тяжкие телесные повреждения М.Кулло, которая в момент происшествия стояла вблизи столкнувшихся грузовиков на тротуаре.

Приговором народного суда шофер грузовика Управления "Таллингаз" В.Шмит был осужден на основании ч. 2 ст. 204 УК Эстонской ССР. Постановлением Таллинской городской прокуратуры было прекращено уголовное дело по отношению к шоферу Таллинского управления механизации из-за отсутствия состава преступления, поскольку он не был виновен в аварии.

Народный суд на основании статей 458 и 459 ГК Эстонской ССР решил взыскать возмещение с Управления "Таллингаз" и Таллинского управления механизации солидарно.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Эстонской ССР отметила, что решение народного суда о взыскании ущерба солидарно с Управления "Таллингаз" и Таллинского управления механизации является законным и обоснованным. На основании статей 458 и 459 ГК Эстонской ССР Таллинское управление механизации несет обязанность возмещения вреда независимо от вины /21/. В данном случае вины Таллинского управления механизации в причинении вреда не было, но это не явилось препятствием для возникновения относительно него солидарного обязательства по возмещению вреда.

В обязательстве, возникающем вследствие причинения вреда механическим транспортным средством, могут реализоваться как меры защиты, так и меры ответственности. Обязанность возместить вред в одних случаях выступает в качестве меры защиты (в случае безвиновного причинения вреда), в других же - в качестве меры ответственности (в случаях виновного причинения вреда). Если владелец механического транспортного средства виновен в причинении вреда, то в рамках солидарного обязательства в его отношении реализуется и гражданско-правовая ответственность. Относительно невиновного причинителя вреда - владельца механического транспортного средства - применяются не меры ответственности, а меры защиты. Если вред причинен совместно двумя механическими транспортными средствами, один из владельцев которых виновен и другой невиновен, то тогда возникает солидарное обязательство вследствие причинения вреда механическими транспортными средст-

вами, в содержание которого входят солидарные обязанности владельцев этих средств — сопричинителей вреда, возместить вред. О возникновении солидарной ответственности в такой ситуации речи быть не может, ибо относительно другого владельца механического транспортного средства правовая ответственность вообще применяться не может.

В соответствии со ст. 458 ГК ЭССР обязательство вследствие причинения вреда механическим транспортным средством возникает независимо от вины в деятельности владельца этого средства. Это правило не требует учитывания субъективного момента при возникновении у владельца механического транспортного средства обязанности возместить вред. В законе не содержится никакого исключения из этого правила относительно тех случаев, когда вред потерпевшему причинен несколькими источниками повышенной опасности, в частности механическими транспортными средствами. Тем самым, мы полагаем, что правило, содержащееся в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР № I от 23 марта 1979 г., согласно которому солидарная материальная ответственность не возлагается на лиц, деятельность которых не связана общим намерением, не находится в полном соответствии с действующим гражданским законодательством, и его следовало бы отменить. Субъективный момент в деятельности владельцев механических транспортных средств по причинению вреда не является критерием определения совместности в причинении его. Следовательно, субъективный момент в деятельности владельцев механических транспортных средств не влияет на возникновение солидарного обязательства вследствие совместного причинения вреда несколькими механическими транспортными средствами.

Субъективный момент (вина) в деятельности владельцев столкнувшихся механических транспортных средств является условием возникновения их солидарной ответственности. Для возникновения солидарной ответственности владельцев механических транспортных средств — сопричинителей вреда — требуется наличие в их деятельности общей "субъективной плоскости" — вины в любой ее форме. Если оба владельца столкнувшихся механических транспортных средств виновны, то в рамках возникающего солидарного обязательства вследствие причинения вреда реализуется и их солидарная гражданско-правовая ответственность. Если владельцы столкнувшихся механических транспортных средств невиновны, либо виновен только один из них,

то в рамках солидарного обязательства вследствие причинения вреда солидарная гражданско-правовая ответственность не возникает.

Ст. 459 ГК ЭССР, содержащая норму, регулирующую возникновение солидарных обязательств вследствие совместного причинения вреда несколькими лицами, озаглавлена как "Ответственность за вред, совместно причиненный несколькими лицами" и гласит: "Лица, совместно причинившие вред, несут солидарную ответственность перед потерпевшим". Как нами указывалось, не всегда солидарная обязанность сопричинителей вреда возместить причиненный ими совместно вред, является солидарной ответственностью. Нередко возникают солидарные обязательства вследствие причинения вреда несколькими лицами, в рамках которых солидарная ответственность сопричинителей вреда не возникает. Следовательно, ни заглавием ст. 459 ГК ЭССР, ни установленной в этой статье нормой в буквальном ее толковании не охватываются все случаи возникновения солидарных обязательств и входящих в их содержание солидарных обязанностей сопричинителей вреда возместить причиненный вред. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно озаглавить ст. 459 ГК ЭССР как "Солидарные обязательства, возникающие вследствие совместного причинения вреда несколькими лицами". Норму в ст. 459 ГК ЭССР мы предлагаем изложить в следующей редакции: "В случае совместного причинения вреда несколькими лицами возникает солидарное обязательство, в силу которого эти лица обязаны возместить вред потерпевшим".

Возможность возникновения солидарного обязательства вследствие совместного причинения вреда несколькими механическими транспортными средствами не должна зависеть от субъектного состава сопричинителей вреда. Мы не разделяем мнения, будто граждане и социалистическая организация не могут участвовать в солидарном обязательстве в качестве солидарных должников /5, с. 55/ и что в случаях совместного причинения вреда организациями и гражданами должна применяться долевая ответственность /22, с. 122/. Полагаем, что следует признать обоснованной судебную практику Эстонской ССР, по которой владельцами механических транспортных средств - сопричинителями вреда - социалистические организации и граждане могут оказаться в любых вариантах взаимосвязи: как социалистические организации между собой /23/ и граждане между собой /24/, так и совместно социалистические организации и граждане /25/. Следовательно, социалистические организации и

граждане могут во всех приведенных вариантах оказаться и солидарными должниками в солидарном обязательстве, возникающем вследствие совместного причинения вреда несколькими механическими транспортными средствами.

Как в литературе /26, с. 82/, так и в судебной практике (в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР № I от 23 марта 1979 г.) выражена точка зрения, согласно которой правоприменительному органу предоставляется право по своему усмотрению вместо солидарной обязанности возмещения вреда применять и долевую обязанность возмещения. С такой точкой зрения, по нашему мнению, нельзя согласиться. Положение п. 12 названного постановления Верховного Суда, по которому суд вправе отступить от правила, содержащегося в ст. 455 ГК РСФСР (ст. 459 ГК ЭССР) и возложить на подсудимых, совместными действиями которых причинен ущерб, долевую, а не солидарную ответственность, если такой порядок взыскания соответствует интересам истца и обеспечит возмещение ущерба, подвергнуто в литературе обоснованной критике. В частности, Е.С. Никулин подчеркивает, что данное разъяснение может применяться только в исключительных случаях и только тогда, когда применение долевой вместо солидарной ответственности убедительно мотивировано и действительно соответствует интересам взыскателя /27, с. 68/. Однако для потерпевшего, на наш взгляд, долевая обязанность сопричинителей возместить вред ни в коем случае не может быть выгоднее солидарной. Следование принципу возложения солидарных обязанностей возмещения вреда на его сопричинителей является самой надежной гарантией защиты прав потерпевшего. Нам кажется, что включение в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР № I от 23 марта 1979 г. правила о допустимости применения к сопричинителям вреда долевой ответственности вместо солидарной не соответствует действующему гражданскому законодательству (ст. 459 ГК ЭССР), а также не оправдано с практической точки зрения. Представляется, что указанное правило целесообразно отменить.

Колебания при решении вопросов, связанных с солидарными обязательствами, возникающими вследствие совместного причинения вреда несколькими лицами, могут обуславливать ошибки в судебной практике, как это явствует из следующего казуса. По вине Г.Уварова, который управлял автомашиной, принадлежащей автобазе № 12, и по вине А.Рау, управлявшего принадлежащим совхозу "Кохтла-Ярве" трактором, произошла авария, в

результате которой П.Крупу были причинены телесные повреждения с расстройством здоровья и повреждена принадлежащая ему стоявшая автомашина. Относительно возмещения П.Крупу причиненного материального вреда народный суд вынес решение: ответчики **обязаны** в солидарном порядке восстановить автомашину истца, а в остальной части вред возмещается в долях.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Эстонской ССР отметила, что указание, содержащееся в резолютивной части решения суда, о том, что обязанность по производству ремонта на ответчиков возлагается солидарно, а возмещение вреда в остальной части - в долевом отношении, противоречит требованиям ст. 459 ГК Эстонской ССР, согласно которой лица, совместно причинившие вред, несут солидарную обязанность возмещения этого вреда /28/. Применение долевого обязательства при возмещении совместно причиненного вреда ошибочно, на что обоснованно обращалось внимание в упомянутом определении Судебной коллегии Верховного Суда Эстонской ССР. Ст. 459 ГК ЭССР носит императивный характер и подлежит применению во всех случаях, когда для этого существуют соответствующие условия.

#### Использованные материалы

1. Антимонов В.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. - М.: Госприздат, 1952.
2. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. - М.: Дрид. лит., 1966.
3. Белякова А.М. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности: (Ответственность владельца источника повышенной опасности). - В.М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967.
4. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. - М.: Госприздат, 1950.
5. Лаасик Э.Я. Об осуществлении права требования по солидарным обязательствам, возникшим из причинения вреда // Теоретические вопросы применения и дальнейшего совершенствования законодательства. - Тарту: Б.И., 1967.
6. Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1979. - № 3.

7. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924 - 1963 гг. - 2-е изд. - М., 1964.
8. Гильман Ю.М. Спорные вопросы солидарной ответственности // Правоведение. - 1968. - № 6.
9. Слесарев В.Л. Субъекты возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности // Вопросы совершенствования гражданско-правового регулирования. - Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983.
10. Скрягин М., Слесарев В. Возмещение материального ущерба, причиненного при автотранспортных преступлениях // Советская юстиция. - 1982. - № 14.
11. Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1970. - № 6.
12. Донцов С.Е. Гражданско-правовые внедоговорные способы защиты социалистической собственности. - М.: Юрид. лит., 1980.
13. Донцов С.Е., Маринина М.Я. Имущественная ответственность за вред, причиненный личности. - М.: Юрид. лит., 1986.
14. Мусияка В.Л. Солидарная ответственность за причинение вреда: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Харьков: Б.и., 1976.
15. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. - М.: Госюриздат, 1951.
16. Майданик Л.А., Сергеева Н.Ю. Материальная ответственность за повреждение здоровья. - М.: Госюриздат, 1962.
17. Советское гражданское право. - 2-е изд. - Киев: Вища шк., 1983. - Ч. 2.
18. Лаасик Э.Я. К вопросу возникновения солидарного обязательства вследствие совместного причинения вреда // Уч. зап. / Тарт. ун-та - 1969. - Вып. 230.
19. Смирнов В.Т. Регрессные иски в обязательствах из причинения вреда. - М.: Госюриздат, 1960.
20. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
21. Гражданское дело Верховного Суда Эстонской ССР № 122 - 1972.
22. Майданик Л.А. Солидарная ответственность совместных причинителей вреда // Сов. гос-во и право. - 1968. - № 5.

23. Гражданское дело Верховного Суда Эстонской ССР № 872/II  
- 1974 г.
24. Гражданское дело Верховного Суда Эстонской ССР № 1065/II  
- 1973 г.
25. Гражданское дело Верховного Суда Эстонской ССР - 869/II  
- 1972 г.
26. Белякова А.М. Возмещение причиненного вреда. - М.: Изд-во  
Моск. ун-та, 1972.
27. Никулин Е.С. Возмещение ущерба, причиненного правонаруше-  
нием. - М.: Юрид. лит., 1983.
28. Гражданское дело Верховного Суда Эстонской ССР № 872/II  
- 1974 г.

## ПОНЯТИЕ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА КАК УСЛОВИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СОВЕТСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

О.П. Павлова  
Ленинград

В советской юридической науке общепризнанным является мнение о том, что вред — обязательное условие только деликтной ответственности, а для договорной ответственности наличие вреда необходимо только тогда, когда эта ответственность выражается в форме возмещения убытков. Поэтому договорная ответственность может наступать как при полном составе правонарушения (противоправное поведение, вред, причинная связь, вина), так и при правонарушениях с "усеченным" составом из трех элементов /1, с. 6-7/ или двух элементов — противоправное поведение, вина /2, с. 367/.

Такая господствующая в советской цивилистической науке позиция обусловлена жестко однозначным пониманием термина "вред" исключительно как имущественного ущерба. Отсутствие в действующем гражданском законодательстве общего правила о возможности денежного возмещения неимущественного (или "морального", как его иначе называют) вреда послужило основанием для вывода о том, что советское законодательство вообще не рассматривает неимущественный вред в качестве необходимого условия гражданско-правовой ответственности.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы выявить принципы, теоретические предпосылки и нормы, позволяющие обосновать положение о том, что ответственность за неимущественный вред является органической частью гражданско-правовой ответственности как родового понятия, и доказать необходимость включения в гражданское законодательство общего правила о возможности ответственности и за неимущественный вред.

Прежде всего в пояснении нуждается сам термин "неимущественный вред". Неимущественный вред можно назвать таковым только потому, что его нельзя подсчитать, он не может непосредственно воплощаться в конкретной денежной сумме. Последняя является уже убытками. Понятие неимущественного вреда неправильно связывать только с неимущественными интересами и с тем, что он не должен влечь имущественных взысканий в

пользу лица, которому причинен такой вред. Сам по себе немущественный вред значительно реже может иметь место в немущественных отношениях (посягательство на честь и достоинство, на право на собственное изображение и пр.), а чаще встречается в имущественных (деликтных, договорных), поскольку последние в сфере гражданско-правового регулирования составляют большинство. В связи с этим нам представляется неудачным использование термина "моральный вред" в качестве синонима немущественного вреда.

Формы проявления немущественного вреда не менее доступны объективному восприятию, чем убытки. Это и умаление чести и достоинства, и нарушение условий договора о сроках, количестве, качестве, не повлекшее убытков, и личные переживания, связанные с лишением возможности вести прежний образ жизни вследствие увечья; связанные с лишением воинских и иных званий, лишением наград, увольнением с работы и т.д. Бесспорно, что гражданское законодательство в принципе не безразлично к фактам причинения немущественного вреда. В качестве санкции за причинение немущественного вреда в различных институтах гражданского права предусмотрены многообразные "меры защиты". Это и обязанность опровергнуть сведения, порочащие честь и достоинство гражданина или организации (ст. 7 Основ гражданского законодательства), и восстановление на работе, и восстановление воинских и иных званий, а также возврат орденов и медалей СССР /3, пп. 5 и 9/ и др. Но допустимость применения "мер защиты" в этих случаях не может означать ничего другого кроме того, что законодатель признает факт реального существования немущественного вреда и принципиально допускает возложение на причинившее его лицо определенных обязанностей, обусловленных фактом причинения такого вреда. Между тем и меры защиты и ответственность являются видовыми разновидностями одного понятия "гражданско-правовые санкции", и общее для них должно проявляться как в самом содержании понятия "санкция", так и в условиях ее применения. И если с этой точки зрения проанализировать действующее гражданское законодательство, то не обнаружив общей нормы о возможности ответственности за немущественный вред, можно обнаружить вовсе немалочисленные случаи такой ответственности со всеми присущими ей признаками, отличающими ее от мер защиты, в виде наступления для нарушителя отрицательных последствий имущественного характера.

Так, на равных основаниях с ответственностью в форме

возмещения убытков существует в гражданском праве ответственность в форме уплаты неустойки. Если взять только те правонарушения, в которых убытков нет, а взыскивается только неустойка, то мы получим тем самым массу правонарушений, в которых ответственности возлагается именно за неимущественный вред.

Действительно, не вызывает сомнения то обстоятельство, что правонарушение всегда причиняет социальный вред, который выражается в нарушении правопорядка, дезорганизации общественных отношений. Но такой социальный вред должен объективизироваться и в нарушении каких-либо субъективных прав. Поэтому всегда можно выявить конкретного субъекта, которому причинен вред, имущественный или неимущественный. Прав Н.С. Маленин, утверждая, что правонарушения могут различаться не по признаку наличия или отсутствия вреда (который всегда есть), а лишь с точки зрения его конкретизации /4, с. 8-9/. В правонарушениях, не повлекших имущественного ущерба, вред конкретизируется не в убытках, а, к примеру, в нарушенном субъективном праве на надлежащее исполнение договора и нарушении других субъективных прав.

Понимание неимущественного вреда как необходимого условия ответственности позволит разрешить проблему "безвредной" ответственности. Ведь в настоящее время цивилистическая наука вынуждена объяснить наличие ответственности в форме неустойки, например, тем, что гражданскому законодательству известны разные составы правонарушений - полный и "усеченный": без вреда и причинной связи. Между тем, концепция "безвредных" правонарушений не только лишает состав гражданского правонарушения двух элементов, но и разрушает всю систему оснований ответственности, так как все элементы состава правонарушения тесно взаимосвязаны.

Прежде всего "безвредные" правонарушения не могут быть противоправны, так как хотя противоправность является и объективным основанием ответственности, но не была бы таковой, если бы не "вредность" определенного поведения. Противоправность настолько обусловлена наличием вреда, что ее действительно можно назвать "юридическим выражением вредности (социальной опасности) поведения" /5, с. 133/. В точном соответствии со смыслом слова "безвредные" правонарушения должны быть либо социально полезны, либо социально нейтральны, но утверждать так, значит противоречить здравому смыслу. В "безвредных" правонарушениях вроде бы нет необходимости уста-

навливать причинную связь. Но возможно ли взыскать неустойку за нарушение договора, которое причинно не обусловлено противоправным поведением? Могут ли "безвредные" правонарушения быть виновными? Представляется, что нет. Вина, в любой форме, включает предвидение либо возможность и необходимость предвидения вредных последствий. А если юридически значимых вредных последствий нет? Виновен ли тот, кто совершает поступки, не способные причинить вред? Не более чем любое дееспособное лицо, совершающее осознанные действия.

Если же мы говорим о противоправности, вине, причинной связи как условиях ответственности за "безвредное" правонарушение, то все равно мы вынуждены включать немущественный вред в содержание условий ответственности, если и не как самостоятельный элемент, то как условие, характеризующее другие элементы состава правонарушения. Между тем, признание немущественного вреда самостоятельным условием ответственности позволит сохранить полный состав гражданского правонарушения как единое и единственное основание ответственности для всех видов правонарушений, а ведь это — основная проблема в учении об ответственности,<sup>1</sup> основной пункт разногласий и споров между теоретиками права и цивилистами. Отрицание возможности применения ответственности за немущественный вред не только разрушает состав гражданского правонарушения, но при последовательном теоретическом анализе ставит под сомнение вопрос о том, можно ли вообще уплату неустойки рассматривать в качестве формы гражданско-правовой ответственности. Так, И.Н. Петров считает, что штрафная ответственность "по существу является неосновательным обогащением кредитора, ... обогащением... экономически неоправданным, а создавшим льготные условия его дальнейшей деятельности". Он вносит предложение: "Все производимые должниками выплаты штрафного характера должны поступать в доход бюджета" /6, с.134/. Реализация такого предложения не может дать ни правового, ни экономического эффекта, это сознательный отказ от использования богатых возможностей саморегулирования хозяйственных отношений благодаря деятельности непосредственно заинтересованных организаций.

У рассматриваемой проблемы есть и еще один аспект. Нельзя

---

<sup>1</sup> К рассматриваемому вопросу непосредственно не относится проблема "ответственности без вины", но отметим, что не считаем предусмотренные законом для определенных случаев последствия невинных действий ответственностью.

не видеть, что немущественный вред — категория не только гражданского права. Какую бы отрасль права мы ни взяли, везде обнаруживается, что не только немущественный, но и даже просто нематериальный (формальные составы преступлений в уголовном праве) социальный вред может быть основанием для применения ответственности. Сказанное относится и к административному, и к трудовому, и к семейному, и к уголовному и всем без исключения остальным отраслям права. Это и понятно, так как право охраняет общественные отношения, возникающие не только по поводу вещей, и последние нарушаются не только в связи с повреждением или уничтожением вещи. Принципам всех отраслей права ответственность за немущественный вред не противоречит и с выполняемыми ими функциями согласуется. Может ли гражданское право быть исключением? Может, считают противники ответственности за немущественный вред, на том основании, что гражданское право выполняет наряду с регулятивной и охранительной функциями, функцию компенсационную, а моральный вред компенсировать невозможно, так как компенсация предусматривает эквивалентное возмещение. Между тем "эквивалентность" — более строгое понятие, чем "компенсация" и отождествлять их нельзя. Эквивалентность означает прежде всего равенство, равнозначность /7, с. 1529/. Принципа эквивалентности ответственности нет ни в одной отрасли права и быть не может, так как ответственность не способна создать отношение полностью эквивалентное нарушенному. Это может быть достигнуто только с помощью мер защиты, таких, например, как возврат имущества собственнику из незаконного владения и пр. Если же считать, например, возмещение убытков эквивалентом недопоставленной продукции, утраченной вещи и т.п., то это уже не ответственность, а реальное исполнение обязательств.

Ответственность, действительно, — это кара, а не возмездие, ее меры не могут выражаться в эквивалентном возмещении, но лишь в компенсации, которая предназначена не ликвидировать, а "загладить" причиненный вред. Взыскивая стоимость утраченной или испорченной вещи кредитор получает не эквивалент, а только компенсацию расходов на изготовление или ремонт. Не в меньшей, если не в большей степени компенсационную функцию выполняет и, например, приобретение причинителем вреда радиоаппаратуры гражданину, утратившему зрение, — компенсируется ограниченная возможность общения. Хотя, безусловно, проблема форм компенсации немущественного вреда и

размера ответственности за неимущественный вред еще ждет своего разрешения<sup>1</sup>. Особые сложности возникают при разрешении этого вопроса применительно к деликтным обязательствам /8, с. 59-63; 9, с. 13-29; 10, с. 165-168/, но большой интерес вызывает и попытки определить критерии установления размеров штрафных санкций, особенно в хозяйственных договорах, ведь здесь мы имеем дело с оценкой размера неимущественного вреда.

О необходимости введения в советское гражданское законодательство, а точнее в обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, правила о компенсации неимущественного вреда, пишут многие авторы, хотя правильнее, конечно, говорить не о "возмещении", оно действительно невозможно, а об ответственности за причиненный неимущественный вред. Но не менее важное значение имеет эта проблема и для договорных обязательств, так как во многом благодаря штрафным санкциям обеспечивается воспитательная функция договорной ответственности. Размер возмещаемых убытков не зависит от народнохозяйственного значения нарушенного отношения, а штрафные санкции можно дифференцировать по значимости нарушенных отношений, т.е. по объему причиненного неимущественного вреда. При этом мы не считаем, что любой неимущественный вред должен влечь за собой наступление ответственности, ведь и при причинении имущественного вреда ответственность наступает далеко не всегда (вред, причиненный в состоянии необходимой обороны; вред, причиненный при наличии умысла или неосторожности со стороны потерпевшего). Вопрос о том, какие виды неимущественного вреда должны влечь ответственность и какими должны быть формы его компенсации, должен решить законодатель, определяя сферу общественных отношений, заслуживающих правового регулирования. Эта проблема ждет своего законодательного разрешения, так как в настоящее время в советском гражданском законодательстве препятствий для провозглашения принципа ответственности за неимущественный вред нет ни с точки зрения общетеоретических представлений о сущности и условиях юридической ответственности, ни с точки зрения принципов самого гражданского права, а отдельные нормы гражданско-правовой ответственности за неимущественный вред давно живут и действуют.

---

<sup>1</sup> Подобный опыт имеется в законодательстве ряда социалистических стран. См.: § 444 ГК ЧССР 1964 г., ст. 445 ГК ПНР, Закон об обязательствах и договорах 1950 г. Народной республики Болгарии.

### Использованные материалы

1. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. - М.: Юрид. Лит., 1970.
2. Советское гражданское право. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. - Ч. I.
3. Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда: Утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1981. - № 2. - Ст. 741.
4. Малеин Н.С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. - М.: Юрид. лит., 1985.
5. Явич Л.С. Право и социализм. - М.: Юрид. лит., 1982.
6. Петров И.Н. Ответственность хозорганов за нарушение обязательств. - М.: Юрид. лит., 1974.
7. Советский энциклопедический словарь. - М.: Сов. энциклопедия, 1983.
8. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в Советском гражданском праве: Учеб. пособие. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983.
9. Малеин Н.С. Возмещение вреда, причиненного личности. - М.: Юрид. лит., 1965.
10. Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. - М.: Юрид. лит., 1981.

## МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ГИБЕЛЬ СКОТА НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

В.П. Кельдер  
Тарту

Осуществление основного направления развития народного хозяйства, сформулированного в Программе КПСС, предполагает рациональное хозяйствование, хорошую организацию производства, сбережение материалов и сырья, доведение до минимума производственных расходов. В сельскохозяйственном производстве, как указывается в Программе, необходимо добиться уменьшения зависимости сельскохозяйственного производства от неблагоприятных природных и климатических условий и избежать потери урожая. Выполнение поставленных Программой КПСС требований предполагает умелое использование как механизма хозяйствования, так и человеческого фактора, доведения до минимума вредных последствий человеческой деятельности.

Сельскохозяйственное производство в большей степени, чем иные отрасли народного хозяйства зависит от природных условий и связано с живыми организмами. Справедливо возникает вопрос, должна ли мера ответственности зависеть от особенностей человеческой деятельности, от важности отрасли народного хозяйства, от повышенной осмотрительности, от возможности возникновения вреда при малейших ошибках в человеческой деятельности. Ответственность зависит прежде всего от оценки человеческого поведения, а не от той области, в которой это поведение проявляется. Однако подобную картину можно наблюдать именно при установлении ответственности за гибель скота в сельском хозяйстве. Здесь установлена полная материальная ответственность, причем учитывается значение этой отрасли сельскохозяйственного производства, но не принимаются во внимание особенности возникновения материальных потерь и предъявленные к производственному процессу повышенные требования. Имеются специальные законодательные акты, регулирующие материальную ответственность в случаях причинения ущерба в животноводстве. Постановление Совета Министров Союза ССР от 17 февраля 1954 г. "О материальной ответственности лиц,

виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам" /1/ уточняет ряд вопросов в порядке установления ущерба, причиненного в животноводстве, но не учитывает условий, в которых он причиняется. Ошибки в судебной практике частично вызваны и неясностью самого законодательства. Постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. устанавливает полную материальную ответственность по видам причинения ущерба, а именно: за гибель и хищение скота. Пунктом 13 Примерного устава колхоза установлена полная материальная ответственность и за недостатки скота. В то же время постановление не определяет круг лиц, несущих полную материальную ответственность за гибель, хищение и недостатки животных. Отсюда и возникает многие проблемы в судебной практике.

Институт материальной ответственности должен способствовать интенсивному производству сельского хозяйства. Материальная ответственность выполняет также стимулирующую функцию в отношении причинителя ущерба. Но в действующей форме материальная ответственность за гибель скота полностью не выполняет ни компенсирующей, ни стимулирующей функции. Этим и объясняется обстоятельство, что в судебной практике почти не встречаются иски, предъявляемые колхозами и совхозами. В основном их предъявляют прокуроры в интересах колхозов и совхозов. Так, например, в первом полугодии 1985 г. в Выруском районе Эстонской ССР сумма возмещения ущерба, причиненного в животноводстве, составила лишь 1,4% от всех потерь в животноводстве и 50% взыскано по инициативе прокурора. /2/. Говорит ли этот факт только о равнодушии руководителей сельскохозяйственных предприятий? В некоторых случаях да, но не только. Как правило, каждый руководитель хозяйства заинтересован в возмещении ущерба, причиненного хозяйству, если оно не сопровождается иными неприятностями или даже возможностью причинения еще большего ущерба.

Как известно, в животноводстве ощущается острый дефицит рабочей силы, который вызван рядом обстоятельств, в том числе условиями труда в животноводстве. Не всегда при вознаграждении работников животноводства учитываются более сложные условия труда и повышенные требования. В животноводстве не существует т.н. сезонности работ, как в других отраслях сельского хозяйства, позволяющих получить хотя бы предусмотренный отпуск. Производственный процесс в животноводстве непрерывный, здесь приходится работать и в выходные дни.

Имеет значение и то обстоятельство, что в животноводстве работают главным образом женщины, вынужденные совмещать сложный трудовой процесс с обязанностями жены и матери. Последнее обстоятельство имеет даже прямое отношение к предупреждению возникновения ущерба в животноводстве. Как показывает судебная практика, ущерб взыскивается и тогда, когда соответствующий работник животноводства не совершил вынужденного забоя. Но насколько это требование осуществимо, показывает хотя бы следующее судебное дело. В 2 часа ночи заведующей фермой сообщили о заболевании коровы на ферме. В 3.25 заведующая фермой позвонила главному ветврачу. Последний по телефону дал указания в отношении медикаментов. В 3.37 заведующая снова позвонила главному ветврачу. Теперь было получено указание совершить вынужденный забой. Но как справится с этим женщина, ночью и одна на животноводческой ферме? Как видно из материалов дела, она все же попыталась осуществить забой, но безрезультатно. В 4.06 она побежала к ветврачу. В 4.16 он прибыл на ферму, но к этому времени корова уже погибла. Иск был удовлетворен по той причине, что заведующая фермой не совершила вынужденного забоя /3/. На судебном процессе даже не возникло вопроса о том, возможен ли был вообще вынужденный забой в данных условиях.

Хотя применение правовой ответственности не зависит от условий причинения ущерба, а исключительно от наличия состава правонарушения, правовая ответственность в объективной форме может учитывать условия, при которых она применяется. Это прежде всего относится к размерам ответственности. Размер ответственности за ущерб, причиненный в животноводстве, имеет особое значение потому, что размеры ущерба сравнительно больше. Так, например, стоимость коровы в рассмотренном деле составляла 1021 руб. Это в несколько раз превышает среднюю месячную зарплату заведующего фермой.

Установлением дифференцированной материальной ответственности Примерным уставом колхоза от 1969 г. был решен ряд проблем материальной ответственности в колхозах, но, к сожалению, не в животноводстве. Примерный устав сохранил полную материальную ответственность в случаях, прямо предусмотренных законом. К таким случаям относится и материальная ответственность в животноводстве, где постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. была установлена полная материальная ответственность. Но ни Примерный устав, ни последующее законодательство не учитывали тот факт, что на-

званное постановление было введено в действие за 15 лет до принятия **Примерного устава**.

Несоответствием полной материальной ответственности интересам сельского хозяйства вызван ряд проблем в судебной практике.

Основные теоретические проблемы, как, например, проблемы вины, противоправного поведения, причинной связи, материального ущерба в гражданском и трудовом праве достаточно исследованы и на фоне сельскохозяйственного законодательства особого интереса не представляют. Достаточно эти проблемы отражены и в колхозно-правовой литературе /4, 5/. Но несмотря на это, в судебной практике возникает ряд проблем в связи с установлением состава правонарушения, с квалификацией и учетом особенностей сельскохозяйственного производства.

Чаще всего в судебной практике ущерб, причиненный в животноводстве, взыскивается с колхозников на основе п. 13 **Примерного устава колхоза** в размере 1/3 месячного основного заработка члена колхоза, в то время как иск подлежит удовлетворению по постановлению Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. в полном объеме. Кроме незнания закона здесь наблюдается и стремление судебной практики применить ограниченную материальную ответственность за ущерб, причиненный в животноводстве. То же самое происходит и в случае применения судами трудового законодательства, где вместо специального постановления применяют установленную трудовым кодексом ограниченную материальную ответственность.

Специальная проблема в судебной практике возникла в связи с привлечением руководящих лиц колхоза к материальной ответственности за невыяснение непосредственно виновных лиц в причинении ущерба и за невзыскание ущерба. Такую материальную ответственность предусматривает трудовое законодательство (п. 2 с. 127 КЗоТ ЭССР), и в отношении руководящих лиц совхозов эта норма применима.

Но поскольку в колхозном законодательстве такая специальная норма отсутствует, то судебная практика руководствуется здесь п. 13 **Примерного устава колхоза**. Однако подобная практика противоречит п. 13 **Примерного устава колхоза**, где для руководящих лиц колхоза не установлена дифференцированная материальная ответственность и не установлен подобный состав правонарушения, как в ст. 127 Трудового кодекса ЭССР. И это неслучайно. Подобное положение в колхозном законодательстве вызвано особенностями структуры органов руководства

в колхозе. Основным органом руководства в колхозе служит коллегиальный орган — правление. Наряду с другими вопросами оно рассматривает и вопросы взыскания причиненного материального ущерба. Председатель колхоза единолично эти вопросы не решает и, естественно, не несет ответственности. По одному конкретному делу Верховный Суд ЭССР подобное решение по причине неправильной квалификации отменил /6/, но по всем остальным делам решения народных судов оставлены в силе /7/.

Неоправданным является одновременное взыскание ущерба с непосредственных виновников и руководящих лиц, не принявших мер по выяснению непосредственных причинителей ущерба и по его взысканию. Так, прокурором был представлен иск против бригадира фермы и зоотехника на сумму 761 руб. за гибель подтелка. Народный суд привлек в качестве ответчиков еще главного ветеринарного врача и председателя колхоза и в окончательном расчете взыскал ущерб и с главного ветеринарного врача, поскольку он не выяснил причины гибели животных. Верховный суд ЭССР отменил решение, так как невыяснение причин гибели скота не является причиной возникновения ущерба /8/. Но по той же причине по другому делу иск прокурора к главному ветеринарному врачу и главному зоотехнику совхозтехникума был удовлетворен /9/.

Иск против нескольких лиц может быть удовлетворен тогда, когда ущерб причинен их совместными действиями. Невыяснение причин гибели скота, непосредственных виновных, невзыскание ущерба и непосредственное его причинение не являются совместными действиями. Поэтому и квалификация этих действий, а также размер взыскиваемого ущерба различны. Кажется, что одной из причин подобной судебной практики становится стремление привлечь к ответственности как можно большее число лиц, чтобы таким путем уменьшить долю взыскиваемого ущерба. Ведь так или иначе специалисты в животноводстве в какой-то степени причастны к причинению ущерба.

В колхозном законодательстве по примеру трудового права также следовало бы установить дифференцированную материальную ответственность руководящих лиц.

Иногда народными судами иски оставляются без удовлетворения из-за отсутствия договора о полной материальной ответственности /10, 11/. Договор служит самостоятельной основой возникновения полной материальной ответственности, но только тогда, когда такая ответственность не установлена законом. Если же полная материальная ответственность уже установлена

законом, то договор о полной материальной ответственности никакого правового значения не имеет.

Неясности в судебной практике в квалификации материальной ответственности встречаются и при взыскании ущерба, причиненного в результате вынужденного забоя. Нельзя согласиться с мотивом Верховного суда ЭССР, что вынужденный забой отравившихся или заболевших свиней следует рассматривать как гибель скота /12/. В результате вынужденного забоя может и вообще не быть имущественного ущерба. Только при возникновении разницы в стоимости животных (напр., племенного скота) и мяса последует полная материальная ответственность в размере разницы в стоимости.

Вынужденный забой является последним средством предотвращения ущерба в животноводстве. Поэтому постановлением Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. и не предусматривается полной материальной ответственности за ущерб, возникший вследствие вынужденного забоя. Действия, в результате которых возникает ущерб и после совершения вынужденного забоя, иные, чем в случае гибели скота. Поэтому и материальная ответственность последует по общим нормам права, регулирующим материальную ответственность.

Одним из более сложных вопросов в судебной практике является выявление круга лиц, виновных в причинении ущерба в животноводстве. Здесь ярче всего проявляются особенности сельскохозяйственного производства. С животноводством связано большое количество лиц, и каждый из них выполняет своеобразные функции. С конечными результатами производства в животноводстве связаны строители, работники транспорта, изготовители кормов, работники комбикормовых заводов, электрики, разного рода специалисты и главные специалисты, а в конечном счете и работники животноводства. Ущерб в животноводстве может быть результатом деятельности многих работников. Особенно остро возникает вопрос в случае гибели скота по причинам неудовлетворительных условий содержания, откормления порченными кормами и т.д. Вопрос о материальной ответственности на практике поднимается только после того, как возник ущерб в результате гибели скота. Но в судебной практике еще не было случаев, чтобы к материальной ответственности привлекались лица, виновные в порче кормов или в некачественном строительстве животноводческих помещений. Именно уже здесь проявляется либерализм и безответственность конкретных работников. Если корма испорчены, то животноводы

в этом невиновны и иногда у них нет другого выхода, как кормить скот порчеными кормами. Если это сопровождается гибелью скота, то уже трудно установить непосредственного виновника. Нет единства и в судебной практике. За гибель скота вследствие неудовлетворительных условий его содержания в одном колхозе привлечены к ответственности одни, в другом — другие лица. Так, по одному делу за гибель скота вследствие плохих условий содержания к ответственности привлечены зоотехники, заведующий фермой и телятница. По другому же аналогичному делу иск удовлетворен к главному инженеру-энергетику, главному инженеру-строителю и главному зоотехнику /13/. Возник даже вопрос о привлечении к ответственности за гибель скота проектировщиков животноводческих помещений.

Ущерб в виде недостачи скота судами взыскан: с пастуха /14/, свиноводки, зоотехника и главного зоотехника /15/ и с бригадира свиноводческой фермы /16/. Как видно из круга лиц, привлеченных к материальной ответственности за недостачу скота, ни на сельскохозяйственных предприятиях, ни в судебной практике нет ясности в том, в обязанность кого входит учет скота на животноводческих фермах. Подобное положение характерно для многих областей в сельскохозяйственном производстве. Это существенный недостаток организации работы в колхозах и совхозах. По существу дело здесь в точном определении трудовых функций и служебных обязанностей работников. В судебной практике даже мотивом отказа в удовлетворении иска приводится обстоятельство, что работники не были осведомлены о своих обязанностях /17/. Многие колхозы и совхозы уже давно осознали необходимость точного определения трудовых функций и служебных обязанностей рабочих и в порядке научной организации труда выработали должностные инструкции специалистов и руководящих лиц. По-видимому, эта работа не доведена до конца или же не хватает последовательности в их осуществлении. Своевременно не реагируется на невыполнение служебных обязанностей, на нарушение трудовой дисциплины, принимается недоброкачественная работа. В конкретном случае их последствия кажутся минимальными. Но особенность сельскохозяйственного производства в том и состоит, что цепь развивается дальше и может в конечном счете привести к тяжелым последствиям. Поэтому прокурорскому надзору следовало бы обратить большее внимание на порядок и качество сельскохозяйственных работ вообще и реагировать уже на этой стадии. Гибель скота — это последний этап во всей цепи сельскохозяйст-

венного производства и реагировать только на последние последствия — слишком поздно. Этим не предупреждается последствие, а только фиксируется случившееся.

С правового аспекта здесь возникает вопрос о наличии причинной связи между действиями или бездействием и последствиями. В судебной практике редко поднимается вопрос о наличии действительной причинной связи между различными обстоятельствами и непропорциональными последствиями. Безусловно, ошибки в проектировании животноводческих помещений состоят в причинной связи с гибелью скота вследствие условий содержания. Так, например, неправильное проектирование наклона пола в животноводческих помещениях может находиться в причинной связи с повешением животных. Но создавали ли эти факторы только абстрактную возможность для последствия или потребовались еще факты, превратившие возможность в действительность. Нередко в судебной практике к материальной ответственности привлекаются лица, действия которых не находятся в одинаковой причинной связи с последствиями. Ущерб взыскивается как с главных специалистов, специалистов среднего звена, так и с непосредственных работников животноводческих ферм. Но наступающие последствия от их действий или бездействий не находятся в одинаковой зависимости. Так, причиной гибели коровы установили заболевание печени. Единственной возможностью предупредить возникновение материального ущерба был бы вынужденный забой. Кого здесь считать виновным в гибели скота? По чьей вине возникли заболевания печени? Известно, что подобные заболевания вызваны кормлением испорченными кормами или слишком большими порциями кислого силоса. Как видно, причины кроются в организации производственного процесса, а в конечном счете виновником признали неповинного бригадира, который не организовал постоянного дежурства на ферме /8/.

Чаще в судебной практике возникает вопрос о наличии вины и противоправности действия. И здесь судебная практика не всегда учитывает установленные критерии о наличии вины и противоправности действия. Так, например, к ветеринарному врачу был предъявлен иск в размере 315 руб. 7 декабря ему сообщили о заболевании откормленной свиньи. На месте ветврач поставил диагноз — невррит — и назначил соответствующее лечение. Но поскольку положение не изменилось, то 9 декабря он отправил свинью на мясокомбинат. Однако по дороге свинья скончалась. Окончательный диагноз установил заражение крови

из-за перелома крестца. Поводом к удовлетворению иска явился неправильный диагноз, соответственно и неправильное лечение и несвоевременное проведение вынужденного забоя /18/. Но в чем заключалось противоправное поведение ветеринарного врача, из материалов не явствует. Мог ли ветеринарный врач предотвратить последствия своего поведения, возможен ли вообще диагноз в подобных случаях, когда наступает последний момент для вынужденного забоя? Если сравнивать данный случай с медицинской практикой, то сколько поставлено там неправильных диагнозов, несмотря на то что в распоряжении медиков находится современная техника!

Кажется, что судебная практика стремится удовлетворить иски, игнорируя основные условия материальной ответственности, надеясь тем самым укрепить сохранность социалистической собственности, охраняя интересы сельскохозяйственных предприятий. Но подобное представление ошибочно. Несправедливые решения не стимулируют отношения работников сельского хозяйства к своим обязанностям. Снижается авторитет пристов. Работники сельского хозяйства справедливо упрекают пристов в незнании жизни. Если судебные и прокурорские работники хотя бы раз увидели в всячем положении огромного быка, то они никогда бы не стали обвинять рядом стоящего бригадира в том, что тот ничего не предпринял для спасения быка /19/.

Отсюда вытекает вполне оправданное предложение работников сельского хозяйства установить и в животноводстве нормы естественной убыли. Подобные нормы естественной убыли установлены в торговле и в других отраслях народного хозяйства, где имеется дело с вещами. Тем более оправданы такие нормы там, где речь идет о живых организмах, где на каждом шагу возможны несчастные случаи. Несчастные случаи с животными имеют место и в индивидуальном секторе, где ухаживают только за 1-2 животными. Чем больше размеры хозяйства, тем больше возможностей для возникновения различных непредвиденных обстоятельств, приводящих к гибели скота. Так, например, в колхозе Каарма Кингиссепского района ЭССР погибло несколько телят, которые оказались задушенными. В каждом конкретном случае обстоятельства были различными. В одном случае звенья цепи оказались слишком узкими, а в другом - слишком широкими. Учитывая сказанное, постановлением Президиума Агропрома ЭССР от 13 сентября 1985 г. и были установлены соответствующие нормы т.н. технической убыли в животноводстве.

Ряд вопросов возникает и в связи с порядком установления ущерба. По п. 13 Примерного устава колхоза размер действительного ущерба определяется правлением колхоза. Решением Президиума агропрома ЭССР от 29 сентября 1985 г. в обязательном порядке в колхозах и совхозах должны быть образованы специальные комиссии по расследованию причин гибели скота. Утверждена и инструкция о порядке работы этой комиссии и состав комиссии. Состав названной комиссии в колхозе утверждается правлением, и по указанию Президиума агропрома ЭССР в обязательном порядке в нее входит и юрист колхоза. С точки зрения необходимости всестороннего анализа причин гибели скота подобные комиссии не вызывают никаких возражений. Но в обязанность их входит и внесение предложений правлению колхоза о взыскании ущерба. С этим предложением правление может согласиться, но может и отклонить его. Именно юрист колхоза обязан обеспечить юридическое исполнение решения правления. Если же правление колхоза не соглашается с предложением комиссии, то юрист обязан юридически исполнить решение, по поводу которого он уже высказал свое мнение. Юрист не должен входить в состав таких комиссий, решения которых он обязан выполнять. Юрист в таком случае теряет свою самостоятельность и становится зависящим от решений подобной комиссии. Однако при решении различных юридических вопросов юрист руководствуется только законом.

Некоторые неясности возникают и из действующего законодательства. По постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. "О практике применения судами законодательства при разрешении споров, одной из сторон в которых является колхоз или межколхозная организация" /20/ полная материальная ответственность наступает и тогда, когда ущерб причинен не при исполнении трудовых обязанностей. Такое же правило содержится и в п. 6 ч. I ст. 128 Трудового кодекса Эстонской ССР. В комментариях под таким ущербом понимается ущерб, связанный с самовольным использованием средств производства или иного имущества предприятия в личных интересах /21, с. 273/. Но названное постановление Пленума Верховного Суда СССР содержит в качестве самостоятельного основания полной материальной ответственности самовольное использование тракторов, автомобилей, сельскохозяйственных машин и рабочего скота. Возникает вопрос: когда же колхозник несет материальную ответственность по нормам гражданского права?

Разница здесь существенная. По нормам колхозного права возмещается только действительный ущерб, по нормам гражданского права — и упущенная выгода. В литературе справедливо отмечается, что ответственность за самовольное использование техники в колхозах является обычным деликатным правонарушением, где ответственность наступает по нормам гражданского права, а соответствующие нормы в Примерном уставе колхоза и в трудовом праве имеют только отсылочное значение /22, с.89/. Поскольку специальным законодательством предусматривается возмещение только стоимости погибших животных по установленным ценам, то в гражданском праве также подобная ответственность признается исключением, но все же гражданско-правовой ответственностью /22, с. 383/.

На наш взгляд, при причинении ущерба вне исполнения трудовых обязанностей нет никакого повода делать исключение в гражданско-правовой деликтной ответственности.

Таким образом, речь идет не об ослаблении материальной ответственности за гибель скота в сельском хозяйстве, а о том, как своевременно избежать подобных случаев, об установлении порядка во всех звеньях сельскохозяйственного производства и о роли органов прокуратуры и судебных органов в этом деле.

#### Использованные материалы

1. О материальной ответственности лиц, виновных в гибели или хищении скота, принадлежащего колхозам и совхозам: Постановление Совета Министров СССР от 17 февраля 1954 г. // Справочник председателя колхоза. — М.: Колос, 1983.
2. Капу У., Роос М. *Mõisa köis*. — *Rahva Nääl*. — 1986. — 7. jaan.
3. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/523-84.
4. Титова Н.И. Материальная ответственность работников сельскохозяйственных предприятий. — М.: Юрид. лит., 1978.
5. Романов В.И. Возмещение ущерба в сельском хозяйстве // Сов. гос-во и право. — 1984. — № 8.
6. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/752-84.
7. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/273-84.

8. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/273-84.
9. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/752-83.
10. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2-144-83.
11. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/318-83.
12. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/233-83.
13. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/317-83.
14. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/144-83.
15. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/212-83.
16. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/218-83.
17. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-3/8-83.
18. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/561-83.
19. Гражданское дело Верховного суда ЭССР № 2-2/629-84.
20. О порядке применения судами законодательства при решении споров, одной из сторон в которых является колхоз или межколхозная организация: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 г. //Бюлл. Верховного Суда СССР. - 1979. - № 4; 1981. - 3.
21. Eesti NSV töökoodeks; Kommenteeritud väljaanne / Koost. J. Mäll. - Tln.: Eesti Raamat, 1978.
22. Советское гражданское право. - Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1971. - Т. 2.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ  
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО МАТЕРИАЛЬНУЮ  
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ

И.М. Орго  
Тарту

В политическом докладе Центрального Комитета КПСС XXVII съезду КПСС обращается внимание на необходимость изменить отношение трудящихся к социалистической собственности, воспитывать у них чувство хозяина и углублять социалистическое самоуправление /1, с. 46/.

В деле воспитания чувства хозяина и обеспечения сохранности социалистической собственности важное значение имеют правовые нормы, регулирующие материальную ответственность рабочих и служащих за причиненный предприятиям, учреждениям или организациям ущерб, и целенаправленное и обоснованное применение этих правовых норм.

Результаты социологических исследований показали, что чем целенаправленнее администрация предприятия применяет в отношении к причинителям ущерба материальную ответственность, тем меньший вред наносится имуществу предприятия, и наоборот: там, где администрация с безразличием относится к социалистической собственности и ее сохранности, число причинений ущерба возрастает /2, с. 62/.

То, как администрация предприятий выполняет свои обязанности по обеспечению сохранности социалистического имущества, в значительной мере зависит и от деятельности правоохранительных органов, и в первую очередь от работы органов суда и прокуратуры. Ознакомление с практикой Верховного Суда Эстонской ССР, в частности, с делами о материальной ответственности рабочих и служащих, показало, что судебные органы республики проделали большую и плодотворную работу по обеспечению охраны социалистической собственности и в деле повышения чувства ответственности рабочих и служащих. Органы прокуратуры постоянно следят за тем, чтобы ни один случай причинения ущерба не оставался нераскрытым, а подлежащий возмещению ущерб — невзысканным.

Одновременно следует отметить, что при решении некоторых вопросов, касающихся материальной ответственности, в практике нет еще полного единодушия и последовательности. Это обусловлено прежде всего существующими в законодательстве пробелами, допускающими различные толкования. Ниже мы остановимся на некоторых из них, представляющих собой спорные вопросы.

1. В соответствии с п. 8 утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. "Положения о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации" /3/ и п. 2 ст. 127 КЗоТ Эстонской ССР руководящие работники предприятий в предусмотренных законом случаях несут за причиненный ими ущерб ограниченную материальную ответственность в пределах своего среднего месячного заработка. Эта ответственность применяется в отношении указанного в законе круга лиц, в который входят руководители предприятий, учреждений и организаций, их заместители, а также руководители структурных подразделений и их заместители. В точности определены и конкретные случаи причинения ущерба, в части которых применяется подобная ответственность. С руководящих работников взыскивается ущерб в размере их среднего месячного заработка в случае причинения ими предприятию материального ущерба путем выплаты излишних денежных сумм, неправильной постановки учета и хранения материальных и денежных ценностей, непринятия необходимых мер к предотвращению простоев, выпуска недоброкачественной продукции, хищений, уничтожения, и порчи материальных или денежных ценностей.

В размере среднего месячного заработка руководящие работники несут ответственность перед предприятием, если ущерб был вызван неисполнением или ненадлежащим исполнением служебных обязанностей (организационно-управленческих трудовых функций) /4, с. 24/. При ненадлежащем исполнении трудовых функций организационно-управленческого характера материальный ущерб предприятиям зачастую наносится на протяжении продолжительного времени, а в некоторых случаях - даже различными правонарушениями руководящих работников. Например, администрация Таллинского мясокомбината предъявила в народный суд иск против начальника цеха о взыскании с него средней месячной зарплаты для возмещения причиненного им комбинату материального ущерба. Ущерб в общей сумме составил 14 758 рублей и 13 копеек и был причинен фиктивным оформлением на-

чальником цеха вывоза мусора, погрузочных и других работ. По его вине комбинат уплатил еще и штрафы. Народный суд удовлетворил иск и взыскал с начальника цеха в пользу комбината лишь сумму, равную его среднему месячному заработку, несмотря на то, что ущерб был причинен в результате различных лишних выплат /5/.

В судебной практике аналогичные случаи встречаются довольно часто. Если администрация не взыскивает с руководящих работников компенсацию за причиненный ими ущерб и это обнаруживают органы прокуратуры, то последние предъявляют заявление в суд о взыскании с виновного причиненного им ущерба в пользу предприятия, однако, как правило, и на сей раз лишние выплаты суммируются, и взыскиваемая сумма равна среднему месячному заработку. Это относится и к случаям, когда ущерб причинялся на протяжении продолжительного периода времени различными правонарушениями /6/.

В связи с этим возникает вопрос: должны ли руководящие работники, причинившие предприятию материальный ущерб путем излишних денежных выплат или иным зафиксированным в п. 2 ст. 127 КЗоТ ЭССР путем, нести ответственность за каждый случай причинения вреда в отдельности, или все случаи причиненного ущерба можно суммировать и взыскивать для их возмещения средний месячный заработок лишь однократно?

Согласно общим принципам применения материальной ответственности, рабочие и служащие должны возмещать предприятию причиненный их противоправным виновным поведением ущерб в каждом конкретном случае. Никаких исключений в данном правиле для руководящих работников не имеется. Например, если директор предприятия одновременно увольняет нескольких работников и всех с явным нарушением закона, то за ущерб, причиненный этим действием директора предприятию, он несет материальную ответственность, причем за каждый отдельный случай увольнения в отдельности. Именно такому принципу необходимо следовать и в деле применения материальной ответственности руководящих работников согласно п. 2 ст. 127 КЗоТ ЭССР. На правильность такого решения вопроса указывалось и в специальной литературе /7, с. 17-18/, однако на практике мы нередко сталкиваемся с иным. В связи с этим возникает положение, при котором возмещение причиненного ущерба в результате упущений в организационно-управленческой деятельности зависит от усмотрения администрации (иск о взыскании ущерба предъявляется в суд не в каждом случае причинения ущерба,

а лишь после повторного его причинения), либо от обнаружения органами прокуратуры оставшегося невозмещенным предприятию ущерба. Если ущерб обнаруживается непосредственно после первого его причинения, руководящий работник лишается в целях его возмещения своей средней месячной зарплаты. Но и тогда, когда ущерб обнаруживается лишь после того, как по вине руководящего работника предприятие неоднократно вынуждено было производить излишние денежные выплаты, возмещение причиненного этим ущерба также выражается в сумме, равной лишь среднему месячному заработку виновного. Таким образом, при применении п. 2 ст. 127 КЗоТ ЭССР возникает явное противоречие, наличие которого не способствует охране социалистической собственности и не дисциплинирует руководящих работников при выполнении ими своих должностных обязанностей.

Само собой разумеется, что руководящие работники могут быть привлечены к ответственности лишь тогда, когда ущерб причинен противоправным и виновным поведением. Если они сделали все от них зависящее и все же несмотря на это не смогли предотвратить данный ущерб, материальная ответственность к ним не применяется.

2. В последние годы участились случаи обсуждения в суде дел, касающихся материальной ответственности, на основании заявления прокурора. Это свидетельствует о том факте, что администрации предприятий не всегда выполняют свои обязанности при расследовании обстоятельств причинения ущерба, выявлении виновных и взыскании с них причиненного ущерба. С обращением прокурора в суд в интересах предприятия актуализируется проблема срока давности. Ведь прокурор, как правило, обнаруживает невозмещенный предприятию материальный ущерб во время проведения проверки в порядке общего надзора. Но предприятия подвергаются проверке периодически. И таким образом может случиться, что к тому времени, когда прокурору станут известны обстоятельства причинения ущерба, установленный для предприятия законом срок исковой давности уже истек.

В соответствии со ст. 90 Основ трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и ч. 2 ст. 219 КЗоТ ЭССР срок обращения администрации в суд о взыскании с работника причиненного им предприятию материального ущерба — один год со дня обнаружения этого ущерба. Этот срок применяется и при обращении в суд в порядке подчиненности вышестоящего органа или прокурора. В п. 24 Постановления Верховного Суда СССР от

23 сентября 1977 г. "О применении законодательства, регулирующего материальную ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению или организации" указывается, что днем обнаружения причиненного ущерба необходимо считать тот день, когда администрация предприятия, а в ряде случаев в порядке подчиненности администрация вышестоящего органа, была поставлена в известность о причиненном ущербе. Если ущерб выявлен в результате инвентаризации материальных ценностей, а также при ревизии или проверке финансово-хозяйственной деятельности предприятия, днем обнаружения ущерба следует считать день составления соответствующего акта или заключения /8/. Если же ущерб состоит в выплаченных по вине работника суммах, то у предприятия возникает право регрессного требования по отношению к работнику со дня выплаты соответствующих сумм третьим лицам /9, с. 70/ и срок давности начинает исчисляться со следующего за этим дня.

В рассмотренном случае вопрос сводится к тому, с какого момента считать ущерб выявленным прокурором. Некоторые органы прокуратуры придерживаются точки зрения, согласно которой срок давности для прокурора начинает истекать с того момента, когда он получает сообщение о причинении ущерба. При этом не имеет значения, когда это было обнаружено администрацией предприятия. Народный суд нередко оставляет подобные иски без удовлетворения вследствие истечения срока давности, исчисляя срок со времени обнаружения ущерба администрацией предприятия /10/.

Верховный Суд Эстонской ССР придерживается точки зрения, согласно которой предусмотренные ст. 90 Основ трудового законодательства Союза ССР и союзных республик давностные сроки следует применять в отношении исков прокурора на общих основаниях. В то же время Верховный Суд поясняет, что деятельность судов должна всячески содействовать охране государственного и общественного имущества. Если срок исковой давности истек по уважительной причине, суд восстанавливает его. Если для восстановления срока нет оснований, суд обязан привлечь к процессу соответствующее должностное лицо предприятия, в обязанности которого входит взыскание причиненного ущерба с работника, и решить вопрос о материальной ответственности этого должностного лица /11/.

Описанное выше мнение, на наш взгляд, вполне оправдано. Оно находится в соответствии с Постановлением Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. и ему необходимо следовать

при решении всех дел, касающихся материальной ответственности, в которых вопрос рассматривается на основании заявления прокурора.

Исчисление истечения срока давности с того времени, когда причинение ущерба становится известным прокурору, нельзя считать правильным по следующим причинам. Прокурор предъявляет исковое заявление о взыскании ущерба с работника в интересах предприятия; таким образом, истцом является предприятие. Если встать на ту точку зрения, что истечение годового срока давности следует отсчитывать со дня обнаружения прокурором невозмещенного предприятию ущерба, возникает положение, при котором прокурор может предъявить заявление о взыскании ущерба в пользу предприятия и в том случае, когда с момента причинения ущерба прошли годы. Такое решение вопроса позволило бы практически вообще не учитывать срок давности.

Что же касается задачи суда всячески содействовать обеспечению охраны социалистической собственности и бороться с причинением ущерба путем растрат, хищений, порчи и пр., то эту задачу суд действительно может решить путем применения материальной ответственности к должностным лицам, по вине которых причиненный предприятию ущерб не был взыскан вследствие истечения срока давности.

3. В связи с вышеизложенным встает следующий вопрос. В каком объеме несет материальную ответственность должностное лицо, которое не взыскало с подчиненных ему рабочих или служащих причиненного ими предприятию материального ущерба несмотря на то, что ущерб был причинен в результате их противоправного виновного поведения?

По указанному вопросу высказано мнение, согласно которому администрации не вменено в обязанность взыскивать ущерб, такую обязанность необходимо предусмотреть в законодательстве /2, с. 61-62/. Следовательно, к представителям администрации в этих случаях невозможно было применить и материальную ответственность. В настоящее время обязанность администрации в организации расследования и взыскания с виновных причиненного ими ущерба сомнения не вызывает, так как об этом имеются ссылки в ряде постановлений правительства. Однако, по нашему мнению, администрация была обязана взыскать такой ущерб и раньше.

Согласно утвержденным постановлением Государственного комитета по труду и социальным вопросам СССР от 20 июля

1984 г. "Типовым правилам внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций", основной обязанностью администрации является обеспечение строгого соблюдения трудовой и производственной дисциплины /13, с. 7/. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 г. обязывает хозяйственных руководителей планомерно и целенаправленно вести работу, направленную на всестороннее укрепление трудовой дисциплины и улучшение организованности и порядка на предприятиях и в организациях /14/.

Если расследование причиненного предприятию ущерба, выявление виновных и взыскание с них соответствующей компенсации не организовано, нельзя говорить об обеспечении порядка и дисциплины, и ответственность за это должны нести сами руководители. Особо стоит вопрос о том, в каком объеме должны нести материальную ответственность директор предприятия или его заместитель.

В данном случае предприятие потерпит ущерб именно вследствие упущений в организационной деятельности руководителя, в связи с тем, что последним не обеспечивается сохранность социалистической собственности. Правда, в п. 8 Положения, регулирующего материальную ответственность рабочих и служащих, и в п. 2 ст. 127 КЗоТ ЭССР конкретно не указано, что руководители предприятий и их заместители, а также прочие перечисленные в них лица несут материальную ответственность в размерах до одного месячного заработка, если причиненный по их вине предприятию ущерб так и остался невозмещенным. Названное предписание предусматривает ответственность за неправильную организацию учета и хранения материальных или денежных ценностей и неприменение необходимых мер с целью предотвращения растрат, уничтожения и порчи этих ценностей. Если причиненный предприятию ущерб не взыскивается, значит налицо неправильная организация учета и хранения материальных ценностей. Таким образом, в сущности в рассмотренных случаях правильно было бы применить к виновным должностным лицам материальную ответственность в размере их среднемесячного заработка, исключая, естественно, те случаи, когда в их поведении обнаруживаются признаки уголовно наказуемого деяния, которым сопровождается полная материальная ответственность.

Предусмотренный законом срок исковой давности для взыскания с должностного лица причиненного ущерба следовало бы

исчислять, начиная со времени истечения срока давности в отношении непосредственного причинителя вреда.

4. Согласно п. 7 Постановления Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. материальную ответственность в размере до месячного заработка можно применять в качестве как основной, так и дополнительной (субсидиарной) ответственности. При этом в постановлении пленума поясняется, что, если выявлены лица, непосредственно виновные в причинении ущерба путем растраты, уничтожения или порчи материальных ценностей, непосредственные причинители ущерба несут материальную ответственность согласно размерам, установленным соответствующим законодательством. Должностные лица, перечисленные в п. 8 Положения и п. 2 ст. 127 КЗоТ ЭССР несут в этих случаях ответственность в размере своего месячного заработка лишь за ту часть ущерба, которая не была компенсирована непосредственными причинителями ущерба. При этом общая подлежащая взысканию сумма не должна превышать суммы причиненного ущерба.

Поскольку в постановлении пленума Верховного Суда СССР говорится о субсидиарной ответственности в связи с растратой, уничтожением и порчей материальных ценностей укоренилось представление, будто в случае причинения ущерба в результате излишних денежных выплат субсидиарная ответственность не применяется.

Приведем соответствующий пример из судебной практики. И.П. работал на консервном комбинате инженером строительно-ремонтного цеха. В его трудовые обязанности входило составление нарядов. Наряды утверждал начальник цеха.

При ревизии работ строительно-ремонтного цеха было установлено, что И.П. составлял фиктивные наряды, на основании которых безосновательно было выплачено 180 руб. 25 коп. И эти наряды также были утверждены начальником цеха.

Администрация комбината наказала инженера в дисциплинарном порядке и предъявила иск в суд с целью взыскания с него причиненного им ущерба в размере одной трети его месячной тарифной ставки. Народный суд удовлетворил иск и взыскал с инженера в пользу комбината сумму в размере 31 рубля 67 копеек. В отношении к начальнику цеха материальная ответственность применена не была, несмотря на то, что он утверждал фиктивные наряды и тем самым содействовал осуществлению излишних денежных выплат /15/.

На наш взгляд, субсидиарную ответственность следовало бы применить в отношении должностных лиц, перечисленных в п. 2

ст. 127 КЗоТ ЭССР, во всех случаях причинения ущерба, предусмотренных в этом предписании, в том числе и в случае излишних денежных выплат, если эти должностные лица своей деятельностью содействовали причинению вреда.

5. Согласно установленному порядку, рабочие и служащие несут материальную ответственность за причиненный ущерб в полном объеме в том случае, если с ними был заключен соответствующий письменный договор, предусматривающий охрану переданных им материальных ценностей (п. 1 ч. 1 ст. 128 КЗоТ ЭССР). Полную материальную ответственность эти работники несут лишь за те материальные ценности, которые согласно договору были им переданы с целью хранения, продажи, обработки и т.п. Если они причиняют предприятию ущерб иным путем, они несут ответственность по иным предусмотренным законодательством основаниям.

В связи с вышеизложенным в специальной литературе, а по общему правилу и в судебной практике, пришли к выводу, что если лицо, с которым заключен договор о полной материальной ответственности, причиняет ущерб неправильным оформлением акта приемки материальных ценностей (например, предприятие не может вследствие встречающихся в акте ошибок взыскать с поставщика существующую в поставке недостачу), то тогда этот работник несет за причиненный ущерб ограниченную материальную ответственность /16, с. 44/.

Это мнение бессмысленно оспаривать, если достоверно установлено наличие недостачи, а при оформлении этого обстоятельства составитель акта допустил ошибки, вследствие чего поставщик не удовлетворил претензию, да и арбитраж не решил спора в пользу предприятия. На практике же при приемке товаров и продукции встречаются нарушения и иного порядка. Приведем пример.

Из швейной фабрики на склад горисполкома СНД поступила партия джинсовых брюк. Согласно акту о приемке товара, подписанному заведующим склада, товароведом и представителем общественности была установлена недостача. Претензию швейная фабрика отклонила, ссылаясь на то, что при приеме товара была повреждена упаковка, в которой обнаружена недостача, хотя проверка количества была возможна без повреждения упаковки. Управление торговли горисполкома СНД просило взыскать с заведующего склада сумму недостачи. Исковое требование мотивировано тем, что ответчиком заключен договор о полной материальной ответственности. Проверкой установлено, что пред-

ставитель общественности не присутствовал при обнаружении недостачи, акт составил ответчик, представитель общественности подписал акт потом.

Народный суд применил полную материальную ответственность в отношении ответчика. Судебная коллегия Верховного Суда ЭССР оставила решение народного суда в силе /17/.

Хотя по указанному делу недостача оформлена при приемке товара, по нашему мнению, решение суда является обоснованным. Ответчик не доказал наличие недостачи в поставке, так как акт недействителен, и ущерб мог возникнуть и после принятия товара. В таких случаях рабочие и служащие должны отвечать перед предприятием за причиненный ущерб на основании письменного договора о полной материальной ответственности.

#### Использованные материалы

1. Горбачев М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. - Таллин: Ээсти Раамат, 1986.
2. Свиридов С.А. Эффективность правовых норм о материальной ответственности рабочих и служащих. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982.
3. Положение о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1976. - № 29. - Ст. 427.
4. Белинский Е.С., Фесенко Н.М. Материальная ответственность в торговле. - М.: Экономика, 1983.
5. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/50 1985 г.
6. Гражданское дело № 2-2/751 1985 г.; Гражданское дело № 2-2/541 1983 г.; Гражданское дело № 2-2/191 1984 г.
7. Ставцева А.И. Рассмотрение дел о материальной ответственности рабочих и служащих: Комментарий судебной практики за 1978 год. - М.: Юрид. лит., 1979.
8. О применении законодательства, регулирующего материальную ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению или организации: Постановление Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 // Бюллетень Верховного Суда СССР. - 1977. - № 6.

9. Паюгин В.Е. Материальная ответственность рабочих и служащих. - М.: Знание, 1979.
10. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/450 1985 г.,  
Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/451 1985 года.
11. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/752 1985 г.
12. Свиридов С.А. Эффективность правовых норм о материальной ответственности рабочих и служащих. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982.
13. Типовые правила внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций: Утв. постановлением Государственного комитета по труду и социальным вопросам СССР от 20 июля 1984 г. // Бюллетень Госкомтруда СССР - 1984. - № II.
14. Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда: Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 28 июля 1983 г. // СП СССР. - 1983. - № 21. - Ст. 115.
15. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/632 1982 г.
16. Шеломов Б.А. Возмещение материального ущерба, причиненного предприятию. - М.: Юрид. лит., 1984.
17. Гражданское дело Верховного Суда ЭССР № 2-2/803 1983 г.

## ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В МОРСКОМ ФЛОТЕ

Ю. А. Пыльд

Тарту

Под дисциплинарным производством нами понимается процедура применения дисциплинарных взысканий. В морском флоте дисциплинарное производство регулируется главным образом нормами Устава о дисциплине работников морского транспорта /17/, заменившего 25 мая 1964 г. принятый в 1949 г. Устав о дисциплине работников морского транспорта СССР, который действовал в редакции постановления Совета Министров СССР от 11 июня 1964 г. № 496 /10/<sup>1</sup>.

Дисциплинарное производство состоит, на наш взгляд, из следующих стадий: во-первых, возбуждение и расследование руководителем дела; во-вторых, вынесение руководителем решения о необходимости привлечения работника к дисциплинарной ответственности и выбор применяемой меры ответственности; в-третьих, предварительное согласование избранной руководителем меры ответственности с компетентным органом, если это требуется законодательством, и, в-четвертых, издание приказа и привлечение работника к дисциплинарной ответственности, которое часто сопровождается официальным сообщением сотрудникам, а иногда и некоторым другим лицам о совершенном проступке и применяемых мерах ответственности.

На всех стадиях дисциплинарного производства действует предусмотренная п. 30 Устава обязанность руководителя передавать материалы о правонарушениях, за совершение которых установлена уголовная ответственность, соответствующим органам.<sup>2</sup> Однако это требование нельзя рассматривать как запрет на наложение дисциплинарного взыскания. Имея в виду обоснованность привлечения за одно и то же нарушение как к уголовной, так и к дисциплинарной ответственности, было бы

---

<sup>1</sup> В дальнейшем соответственно — Устав и Устав 1964 г.

<sup>2</sup> В случае совершения на судне, находящемся в плавании, преступления капитан судна сам выполняет функции органа дознания /4, ч. 1 ст. 59/.

правильно в Уставе прямо предусмотреть, что руководитель, по мнению которого в деянии работника имеется состав преступления, прекращает дисциплинарное производство и передает материалы соответствующим органам.

На всех стадиях дисциплинарного производства, по-видимому, за исключением второй, действует также предусмотренное п. 32 Устава требование, в соответствии с которым руководитель обязан при наложении дисциплинарного взыскания соблюдать правила служебной вежливости и не допускать унижения личного достоинства подчиненного.<sup>3</sup>

Несоблюдение руководителем пп. 30 и 32 Устава может быть основанием для привлечения его к дисциплинарной ответственности.

I. Первая стадия дисциплинарного производства заключается в возбуждении руководителем дела и выявлении им обстоятельств, служащих основанием для постановки вопроса о привлечении работника к дисциплинарной ответственности и выбора применяемой меры ответственности.

В законодательстве не уточняется способ возбуждения дисциплинарного производства. На практике возбуждение дисциплинарного производства чаще всего заключается в обвинении руководителем работника в проступке с одновременным затребованием от него объяснений, в допросе руководителем свидетелей, или в ознакомлении с предложением привлечь работника к дисциплинарной ответственности и с сопроводительными материалами, полученными от лица, не имеющего права на применение дисциплинарных взысканий за данный проступок, от трудового коллектива, общественной организации или товарищеского суда.

Абзац I п. 28 Устава обязывает руководителя потребовать от работника объяснения до наложения дисциплинарного взыскания. Законодательство не предусматривает обязательную форму для предъявления подобного истребования. На практике оно всегда осуществляется в устной форме. Обоснованность такой практики оспаривается Н.И. Данченко, который считает нужным установить обязательное письменное обвинение работника в проступке с изложением конкретных обстоятельств, дающих основание для постановки вопроса о привлечении его к дисциплинарной ответственности. Он полагает, что в таком случае объяснение работника будет носить конкретный характер и будут

<sup>3</sup> В Уставе 1964 г. такое требование отсутствовало.

исключены конфликтные ситуации по поводу соблюдения сроков привлечения к дисциплинарной ответственности /13, с. 180-181/. По нашему мнению, следовало бы сохранить существующую форму истребования объяснения, так как при ином решении капитаны судов и другие руководители будут еще больше перегружены оформлением документов. Письменным обвинением не может быть доказан и день обнаружения проступка. Им доказывается лишь день обвинения. Однако Н.И. Данченко прав в том, что в обвинении должны быть изложены конкретные факты о предполагаемом проступке. Это решение следовало бы закрепить и в законодательстве.

В Уставе, в отличие от Устава 1964 г. (п. 25), содержатся указания о форме объяснения работника. В абзаце 2 п. 28 Устава предусматривается, что при необходимости применения более тяжелых дисциплинарных взысканий, чем строгий выговор объяснение представляется только в письменной форме. В остальных случаях руководитель может согласно абзацу 1 п. 28 Устава затребовать от работников как устные, так и письменные объяснения. По нашему мнению, изложенное решение не соответствует общим началам дисциплинарной ответственности, так как из абзаца 2 п. 28 Устава вытекает, что необходимость применения тех или иных дисциплинарных взысканий может быть установлена руководителем уже перед выявлением обстоятельств, являющихся основанием для выбора применяемой меры ответственности. Мы считаем, что более удачное решение предусмотрено абзацем 1 п. 29 Типовых правил внутреннего трудового распорядка /16/, в соответствии с которым объяснения всегда должны иметь письменную форму. Преимущество письменной формы заключается прежде всего в том, что, составляя письменное объяснение, работник имеет достаточно времени для его подготовки и анализа своего проступка. Также следовало бы согласиться с теми руководителями, которые считают затребование письменного объяснения дисциплинирующим фактором даже тогда, когда за ним не следует применение дисциплинарного взыскания.

Отказ от дачи письменного объяснения не освобождает виновного работника от дисциплинарной ответственности (абзац 2 п. 28 Устава). Такие же последствия имеет отказ от дачи устного объяснения, так как в ч. 2 ст. 142 КЗоТ ЭССР предусматривается, что в случае непредставления нарушителем без уважительных причин объяснения взыскание может быть наложено независимо от его представления. Однако мы не способны указать ни одного случая обоснованного отказа работника от дачи

объяснения, превратившего наложенное взыскание в незаконное. Поэтому нам представляется целесообразным исключить из ч. 2 ст. 142 КЗот ЭССР слова "по уважительным причинам".

Законодательством не уточняются правовые последствия незатребования руководителем объяснения от работника. При решении вопроса следовало бы руководствоваться п. 9 постановления Верховного Суда Эстонской ССР № 3 от 15 июня 1983 г., которым разъясняется, что незатребование от работника объяснения не является бесспорным основанием признания взыскания недействительным, если проступок имел место /8/. По нашему мнению, незатребование объяснения не может быть самостоятельным основанием для привлечения руководителя к дисциплинарной ответственности.

Расследование руководителем проступка часто заключается также в затребовании от свидетелей доказательств и в ознакомлении с такими доказательствами и материалами, полученными от капитана порта, товарищеского суда, органов прокуратуры и т.д.

Абзац I п. 28 Устава предусматривает в качестве обязанности руководителя на первой стадии дисциплинарного производства лично всесторонне и объективно разобраться в мотивах и причинах совершенного проступка. Однако обязанности руководителя на первой стадии дисциплинарного производства этим не исчерпываются. Он должен выявить все обстоятельства, имеющие значение для постановки вопроса о привлечении работника к дисциплинарной ответственности и выбора применяемой меры ответственности.

К числу таких обстоятельств, согласно п. 29 Устава, относятся степень вины работника, тяжесть совершенного проступка, вред, причиненный данным проступком, обстоятельства, при которых проступок совершен, мотивы проступка и предшествующая работа лица, совершившего проступок. Вышеизложенные обстоятельства очень часто достаточно конкретно изложены в приказах о наложении дисциплинарных взысканий, изданных в Эстонском морском пароходстве.<sup>4</sup> Однако на практике ЭМП при определении меры дисциплинарной ответственности учитываются также и многие другие обстоятельства. Например, тяжелое влияние ряда семейных осложнений на психику работника и его чистосердечное раскаяние, чистосердечное раскаяние и заверение впредь не повторять подобного нарушения, чистосердечное

<sup>4</sup> В дальнейшем - ЭМП.

раскаяние и просьба об оставлении на любой штурманской должности, проявление высокомерия и пренебрежения к интересам экипажа судна, в силу чего капитан судна полностью утратил авторитет в коллективе, отрицательное влияние поведения работника на взаимоотношения членов командного состава судна и т.п. По нашему мнению, принятие во внимание при наказании непредусмотренных законодательством данных, характеризующих личность работника, свидетельствует о хорошей индивидуализации применения мер дисциплинарной ответственности в ЭМП.

Учитывая вышеизложенное, мы предлагаем вменить руководителю в обязанность выявлять не только мотивы и причины совершения проступка, но и всех обстоятельств, имеющих значение для постановки вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности и выбора применяемой меры ответственности. В перечне таких обстоятельств было бы целесообразно прямо указать, что руководитель помимо предшествующей работы должен выяснить также другие обстоятельства, характеризующие личность работника.

На практике ЭМП к выявлению обстоятельств проступка и личности нарушителя, а также к выбору применяемой меры ответственности часто привлекаются различные органы и общественные организации (например, совет капитанов в службе мореплавания, совет капитанов-наставников, совещание командного состава, совет механиков-наставников, внештатная кадровая комиссия при парткоме ЭМП, совет парходства, профсоюзный комитет и т.п.). Окончательный выбор применяемой меры ответственности относится к исключительной компетенции руководителя, которым вопрос о проступке был поставлен на обсуждение. Однако на практике ЭМП в подавляющем большинстве случаев применяется мера ответственности, предлагаемая органом, рассудившим проступок по поручению руководителя. Практика предварительного обсуждения вопроса о нарушении в указанных органах заслуживает поддержки, так как она способствует более многостороннему выяснению обстоятельств совершения проступка и установлению данных, характеризующих личность нарушителя, а также осуждению его ведущими специалистами и сотрудниками.

2. Руководитель, взвешивая обстоятельства, имеющие значение для постановки вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности, а в соответствующих случаях также мнение органа, рассмотревшего вопрос о нарушении, обязан выбрать конкретный способ воздействия на нарушителя, ибо согласно

абзацу 2 п. 18 Устава он не должен оставлять без воздействия ни одного проступка подчиненного. Если же руководитель не выполняет эту обязанность, то к нему могут применяться меры дисциплинарной ответственности.

Наиболее строгим видом реагирования на проступок является наложение на виновного дисциплинарного взыскания. За один проступок в соответствии с п. 31 Устава может быть наложено только одно дисциплинарное взыскание. Это требование распространяется и на те случаи, когда вышестоящий руководитель желает воспользоваться представленным ему абзацем 1 п. 36 Устава правом усилить наложенное нижестоящим руководителем взыскание. Для усиления взыскания он должен, как нам кажется, отменить взыскание, наложенное нижестоящим руководителем. В качестве вторичного наказания или применения взыскания, не предусмотренного законодательством, нельзя рассматривать предупреждение о том, что в случае повторного нарушения будут применяться более тяжкие меры дисциплинарной ответственности, даже если оно объявлено в приказе о наложении взыскания. Например, за самовольный уход с судна и прогул без уважительных причин работнику был объявлен строгий выговор. В приказе о наказании было также указано, что при повторном нарушении трудовой дисциплины будет рассматриваться вопрос о его дальнейшем использовании на судах ЭМП /II/. Объявление подобных предупреждений, на наш взгляд, целесообразно, так как в них выражена степень осуждения работника администрацией.

В абзаце 4 п. 16 Устава указано, что руководитель имеет право вместо применения дисциплинарного взыскания передать вопрос о нарушении дисциплины на рассмотрение трудового коллектива, товарищеского суда или общественной организации.

Если по обстоятельствам дела объявление работнику взыскания в приказе или передача вопроса на рассмотрение трудового коллектива или товарищеского суда нецелесообразно, то согласно абзацу 1 п. 18 Устава руководитель должен сделать работнику устное замечание и предупредить о необходимости соблюдения дисциплины.

Если же руководитель при выборе применяемой меры дисциплинарной ответственности находит нужным, учитывая тяжесть проступка, наложить взыскание, превышающее объем предоставленных ему дисциплинарных прав, то согласно п. 23 Устава он ходатайствует об этом перед вышестоящим руководителем.

Действие капитана судна по представлению вышестоящему

руководителю представления о наложении взыскания на членов судового экипажа нашло в Уставе особую отметку, отсутствующую в Уставе 1964 г. В соответствии с абзацем 2 подпункта "б" п. 21 Устава капитан судна вправе списать с судна любого члена экипажа с одновременным направлением вышестоящему руководителю представления о наложении на этого работника взыскания. Это право принадлежит капитанам всех судов, независимо от числа подчиненных им членов судового экипажа.

В настоящее время списание с судна не является дисциплинарным взысканием, хотя п. 21 Устава позволяет сделать и иной вывод. Ведь в этом же пункте указано, что им определяются дисциплинарные права руководителей. Однако в перечне дисциплинарных взысканий, приведенном в п. 16 Устава, такое взыскание отсутствует.<sup>5</sup> В данном случае списание с судна является особой формой отстранения от работы, заключающейся в исключении работника из личного состава судового экипажа. Капитан судна, списывая члена экипажа с судна, тем самым признает, что по его мнению предоставленные ему дисциплинарные права недостаточны для наказания данного работника, и во-вторых, что в дальнейшем нарушитель дисциплины не может быть использован в качестве члена экипажа данного судна. Вышестоящий руководитель связан с актом списания с судна только в том смысле, что он не может без согласия капитана назначить нарушителя вновь на данное судно. Назначение на судно производится только с согласия капитана судна /4, ст. 44/. Однако списание с судна не влечет за собой обязательного применения к нарушителю дисциплинарного взыскания, права на наложение которого у капитана судна нет. Выбор применяемого взыскания относится к исключительной компетенции вышестоящего руководителя.

Характер проступка, за совершение которого член экипажа может быть списан с судна, Уставом не уточняется. Следовательно, это можно сделать во всех случаях, когда по мнению капитана нарушитель в дальнейшем не может быть использован на этом судне.

Приказом начальник ЭМП от 21 февраля 1985 г. № 168/А запрещается списание с судна нарушителей дисциплины без разбора их проступков и обсуждения дела в общественных организациях судна и указывается необходимость о каждом подобном случае своевременно информировать отдел кадров.

<sup>5</sup> Такое взыскание предусматривалось подпунктом "е" п. 14 Устава 1964 г.

3. Иногда законодательством в качестве гарантии для работников требуется предварительное согласование избранного руководителем дисциплинарного взыскания.

Абзацем 2 п. 20 Устава устанавливается, что увольнение работника производится с предварительного согласия профсоюзного комитета, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Союза ССР, а также грубого нарушения дисциплины, угрожающего безопасности мореплавания или создающего опасность для жизни и здоровья людей. Перечень исключительных случаев, когда увольнение производится без согласия профсоюзного комитета, изложен в постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1965 г. /9/. Из числа работников плавсостава судов морского флота к работникам, по поводу увольнения которых это постановление не требует предварительного согласования с профсоюзным комитетом, относятся лишь капитаны учебных судов и самоходных судов ледокольного, транспортного и технического флота, занимавшие согласно инструктивному письму Министерства морского флота СССР и ЦК профсоюза рабочих морского и речного флота от 4 июля 1966 г. № 45 "О порядке разрешения трудовых споров капитанов морских судов" должности, указанные в перечне № I приложения № I к Положению о порядке рассмотрения трудовых споров.

Установление таких, хотя и ограниченных, гарантий является большим преимуществом Устава перед Уставом 1964 г., которым предварительное согласование увольнения с профсоюзным комитетом вообще не предусматривалось. Однако исключение из-под профсоюзного контроля увольнения за однократное грубое нарушение, угрожающее безопасности мореплавания или создающее опасность для жизни и здоровья людей, вызывает серьезные сомнения, так как строгость мер дисциплинарной ответственности, по нашему мнению, не обуславливает ограничения в гарантиях обоснованности взыскания. Поэтому мы согласны с высказанным в литературе мнением о целесообразности установления обязательного согласования с профсоюзным комитетом увольнения за все нарушения, предусмотренные уставами о дисциплине /5, с. 20; 13, с. 233; 12, с. 84/.

Для отдельных категорий работников законодательством предусматривается особое согласование наложения на них дисциплинарных взысканий.

Пункт 27 Устава гласит, что работники, избранные в состав профсоюзных комитетов судов, пароходств, портов и других предприятий, организаций и учреждений, не освобождены

от своей производственной работы, не могут быть подвергнуты дисциплинарному взысканию без предварительного согласия этих комитетов, а их председатели и профсоюзные организаторы — без предварительного согласия вышестоящего профсоюзного органа.

Однако п. 27 Устава в полной мере не соответствует ст. 99 Основ законодательства о труде. Во-первых, ч. 2 ст. 99 Основ предусматривается, что члены профсоюзных комитетов предприятий, организаций, учреждений могут быть уволены по инициативе администрации лишь с предварительного согласия вышестоящего профсоюзного органа. Уставом же такое согласие не требуется, хотя увольнение в порядке применения дисциплинарного взыскания является увольнением по инициативе администрации. Во-вторых, в Уставе нет предусмотренного ч. 2 ст. 99 Основ требования, в соответствии с которым при увольнении по инициативе администрации не освобожденных от производственной работы председателей и членов профсоюзных комитетов предприятий, организаций, учреждений должен быть соблюден также общий порядок увольнения. Это требование заключается в необходимости получения предварительного согласия этих комитетов даже в случаях, когда это постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1965 г. не требуется /14/. В-третьих, предусмотренное в Уставе предварительное согласование с судовым комитетом наказания членов этого комитета не соответствует ч. 1 ст. 99 Основ, требующей для увольнения членов цехового комитета согласия не цехового, а профсоюзного комитета предприятия, организации, учреждения. Однако практическая обоснованность предусмотренного Уставом последнего решения, на наш взгляд, сомнения не вызывает, ибо длительная оторванность многих судов от местонахождения судовладельческой организации затрудняет согласование взыскания с профсоюзным комитетом этой организации.

Поскольку дисциплинарные уставы должны соответствовать Основам, то при наложении дисциплинарных взысканий на членов профсоюзных комитетов работников морского транспорта необходимо точно соблюдать ст. 99 Основ, а п. 27 Устава следует ввести в соответствие с Основами. В то же время мы считаем целесообразным закрепить в ст. 99 Основ, что члены цехового комитета профсоюза не могут быть подвергнуты дисциплинарному взысканию без предварительного согласия цехового комитета.

Увольнение по инициативе администрации и перевод в порядке дисциплинарного взыскания на нижеплачиваемую работу

депутатов производится с предварительного согласия Совета, а в период между сессиями — с предварительного согласия соответственно исполнительного комитета Совета или Президиума Верховного Совета /2, ч. I ст. 32/.

Для увольнения по инициативе администрации и перевода в порядке дисциплинарного взыскания на нижеоплачиваемую работу председателей группы народного контроля предприятия, колхоза, учреждения, организации помимо соблюдения общего порядка требуется также предварительное согласие районного, районного в городе или городского комитета народного контроля /I, ч. 2 ст. 29/.

Однако при установлении указанных гарантий для членов профкомов, депутатов и председателей группы народного контроля законодательство исходит из дисциплинарной ответственности по правилам внутреннего трудового распорядка. Им не учитывается, что некоторые уставы о дисциплине устанавливают взыскания, не являющиеся ни переводом на нижеоплачиваемую работу, ни увольнением. На морском транспорте — это предусмотрено подпунктом "ж" абзаца I п. 16 Устава лишение звания лица командного состава морских судов с изъятием диплома (квалификационного свидетельства) на срок от одного года до трех лет. При этом предоставление лицам, лишенным морского звания, работы с учетом профессии (специальности) является не элементом взыскания, а гарантией для работников. Поэтому по буквальному смыслу законодательства лица, лишенные морского звания, не имеют права на гарантии, установленные для депутатов и председателей группы народного контроля, а для наложения этого взыскания на членов профсоюзных комитетов требуется лишь согласие профкома судовладельческой организации. Поскольку работники на время лишения морского звания освобождаются от занимаемой должности и после отбытия взыскания не подлежат обязательному восстановлению на прежней должности, то отсутствие в законодательстве прямого требования об обязательном согласовании применения этого взыскания с соответствующими органами, по нашему мнению, не соответствует смыслу Основ и законов "О статусе народных депутатов в СССР" и "О народном контроле в СССР", заключающемуся в исключении всякого освобождения указанных лиц от занимаемой должности без предварительного согласия соответствующего органа. Учитывая вышеизложенное, мы считаем целесообразным установить, что для наложения на членов профсоюзных комитетов, депутатов и председателей группы народного

контроля дисциплинарного взыскания, применение которого делает невозможным дальнейшее использование данного специалиста на прежней должности, требуется такое же согласие, которое установлено для их увольнения по инициативе администрации.

Для увольнения по инициативе администрации председателя товарищеского суда, его заместителей, секретаря и членов суда требуется согласие вышестоящего профсоюзного органа /7, ч. 6 ст. 5/. По нашему мнению, было бы целесообразно установить также обязательное получение согласия на перевод их в порядке дисциплинарного взыскания на нижеоплачиваемую работу.

Руководителям предприятий, организаций, учреждений запрещается увольнять молодых специалистов в течение трех лет без разрешения министерства (ведомства), которому подчинено данное предприятие, организация, учреждение /6, п. 29/.

В двух последних случаях законодательством не указано, что согласие соответствующего органа должно быть предварительным. Однако мы полагаем, что для увольнения работника в указанных случаях также необходимо получить предварительное согласие, так как требуемое законодательством согласие соответствующего органа на осуществление тех или иных действий может быть лишь предварительным.

Законодательство не требует согласия вышестоящего профсоюзного органа или вышестоящего органа управления на лишение морского звания председателя товарищеского суда, его заместителей, секретаря суда, членов суда и молодых специалистов. Однако по соображениям, обуславливающим наше предложение об установлении предварительного согласия соответствующего органа на лишение морского звания депутатов, членов профсоюзных комитетов и председателей группы народного контроля, необходимость такого согласия следовало бы предусмотреть.

Законодательством не предусматриваются сроки, в течение которых вышеизложенные органы должны рассмотреть вопрос, поставленный администрацией на рассмотрение. По аналогии со сроком, предусмотренным для рассмотрения профсоюзным комитетом предприятия, организации, учреждения трудовых споров, в литературе считается правильным, что профком должен рассмотреть просьбу администрации о даче согласия на наложение дисциплинарного взыскания не позднее семи дней со дня ее полу-

чения /18, комм. 3 к ст. 40/. Прямо это предусматривается ст. 44 КЗоТ Узбекской ССР. По нашему мнению, целесообразно установить данный срок всеми нормативными актами, требующими согласия определенного органа на наложение взыскания.

Частью 3 ст. 40 КЗоТ ЭССР предусматривается, что администрация вправе расторгнуть трудовой договор не позднее месяца со дня получения согласия профсоюзного комитета предприятия, организации, учреждения. Во всех остальных случаях согласие на положение взыскания не теряет силы за давностью. Однако это не значит, что предусмотренные п. 33 Устава сроки давности в данном случае не должны быть соблюдены.

4. Пунктом 17 Устава предусматривается, что любое дисциплинарное взыскание, кроме устного замечания, объявляется в приказе. Однако требований в отношении содержания этого приказа в Уставе нет. В приказах, изданных в ЭМП, кроме указаний о применяемом взыскании, содержится очень подробное описание проступка, а часто изложены и основные моменты из объяснения работника, обстоятельства, способствующие совершению проступка, данные о личности нарушителя, учитываемые при выборе взыскания, данные о предварительном рассмотрении дела трудовым коллективом или компетентным органом, данные о получении согласия на применение взыскания от компетентного органа и т.п. В то же время в этих приказах, как правило, нет указаний на исчисление предусмотренных для наказания сроков давности в каждом конкретном случае, что затрудняет надзор за их соблюдением. Необходимость изложения перечисленных выше данных в приказах о наказании очевидна.

Работник должен быть ознакомлен с приказом под расписку в трехдневный срок со дня его издания (п. 17 Устава).

В морском флоте юридическое значение ознакомления работника с приказом о наказании под расписку состоит в том, что с этого дня по общему правилу наступает дисциплинарная ответственность. Ведь абзац 1 п. 35 Устава связывает начало годичного срока наказанности, т.е. начало дисциплинарной ответственности, по общему правилу с днем наложения взыскания. Днем наложения взыскания мы считаем именно день ознакомления работника с приказом о наказании, так как при ином решении остается непонятным, почему при установлении систематичности проступков во внимание принимаются только те дисциплинарные взыскания, которые объявлены работнику под расписку. При применении взыскания в виде лишения морского звания ознакомление работника с приказом не имеет самостоятельного

юридического значения с точки зрения возникновения дисциплинарной ответственности, так как в данном случае годичный срок наказанности, согласно абзацу I п. 35 Устава, исчисляется со дня исполнения взыскания. Значит, в таком случае дисциплинарная ответственность наступает со дня изъятия диплома (квалификационного свидетельства). Однако лишение звания, не объявленное работнику под расписку, является недействительным.

Юридическое значение трехдневного срока, предусмотренного п. 17 Устава, для объявления работнику приказа о наказании дискутируется в литературе. Н.А. Тимонов занимает позицию, согласно которой несоблюдение трехдневного срока, как и других сроков, установленных для наложения дисциплинарных взысканий, влечет за собой недействительность наложенного взыскания /15, с. 108/, а Л.М. Кяйс полагает, что несоблюдение трехдневного срока таких последствий не имеет, так как, по ее мнению, отмена взыскания нецелесообразна, если приказ издан непосредственно после обнаружения проступка, но объявлен по истечении указанного срока /19, с. 34-35/. Нам кажется, что положение Л. Кяйс, хотя и разумное, не вытекает из законодательства. По нашему мнению, законодательству соответствует положение Н.А. Тимонова, так как законодательство, действительно, не дает оснований для вывода о том, что трехдневный срок не обладает императивным характером. Поэтому необходимо отменить дисциплинарные взыскания, объявленные работнику по истечении этого срока. Однако разумность этого решения вызывает серьезные сомнения. Во-первых, в законодательстве нет оснований для приостановления трехдневного срока, хотя этот срок может истекать по независимым от администрации причинам. Во-вторых, практически невозможно проверить соблюдение руководителем трехдневного срока, так как он всегда может отменить неизвестный работнику приказ и издать новый. В-третьих, поскольку руководитель может задерживать с изданием приказа в течение месяца, то, по нашему мнению, невозможно аргументировать необходимость отмены взыскания, объявленного работнику по истечении трех дней со дня издания приказа. По этим соображениям мы предлагаем исключить указанный срок из законодательства.

В уточнении нуждается также вопрос о действительности взысканий, объявленных работнику по истечении месячного срока давности, если приказ был издан в течение этого срока. Л.М. Кяйс, считая взыскание наложенным со дня издания

(оформления) приказа, полагает, что приказ, который должен быть издан в течение месячного срока, может быть объявлен работнику также и по истечении этого месяца, но в пределах трех дней /19, с. 34-35/. Нами было указано, что под наложением взыскания следует понимать не издание приказа, а объявление его работнику под расписку. Следовательно, в течение месяца необходимо как издать приказ, так и объявить его работнику. Аналогичное положение было высказано И.Я. Мяллем в период действия Типовых правил внутреннего трудового распорядка 1957 г., которыми трехдневный срок для объявления взыскания не предусматривался. Он оправданно указывал, что с точки зрения работника юридическое значение имеет не издание приказа, а объявление ему взыскания, что наложение и объявление взыскания не могут быть отделены друг от друга /20, с. 131/.

Пунктом 23 Устава 1964 г. предусматривалось приведение дисциплинарного взыскания в исполнение немедленно после его наложения. В Уставе подобное правило отсутствует. Им также не запрещается исполнение взыскания по истечении месячного и шестимесячного (годового) сроков давности. Однако в тех случаях, когда объективные препятствия для этого отсутствуют, взыскание следовало бы исполнить немедленно, ибо немедленное исполнение взыскания увеличивает его воспитательный эффект.

Уставом, как и Уставом 1964 г., не предусматривается донесение применяемых дисциплинарных взысканий до сведения других работников. Однако в приказах о наказании, изданных начальником ЭМП, довольно часто требуется размножение данного приказа и разослание его на все суда парокходства для рассмотрения их на совещаниях командного состава. Обычно так поступают с приказами о наказании за нарушения, угрожающие безопасности мореплавания, и с приказами о наказании за нарушения таможенных правил. Кроме того, министр морского флота иногда доводит до сведения работников морского транспорта как взыскания, наложенные им самими, так и взыскания, наложенные нижестоящими по отношению к нему руководителями. По нашему мнению, такая практика преследует двойную цель: во-первых, оглашением применяемых мер ответственности увеличивается степень осуждения виновного, и, во-вторых, донесение сведений о наказании до других работников является одним из способов реализации предусмотренных ч. 2 п. 18 Устава обязанностей руководителя создать нетерпимое отношение

к нарушителям дисциплины и привлекать трудовой коллектив к борьбе с этими нарушениями.

Уставом, в отличие от Устава 1964 г. (абзац 2 п. 28), не предусматривается занесение дисциплинарных взысканий в личное дело работника. Этим вызван вопрос допустимости занесения дисциплинарных взысканий в личные дела моряков, тем более что некоторые авторы предлагают установить занесение дисциплинарных взысканий в личные дела. Например, Л.А. Карпович, предлагая установить такое правило в речном транспорте, аргументирует свое предположение тем, что наказание не может скомпрометировать работника. По ее мнению, в личные дела могут быть занесены лишь взыскания, наложенные за проступки, угрожающие безопасности плавания /3, с. 82-83/. Нам кажется, что с таким предложением нельзя согласиться хотя бы потому, что капитан не может укомплектовать экипаж судна, не зная деловых и личных качеств кандидатов, в том числе и не располагая информацией об отсутствии или наличии у них наказанности не только за проступки, угрожающие безопасности мореплавания, но и за другие нарушения. Учитывая это, а также отсутствие в законодательстве прямого запрета на занесение дисциплинарных взысканий в личные дела, следовало бы и в настоящее время включить приказы о наложении дисциплинарных взысканий в личные дела моряков.

Дисциплинарные взыскания, за исключением увольнения, в трудовую книжку не записываются (см. чч. 3 и 4 ст. 43 КЗоТ ЭССР). С целью обеспечения максимальной информированности администрации о дисциплинированности желающего заключить трудовой договор работника было бы целесообразно предусмотреть обязательное представление при приеме на работу деловой характеристики, подписанной уполномоченным для этого руководителем на последнем месте работы, излагающей помимо прочего все дисциплинарные взыскания, со дня применения которых истекло не более одного года, независимо от места их наложения.

#### Использованные материалы

1. Закон СССР о народном контроле в СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1979. - № 49. - Ст. 840.
2. Закон СССР о статусе народных депутатов в СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1972. - № 39. - Ст. 347; 1979. - № 17. - Ст. 277.

3. Карпович Л.А. Трудовые права работников речного транспорта. - М.: Юрид. лит., 1971.
4. Кодекс торгового мореплавания Союза ССР // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1968. - № 39. - Ст. 351.
5. Нефедов В.И. Правовое регулирование труда работников морского транспорта (плавающего состава судов морского транспортного флота СССР): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1965.
6. Положение о межреспубликанском, межведомственном и персональном распределении молодых специалистов, оканчивающих высшие и средние специальные учебные заведения // БНА МВ СССР. - 1981. - 5.
7. Положение о товарищеских судах // Ведомости Верховного Совета и Правительства Эстонской ССР. - 1978. - № 8. - Ст. 95.
8. О повышении роли судов в укреплении трудовой дисциплины: Постановление пленума Верховного суда Эстонской ССР № 3 от 15 июня 1983 г. // Советское право. - 1983. - № 4.
9. О порядке применения ст. 10 Положения о правах фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза: Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1965 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1965. - № 40. - Ст. 587.
10. О внесении изменений и дополнений в Устав о дисциплине работников морского транспорта СССР: Постановление Совета Министров СССР от 11 июня 1964 г. № 496 // СП СССР. - 1964. - № 11. - Ст. 72.
11. Приказ начальника ЭМП № 951/А от 30 ноября 1982 г.
12. Рез Р.С., Явич Ю.Н. О некоторых особенностях правового регулирования труда плавсостава в коллективных договорах морских пароходств // Тр. / ЦНИИМБ. - М.: Транспорт, 1968. - Вып. 95.
13. Симорот З.К. и др. Применение законодательства, регулирующего дисциплину труда рабочих и служащих. - Киев: Наукова думка, 1980.
14. Соляник В. Согласие профкома необходимо // Труд. - 1971. - 21 нояб.
15. Тимонов Н.А. Трудовой распорядок на предприятии. - М.: Юрид. лит., 1974.
16. Типовые правила внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих предприятий, учреждений, организаций // Бюллетень Госкомтруда. - 1984. - № 11.

17. Устав о дисциплине работников морского транспорта // СП СССР. - 1984. - № 22. - Ст. 120.
18. Eesti NSV töökoodeks: Kommenteeritud väljaanne / Koost. J. Mäll. - Tln.: Eesti Raamat, 1978.
19. Käis L. Distsipliin ja seaduslikkus töökollektiivis. - Tln.: Eesti Raamat, 1981.
20. Mäll J. Tööliste ja teenistujate distsiplinaarvastutusest // TRÜ õigusteaduslikke töid: Artiklite kogumik. - Trt.: S. n., 1964.

## О ЧУВСТВЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТОРГОВЛЕ

И.И. Аувяэрт, Х.В. Дсисс  
Тарту

Характеризуя перспективу развития советского общества на XXVII съезде КПСС неоднократно отмечалось, что в будущем откроется большой простор для творчества и инициативы масс, будут углубляться коллективистические начала на производстве, еще более утвердится в сознании людей их причастность к общему делу. Именно тогда будет воплощено в жизнь указание В.И. Ленина, "... чтобы работник чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а представителем страны, чтобы он чувствовал на себе ответственность" /1, с. 369-370; 2, с. 45/. "Ответственность - находим мы в "Философском словаре" - это категория этики и права, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу (человечеству в целом), которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм" /3, с. 267/. Границы долга, способность человека к выполнению долга и условия его правоты и виновности составляют его ответственность. Ответственность отражает прежде всего масштаб, объем личных задач, обязанности индивида, т.е. пределы долга. Долг есть обязанность человека перед кем-то, равно как и перед своей совестью. Совесть представляет собой осознание и переживание им ответственности, основанные на самооценках исполнения обязанностей. Но в то же время при определении ответственности необходимо учесть и возможности, условия выполнения индивидом своих обязанностей. Именно возможность личности, наряду с необходимостью реализовать нравственные требования, является основой для определения ответственности в этике. В этике ответственность - это соответствие моральной деятельности личности ее долгу, рассматриваемое с точки зрения возможностей личности /4, с. 229/.

Любое социальное отношение является субъектно-субъектным отношением. Это относится и к ответственности. Кроме субъекта ответственности, существует еще другой субъект, перед которым надо держать ответ. Последнего именуют инстанцией /5,

с. 12/. Инстанция оценивает деятельность субъекта ответственности и налагает санкции в зависимости от степени вины или заслуг. Субъектно-субъектное отношение всегда предметно. Оно реализуется через объект. Субъектом ответственности могут выступать отдельная личность, коллектив или большая социальная общность, то есть все, чья деятельность надлежит оценке. Историческое развитие ответственности происходило от коллективной ответственности к индивидуальной и от внешне индивидуальной к внутренне индивидуальной, осознанной, личностной ответственности. Если мы первую половину этого процесса назовем индивидуализацией ответственности, то вторую половину - одухотворением ответственности или спиритуализацией ответственности /6, с. 318-319/.

Довольно часто, говоря об ответственности имеется в виду ответственность за прошлое, за содеянное, но в этике особое значение приобретает ответственность за будущее. Появление ответственности за будущее - результат способности субъекта осознать личную ответственность за осуществление своих обязанностей и предвидеть последствия собственной деятельности. Основной задачей системы социализации должно быть именно формирование ответственности как черты характера личности, способствующей принятию ответственности заранее, сознательно и добровольно. Основная тенденция в историческом развитии ответственности проявляется в том, что возникает дополнительный внутренний механизм контроля. Отсюда можно сделать вывод, что и в аспекте ответственности в филогенезе и онтогенезе человек должен проделать путь от простого исполнителя к активному субъекту. Следствие этого - перенос инстанции, перед которой субъект держит отчет, с внешнего уровня на внутренний. На внешнем уровне такой инстанцией является только общество, разные социальные институты, а при наличии внутреннего уровня - сам человек.

Количество инстанций, которым подотчетен индивид, достаточно велико. По характеру социальных отношений инстанции можно разделить на два крупных класса: формальные и неформальные.

Все виды ответственности объединяет то, что они представляют собой формы контроля за деятельностью субъекта на разных ее этапах и характеризуют ответственность либо с позиции общества, либо с позиции личности. В первом случае ответственность отражает подотчетность субъекта в плане реализации им требований общества с последующим применением санк-

ций в зависимости от степени его вины или заслуг. Ответственность выступает здесь как средство внешнего контроля. Во втором случае ответственность отражает отношение к должному самого субъекта, его предрасположенность, готовность осуществлять должное. Ответственность служит здесь средством внутреннего контроля.

Анкетирование, проведенное в 1985 г. среди работников 26 магазинов Тартуского управления торговли, позволило выяснить среди прочих обстоятельств также влияние на психику работников различных форм контроля и контролируемых. Для выяснения тех внутренних обстоятельств, исходя из которых работники выражали свое мнение, мы использовали факторный анализ. Здесь приведем лишь один, имеющий наибольшую описательную силу фактор, вместивший в себе следующие отдельные факторы: некомпетентность и недоверие контролируемых; влияние окружающей среды, заставляющей нарушать правила торговли, и грубость покупателей. Учитывая довольно близкое сходство факторов в воздействии, которое они оказывают, этот фактор можно было бы назвать фактором эмоционального стресса. Отсюда видно, что на некоторую часть работников самое сильное влияние оказывают ситуации, в которых ставится под сомнение профессиональная этика продавца, вызывая вследствие этого острое или продолжительное стрессовое состояние. Таким же образом воздействуют и ситуации, в которых продавец вынужден идти на компромисс с требованиями профессиональной этики работника торговли. Отклонение от нравственных норм рано или поздно также приводит к деградации содержательной стороны труда, и наоборот. Так, в результате ситуаций, оскорбляющих профессиональное или человеческое достоинство продавца, снижается способность к деятельности, что в конечном итоге приводит к профессиональной деформации, к более или менее длительному снижению качества жизни.

Следствием некомпетентности и недоверия контролируемых является также рост нервного напряжения и повышение рабочей нагрузки. В то же время связь с низкой заработной платой указывает на то обстоятельство, что контрольные рейды такого рода оказывают влияние также и на материальное стимулирование в его обратном направлении.

Ответственность — это прежде всего качество, характеризующее социальную типичность личности. Но ответственность обычно не измеряется, так сказать, в чистом виде, а при помощи ряда показателей. Проводя лекции торговым работникам,

мы не раз задавали им вопрос: какие свойства, по-Вашему, должен иметь идеальный продавец или идеальный руководитель торговли? Должны признаться, что в перечне свойств не было ответственности, но в то же время довольно часто повторялись такие свойства, как честность, точность, пунктуальность, верность личности исполнению обязанностей и т.п. Такие свойства личности и можно считать показателями ответственности в торговле.

Опираясь на данные вышеуказанного исследования, рассмотрим подробнее, как осознают материальную ответственность работники торговли.

Материальная ответственность является всеобщим требованием работы в торговле, осознание которой должно было бы входить в природные качества работника торговли. Далее рассмотрим материальную ответственность, исходя из трех аспектов: материальная ответственность как требование, предъявляемое к работе по специальности; как обстоятельство, вызывающее неудовлетворение работой по специальности и, в-третьих, как причина перемены места работы. Оценки, данные этим аспектам, изложены в табл. I. Оценки измерялись на основе 5-балльной шкалы, причем при составлении таблицы использовалась оценка "именно это", что позволяет выявить количество работников, имеющих самое категорическое из всех мнений.

I. Материальная ответственность как специфический аспект работы в торговле является само собой разумеющейся, и так ее понимают 3/4 опрошенных. По сравнению со всеми другими аспектами профессионального труда (доступность дефицитных товаров и т.п.), которые привлекают к работе в торговле, требование ответственности является одним из самых неприятных, но, к сожалению, неизбежных. То, что с ней считаются все, кто избрал работу в торговле, независимо от возраста, семейного положения, стажа, образования, показывает отсутствие сколько-либо существенных коррелятивных связей с названным признаком. По сравнению с продавцами продовольственных магазинов среди продавцов магазинов промышленных товаров "бремя" ответственности ощущается более сильно, и по вполне понятным причинам, учитывая количество находящихся в их распоряжении материальных ценностей. Особенно сильно оно выражается в оценках работников ювелирного магазина.

Для выяснения внутренней структуры оценок рассмотрим подробные корреляционные связи, знание которых позволит лучше понять понимание и представление работников о чувстве от-

ветственности, а также то, как конкретная рабочая ситуация влияет на осознание ответственности и поведение человека при его работе по специальности. Выясняется, что ответственность и понимание того, что работа по специальности дает возможность между прочим уладить и свои личные дела, несомнестимы. Работники, выбравшие торговлю на основе таких соображений, страдают явным дефицитом чувства ответственности, но их самих это не беспокоит. В результате всего этого микроклимат в коллективе становится напряженным, порождается атмосфера недоверия. Существенные связи обнаруживаются между составом коллектива и материальной ответственностью. Те, кто меньше внимания уделяют материальной ответственности, в то же время в высшей степени довольны возрастным, половым и национальным составом коллектива. Подобная связь, как нам кажется, указывает на тот тип микроклимата, где чувство локтя сформировалось в его отрицательном значении, где, видимо, действует принцип отношений типа "рука руку моет".

Таблица I

Сознание материальной ответственности при оценке работы по специальности (в % на основе крайней положительной оценки "именно это")

	Всего	Магазины про-мышленных то-варов	Магазины про-дольственных товаров
1. Характерный для работы по специальности признак	73,6	83,3	63,2
2. Обстоятельство, являющееся причиной неудовлетворенности работой по специальности	16,5	12,2	21,1
3. Причина перемены места работы	5,1	4,6	5,6

Успешная и результативная работа должна обеспечивать и законную доступность разного рода льгот. Но, к сожалению, социальная справедливость еще не реализуется в полной мере, вследствие чего для достижения различных преимуществ используется незаконный путь. Выясняется, что в исследованном нами коллективе использование так называемых "нужных" людей осу-  
ж-

дается теми работниками, у которых высоко развито чувство ответственности, и наоборот — люди, у которых слабо развито это чувство, которые, сами вступая в противоречие с законом, готовы предложить "помощь", охотно и сами пользуются такого рода встречными услугами.

2. Материальная ответственность как обстоятельство, являющееся причиной неудовлетворенности работой по специальности, среди исследованных нами 8 факторов оказалась на четвертом месте, причем в 16,5% она явилась основным обстоятельством. Как видно из табл. I, работников продовольственных магазинов это беспокоит больше. В то же время, несмотря на большое количество магазинов (26), в которых был произведен опрос, оценки, данные материальной ответственности как вызывающему неудовлетворение обстоятельству, являются самыми низкими по сравнению с другими причинами неудовлетворенности. И это понятно, поскольку ответственность как всеобщее требование действительна по отношению ко всем. Специфика может тут быть вызвана лишь в случае, когда имеет дело с являющимся в высшей степени ценным товаром, как это обнаружилось в оценках работников ювелирного магазина.

Из корреляционных связей оценок выясняется, что те, кто при поступлении на работу в торговлю ориентировались на хорошие возможности получать дефицитный товар, в ходе работы все более и более начинают видеть в материальной ответственности обстоятельство, мешающее реализовать эту возможность.

3. Материальная ответственность как обстоятельство, побуждающее сменить место работы.

Текучесть кадров является одной из центральных среди социальных проблем трудовых коллективов нашей республики. Для выяснения причин ухода с работы торговые работники давали оценку шестнадцати различным причинам, среди которых материальная ответственность находилась по счету на шестом месте. Конкретной причиной ухода, как видно из табл. I, она явилась только для 1/20 опрошенных, причем в магазинах промышленных товаров реже, чем в продовольственных.

Как выясняется из корреляционных связей, ответственности сопутствует повышение нервного напряжения, учащение конфликтов на всех уровнях (с коллегами, начальством, покупателями). Существенно влияет на осознание ответственности величина коллектива.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что у тех, кто не любит своей профессии, материальная ответственность может

стать главным мотивом перемены места работы.

В коллективе, где работники лучше осознают свое чувство долга и ответственности, между людьми преобладают и лучшие доверительные взаимоотношения, микроклимат коллектива менее тревожный. Положительный микроклимат, в свою очередь, является хорошей предпосылкой для формирования хозяйского отношения к делу.

Исследование показало, что атмосферу недоверия чувствует чаще лишь незначительное меньшинство (6,8%) опрошенных, при этом в магазинах продовольственных товаров намного больше, чем в промышленных (соответственно 8,9% и 4,8%).

Обстоятельства, вызывающие образование атмосферы недоверия, приведены в табл. 2. По мнению опрошенных, недоверие

Таблица 2

Обстоятельства, вызывающие недоверие в трудовых коллективах (в процентах)

	Всего	Магазины промышленных товаров	Магазины продовольственных товаров
1. Плохая организация работы касс и инкассаторов	3,2	4,4	2,0
2. Непоследовательность в порядке платежей за покупки своих работников	10,3	5,1	15,5
3. Продажа дефицитных товаров	22,1	23,4	20,8
4. Принятие на работу неопытных и новых работников	39,4	36,7	42,2
5. Малая информированность	24,0	29,8	18,2
6. Организация приема и выдачи товаров и тары	1,0	0,6	1,3

между работниками усугубляется в основном тремя обстоятельствами: прием на работу новых и неопытных работников (39,4%), недостаточная информированность (24,0%) и продажа дефицитных товаров (22,1%). Хотя несвоевременную плату своего работника за купленный товар считает причиной недоверия только каждый

десятый из опрошенных, это обстоятельство самым непосредственным образом выражает чувство долга и ответственности у работников, отношение к своим коллегам, понимание ими общечеловеческих достоинств. То, что зачастую кажется пустым и незначительным, в конечном счете может привести к серьезным отклонениям в понимании принципов профессиональной этики. По сравнению с магазинами промышленных товаров в магазинах продовольственных товаров подобное поведение коллег в три раза чаще вызывает образование взаимоотношений недоверия.

В заключение отметим, что выявленные в ходе нашего исследования торговых работников тенденции имеют место не только в торговле. В торговле они лишь рельефнее выражены.

#### Использованные материалы

1. Ленин В.И. Речь на II Всероссийском съезде комиссаров труда 28 мая 1918 г. // Полн. собр. соч. - Т. 36.
2. Рыжков Н.И. Об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года. - М.: Политиздат, 1986.
3. Философский словарь. - М.: Политиздат, 1980.
4. Словарь по этике. - М.: Политиздат, 1981.
5. Фортухова Г.В. Социальная ответственность личности и атеизм. - М.: Политиздат, 1980.
6. Piaget J. The moral judgement of the child. - London, 1977.

## РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РАЗВИТОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ<sup>I</sup>

Н.А. Баринов, В.С. Константинова

Саратов

Ученые записки Тартуского государственного университета, вып. 679 посвящены проблемам развития и совершенствования правоотношений в развитом социалистическом обществе. Опубликованные в них научные статьи касаются различных вопросов правоотношений собственности, договорного права, гражданско-правовой ответственности и др. Но все их объединяет методика исследования. Наряду с рассмотрением общетеоретических положений (соотношения права и общественных отношений - с. 4-5; соотношения правоотношений общей собственности и правоотношений собственности в целом - с. 19-20; понятие гражданско-правовой ответственности с. 48-49; с. 60-61 и др.) в каждой статье исследованы и конкретные правовые явления. Сравнительно узкая проблема рассматривается исходя из общих положений. Работы отличаются актуальностью и новизной, оригинальностью как в постановке вопросов, так и в подходе к уже сложившимся в теории понятиям. Отдельные положения носят спорный характер, однако авторы сумели найти достаточные аргументы в пользу обоснования своего мнения.

Указанные обстоятельства значительно повышают ценность работ.

Сборник открывается статьей Х.В. Сеппа "Теоретические проблемы отношений общей собственности и их правового регулирования в развитом социалистическом обществе". Вопросы, связанные с правом общей собственности, вызывают различные толкования. Автор оригинально рассматривает их на уровне общественных отношений. Детально исследуя такие конструкции,

<sup>I</sup> Рецензия на сборник научных работ: Уч.зап. Тарт. ун-та. - 1984. - Вып. 679: Развитие и совершенствование правоотношений в развитом социалистическом обществе. - 104 с.

как отношения собственности и отношения общей собственности, он рассматривает их как внешние и внутренние отношения. Внешние отношения — отношения между субъектом права общей собственности и всеми третьими лицами — являются отношениями собственности. Убедительно показано, что правоотношения такого рода закрепляют принадлежность вещи определенным лицам и носят абсолютный характер.

Внутренние отношения, складывающиеся между собственниками по поводу одной и той же вещи, составляют, по мнению автора, отношения общей собственности. Правовое регулирование этих отношений определяет поведение участников общей собственности по владению, пользованию и распределению общей вещь, предоставляя им определенные права и налагая юридические обязанности. Эти правоотношения носят относительный характер, субъектный состав их конкретно определен (с. 78).

На должном теоретическом уровне рассмотрены характерные черты долевой и совместной собственности, высказано своеобразное мнение по этому вопросу. Вместе с тем, разделяя мнение относительно особого субъектного состава в общей совместной собственности, где связь участников носит не только имущественный, но и личный характер, автор недостаточно убедительно подвел под эту конструкцию отношения общей собственности, возникающей в производственном объединении в сельском хозяйстве (с. 13-14).

Проведенное глубокое исследование вопросов права общей собственности позволило автору внести заслуживающие внимания предложения по совершенствованию структуры гражданских кодексов (с. 15). В целом статья Х.В. Сеппа представляет ценный вклад в развитие науки о праве общей собственности.

П.П. Касък в статье "Понятие и виды правоотношений общей собственности" удачно рассматривает правоотношение общей собственности как элемент двух разноплоскостных систем — правоотношений собственности и механизма правового регулирования отношений общей собственности. Большое внимание уделяется в работе такому фундаментальному понятию, как понятие собственности в значении материального общественного отношения (с. 20-21).

Беря за основу традиционное понятие собственности как совокупности отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом, автор обращает внимание на то, что собственность в то же время представляет собой определенную часть отношений присвоения (с. 22). Анализируя категорию правоотношений

ношения собственности, автор вслед за Д.К. Толстым рассматривает его как особое идеологическое отношение, возникающее в ходе правового регулирования собственности. Можно не соглашаться с подобной трактовкой, но нельзя не признать логики в научном суждении.

Особый интерес представляет идея рассмотрения правоотношений общей собственности в качестве особых отношений, возникающих в ходе правового регулирования отношений общей собственности. Однако, как нам представляется, термин "особые отношения" недостаточно раскрывает смысл и специфику данного явления.

Не соглашаясь с конструкцией Х.В. Сеппа, который исключает участие во внутренних отношениях (по его терминологии) всех третьих лиц, П.П. Касьяк считает, что отношения между общими собственниками и между ними и всеми остальными лицами являются однородными (с. 23).

Своеобразна позиция автора в отношении функций и места правоотношений общей собственности в механизме правового регулирования (с. 25), специфики субъективного права и субъективной обязанности в правоотношениях общей собственности (с. 26). По мнению П.П. Касьяка, правоотношения общей собственности в целом носят одновременно и абсолютный и относительный характер (с. 26-27).

Особое внимание в работе уделено понятию объекта правоотношения общей собственности, каковым являются не вещи, а материальные отношения общей собственности. Рассмотрены виды общей собственности (долевая, совместная). Основное различие между ними состоит в объеме отношений. Дополнительным разграничительным критерием этих правоотношений назван особый субъектный состав управомоченной стороны (супруги, члены колхозного двора) (с. 28).

В заключение даны определения понятий правоотношений общей собственности, общей долевой и совместной собственности, что свидетельствует о четкой структуре и логической завершенности работы.

Отношения по обслуживанию населения исследованы Э.И. Плоомом в статье "Охрана прав граждан в договорных отношениях в развитом социалистическом обществе". Отметив возрастающее значение договора на современном этапе в деле обеспечения интересов граждан (с. 30-31), автор рассматривает систему охранительных и защитных мер на примере договоров розничной купли-продажи и бытового порядка.

Анализ действующего законодательства и практика применения его позволили автору выявить конкретные ситуации в договорных отношениях, где интересы граждан-покупателей, обеспечиваемые нормами ГК, существенно ущемляются подзаконными нормативными актами. В частности, это касается прав покупателей при продаже им недоброкачественной вещи.

Проблемы, рассматриваемые Э.Л. Плоомом, приобретают особую актуальность в условиях развитого социализма, когда речь идет о наиболее полном обеспечении имущественных потребностей граждан, то есть потребностей в продовольственных и промышленных товарах, а также в различных услугах. Сделанные автором выводы и предложения представляют собой определенный вклад в развитие науки гражданского права (с. 42-43).

Наведение должного порядка в народном хозяйстве, чему в настоящее время партией и правительством уделяется огромное внимание, с необходимостью требует усиления ответственности как социалистических организаций, так и должностных лиц за соблюдение общенародных интересов. В этой связи статья П.А. Варула "Правоотношения по гражданско-правовой ответственности" весьма актуальна.

Гражданско-правовая ответственность и, прежде всего, договорная ответственность, занимает важное место среди правовых средств, направленных на обеспечение надлежащего исполнения обязательств.

Исходным моментом в исследовании является утверждение автора о том, что гражданско-правовая ответственность (как договорная, так и внедоговорная) реализуется через особые охранительные правоотношения, которые автор называет правоотношениями по гражданско-правовой ответственности.

Некоторые из высказанных автором положений носят спорный характер; это относится и к понятию, и к содержанию ответственности.

Ответственность понимается как осуждение правонарушителя со стороны законодателя, которое выражается либо в лишении определенного субъективного права, либо в возложении дополнительной юридической обязанности.

Автор подходит к понятию ответственности с точки зрения оценки этого поведения со стороны законодателя и указанием на последствия такого поведения. Однако, думается, что определение ответственности должно отразить состояние в этом правоотношении самого субъекта.

Более четко выражена мысль автора о характеристике от-

ветственности как дополнительного обязательства. Здесь им найдена своеобразная аргументация в пользу наличия дополнительного обязательства.

Говоря о принуждении, автор рассматривает его как метод воздействия, находящийся по сравнению с правовой ответственностью в другой плоскости. Отличается связь этих явлений; она выражается в том, что принуждение имеет место лишь при наличии правовой ответственности (с. 55).

В работе даны определение охранительных мер, характеристика охранительного правоотношения, показано его отличие от гражданско-процессуальных правоотношений (с. 53), что свидетельствует о теоретической и практической значимости данного исследования.

Две статьи Э.Я. Лаасика ("Вопросы возмещения вреда, причиненного несовершеннолетними в возрасте до пятнадцати лет" и "Вопросы возмещения вреда, причиненного несовершеннолетним в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет или несколькими несовершеннолетними совместно") посвящены весьма актуальным проблемам и изложены на высоком теоретическом уровне. Их достоинством является то, что в них рассматривается ряд как общих положений ответственности, так и спорные вопросы деликатных обязательств, возникающих в случае причинения вреда несовершеннолетними.

Нарушение абсолютного субъективного права лица влечет за собой обязанность по возмещению имущественного вреда, которую можно назвать имущественной ответственностью. Последняя реализуется через обязательство, возникшее вследствие причинения вреда. В случае нарушения обязанности возместить вред, наступает ответственность причинителя уже за нарушение возникшего относительного субъективного права. Таким образом, автор различает исполнение обязанности в правоотношении до и после наступления правонарушения (с. 61).

Автором дается своеобразное определение юридической ответственности, характерным для которой является принудительное исполнение обязанности и в абсолютных, и в относительных правоотношениях под определенной угрозой применения санкции, либо в силу обязывающего решения правоприменительного органа (с. 61). Вместе с тем, при дальнейшем анализе ответственности, указывается на то, что ответственность может иметь место и тогда, когда обязанность исполняется добровольно (с. 61). Думается, что в таком случае должно быть уточнено определение ответственности. Тем более, что само

определение ответственности через исполнение обязанности не бесспорно.

**Э.Я. Лаасик** аргументированно и обстоятельно рассматривает целый комплекс вопросов, связанных с применением действующего законодательства, не уходит от решения сложных проблем, в доброжелательной форме ведет полемику по спорным положениям с другими авторами, высказывает свое мнение по тем или иным вопросам теории и практики. Проведенные им научные исследования позволили сделать определенные выводы и внести конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения (с. 67, 82), что свидетельствует о ценности данных научных трудов.

Статья Х.А. Пизуке "К вопросу о субъекте авторского права" посвящена важной проблеме гражданского права и характеризуется четкостью и обоснованностью изложения понятия "субъект авторского права", аспектов вопроса субъекта авторского права (с. 85-86).

Рассматривая вопрос об объеме авторских правомочий и субъектов первоначального авторского права и субъектов производного авторского права, Х.А. Пизуке, как нам представляется, обоснованно предлагает внести такие термины, как "полный" и "ограниченный" объем авторских правомочий. По итогам исследования данной проблемы автором вносятся предложения по совершенствованию гражданского законодательства (с. 88).

Ученые записки вып. 679 завершаются статьей Л.П. Саарнитса "Некоторые проблемы природоресурсового права как учебной дисциплины в современных условиях". Тема весьма актуальна. Посвящена исследованию предмета и системы природоресурсового и природоохранительного права, а последнее регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы (социально-экологические отношения). Говоря о системе природоресурсового права, автор поддерживает мнение ученых о том, что природоресурсовое право возникло в результате дифференциации и интеграции аграрно-правовой системы советского права, и вносит предложение о выработке программы изучения курса в виде общей, особенной и специальной частей (с. 100).

В заключение следует сказать, что ученые записки вып. 679 являются творческой удачей авторского коллектива. Они обогащают науку гражданского права по рассматриваемым проблемам, направлены на совершенствование действующего законодательства, практики его применения и с одобрением будут

встречены юридической общественностью. Отмеченные недостатки и спорные положения не влияют на общую положительную оценку ученых записок.

## О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ .....	3
С.Н. БРАТУСЬ. Материально-правовой аспект гражданской юридической ответственности .....	5
П.А. ВАРУЛ, И.Н. ГРЯЗИН. Некоторые методологические положения исследования юридической ответственности в условиях ускорения социально-экономического развития .....	15
И.А. РЕБАНЕ. О процессуальном аспекте уголовной ответственности .....	29
Я.Я. СООТАК. Уголовная ответственность за преступления, совершенные на почве конфликтов между супругами .....	46
А.А. СОБЧАК. О механизме гражданско-правовой ответственности .....	55
В.Ф. ПОПОНДОПУЛО. О системе ответственности по гражданскому праву .....	65
В.А. ОЙГЕНЗИХТ. Антисубстративные конструкции юридического лица и его ответственность .....	80
С.Е. ДОНЦОВ. Социальная справедливость и применение имущественной ответственности.....	94
Э.Л. ПЛОММ. О роли гражданско-правовой ответственности в совершенствовании отношений по обслуживанию .....	105
Ю.Э. РАЙДЛА. Солидарная ответственность владельцев механических транспортных средств .....	113
О.П. Павлова. Понятие неимущественного вреда как условия ответственности по советскому гражданскому праву .....	128
В.П. КЕЛЬДЕР. Материальная ответственность за гибель скота на сельскохозяйственных предприятиях .....	135
И.М. ОРГО. Некоторые вопросы судебной практики применения законодательства, регулирующего материальную ответственность рабочих и служащих...	147
Ю.А. ПЫЛЬД. Дисциплинарное производство в морском флоте .....	158

Л.И. АУВЯЭРТ, Х.В. ДСИСС. О чувстве ответственности в торговле .....	175
Н.А. БАРИНОВ, В.С. КОНСТАНТИНОВА. Развитие и совершенствование правоотношений в развитом социалистическом обществе .....	183

Ученые записки Тартуского государственного университета.  
Выпуск 765.  
О РОЛИ ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ  
УСКОРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.  
Труды по правоведению.  
На русском языке.  
Тартуский государственный университет.  
ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Вяикооли, 18.  
Ответственные редакторы И. Ребане, П. Варул.  
Корректор Л. Оноприенко.  
Подписано к печати 20.01.1987.  
МБ 01503.  
Формат 60x90/16.  
Бумага писчая.  
Машинопись. Ротапринт.  
Учетно-издательских листов 11,71. Печатных листов 12,0.  
Тираж 500.  
Заказ № 30.  
Цена I руб. 80 коп.  
Типография ТТУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийги, 78.